

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ГЕРМАН ВЕЙС

ОБЫЧАИ и НРАВЫ
КОСТЮМ · УКРАШЕНИЯ
ПРЕДМЕТЫ БЫТА
ВООРУЖЕНИЕ
ХРАМЫ и ЖИЛИЩА

АССИРИЯ. ВАВИЛОН. ПЕРСИЯ. Первые сверхдержавы

Оформление серии и переплета
художника *Е. Шамрай*

Шеф-редактор проекта *В. Людвинская*

Вейс Г.
В 26 История культуры народов мира. Ассирия. Вавилон. Персия.
Первые сверждения. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 144 с., ил.

ISBN 5-699-09181-5
ISBN 5-699-13544-8

В эту книгу вошли описания жизни и уклада народов, основавших в глубокой древности на территории Западной Азии несколько могущественных государств, сменявших друг друга, — ассирийцев, вавилонян и персов. Не одно столетие их войны наводили ужас на соседние страны, а дворцы и города казались порождением окружающей пустынь, сотканным из причудливых волшебных миражей и безудержной восточной фантазии. Не столь мистические в своем искусстве, как их соседи египтяне, эти народы с удовольствием изображали свои военные победы и будни дворцовой жизни, материальные аспекты которых и составили основное содержание второго тома «Истории культуры народов мира».

«История культуры народов мира» — уникальное издание, в котором описаны костюмы, оружие, мебель, посуда и архитектурные сооружения народов нашей планеты начиная с IV тысячелетия до н.э. и вплоть до XIX века. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры Герман Вейс (1822—1897), профессор Берлинской академии художеств, лично выполнивший большинство многочисленных иллюстраций, украшающих страницы этого энциклопедического собрания. По широте и объему материала, сведенного в единое целое с истинно немецкой добросовестностью и аккуратностью, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

УДК 930.85:94(3)
ББК 71.05/63.3(0)31

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ АЗИИ

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Предварительные замечания

удя по свидетельствам, дошедшим до нас из древних преданий, первоначальными обитателями Западной Азии были представители некоей автохтонной народности. Хлынувшие из глубины Азии народы вытеснили это коренное население из занимаемых им местностей и почти полностью его истребили. Остатки его обнаружили израильтяне, когда вступили в Ханаан (Числ., XIII, 33; Второзакон., II, 10).

Пришлые племена, занявшие западную окраину азиатского материка, принадлежали к тому же великому семейству народов, из которого вышли и первые обитатели Аравии. Быт пришельцев, сложившийся под влиянием местных условий, был весьма разнообразен.

Племена, занявшие безводные равнины Сирии, остались кочевыми подобно своим единоплеменникам в средней Аравии, те же, которые поселились на плодородной низменности, орошаемой Евфратом и Тигром, вскоре прекратили бродячую пастушескую жизнь и перешли к оседлой.

Основанные ими поселения стали впоследствии царствами: Вавилонским, или Халдейским, и Ассирийским. «Царство его (Нимрода) вначале составляли Вавилон, Эрех, Акад и Калие в земле Сенаар. Из этой земли вышел Ассур и построил Ниневию, Реховоф-ир, Калах и Ресен между Ниневией и между Калахом, это великий город» (Быт., X, 10—12).

Одновременно с этими царствами развивались культурные центры на побережье Средиземного моря. Здесь на узкой, но богатой природными ископаемыми полосе, заключенной между морем и склонами Ливана, поселились выходцы из Ханаана. Благодаря про-

изводительности труда и удачному географическому положению своей страны они быстро достигли высокого промышленного развития и под именем финикийцев вступили в активные торговые отношения сначала с соседними, а затем и с отдаленными народами.

Важнейшие города Вавилонии и Ассирии начали выступать в роли складов, использовавшихся в сухопутной торговле, а богатые колонии, основанные за 1500 лет до н. э., явились проводниками влияния финикийцев практически во всем мире.

Главными очагами влияния западноазиатской культуры на европейский материк стали острова Средиземного моря, особенно Кипр и Родос, с их плодородной почвой и смешанным активным населением.

Рис. 1

Остальные племена Западной Азии распались на множество небольших групп. Самой важной из них являются филистимляне, обитавшие между Палестиной и Египтом.

Население самой Палестины до занятия ее израильянами было также не единоплеменное. Даже позднее, во времена Судей, здесь все еще продолжалась взаимная борьба различных племен. Ранее других выделяются амореи как сильнейшее и многочисленнейшее племя.

Что касается населения Малой Азии в описываемый период, то одно только встречающееся на египетских памятниках имя «ретенну», или «каппадокийцы», позволяет предполагать, что египтянам была известна населенная этим племенем местность, если только под этим названием действительно имелись в виду каппадокийцы.

Всеми сведениями о западноазиатских народах, касающимися II тысячелетия до н. э., мы обязаны преимущественно египтянам, изображавшим на стенах своих храмов и дворцов представителей покоренных ими племен со всеми окружающими их подробностями быта.

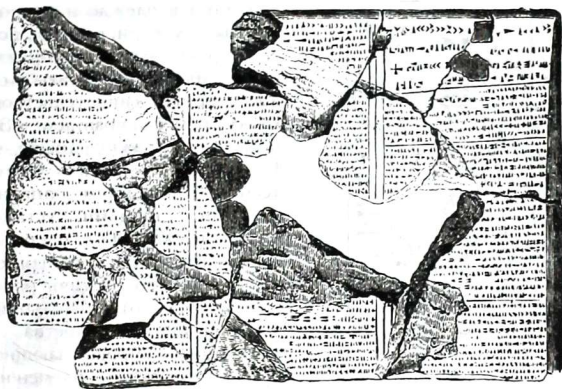

Рис. 2

На древнейших памятниках времен Сети I представлены жители Месопотамии, названные в пояснительной надписи «нагаранна», жители Сирии, или «хели (шеря, шаря)», далее «хета», или халдеи, «тегенну», упомянутые выше «шасу» и «ретенну», или каппадокийцы. Эти народы были основными противниками, с которыми египтянам приходилось сражаться в Азии (рис. 1. Ассирийские всадники преследуют аравийских кочевников; по ассирийскому барельефу из Нимруда).

При потомках Рамзеса к ним присоединились еще несколько племен, которые были также обращены в данников Египта. Надписи на памятниках называют племена: пу-ли-са-та (филистимляне), амаори (или амореи), ти-ку-ри (цекари, гакли), ша (-су), ри-бу, машуаш и некоторые другие.

Последнее название соответствует, возможно, библейскому «мешех» (Быт., X, 2) или «моши» Геродота (III, 94; VII, 79), народу, жившему между Черным и Каспийским морями.

Далее в списке данников Рамзеса III упоминаются и финикийцы под названием Пун или Пунт и смешанное племя темегу, под которым египтяне подразумевали также европейцев или, точнее, северных жителей, как это можно понять из изображения на гробнице Сети I, представителей четырех известных египтянам человеческих рас. Наконец, именем «кефа» названы «обитатели островов, лежащих посредине великого моря». По всей вероятности, речь шла о жителях Кипра.

Все названные племена представлены на памятниках со свойственной египетским художникам обстоятельностью в изображении

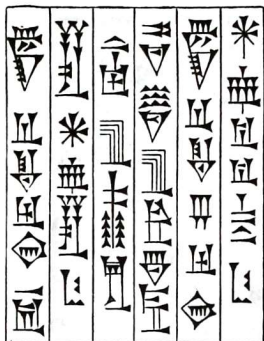

Рис. 3

различий в одежде и подробностей быта: утвари, оружия, построек и пр. По этой причине их изображения могут считаться самым достоверным свидетельством того, что ремесла возникли в Западной Азии гораздо раньше, чем в Египте, и что только благодаря тесным отношениям с западноазиатскими народами, установившимся после побед, одержанных фараонами в Азии, египтяне могли так быстро достичь роскоши, которая была отличительной чертой эпохи Нового царства.

Надписи, сопровождающие изображения азиатских племен на египетских памятниках, а также сами изображения не оставляют никакого сомнения в том, что ремесла и искусства, благодаря которым развитые народы Западной Азии приобрели себе такую широкую известность в то время, существовали у них с незапамятных времен (рис. 2. Глиняная табличка с фрагментами сказания о Потопе; рис. 3. Кирпич с клинообразной надписью из построек Навуходоносора).

Начало обработки хлопка и льна и производство тканей связывались у них, как и у египтян, с мифическим сказанием. Изобретение пурпура приписывалось Гераклу (Сандону), и, по преданию, баснословный царь Феникс носил уже пурпурные одежды.

Искусство финикийцев в изготовлении и крашении тканей, в обработке металлов и стекла, изобретателями которого они слыли, было известно с глубокой древности. Разноцветные ткани города Теры, тирские изделия из слоновой кости и пр. в древности ценились очень высоко. Не меньшей известностью пользовались тканые одежды и бронзовые изделия о. Кипр. Благодаря торговле этими предметами финикийцы и все их колонии за 15 столетий до н. э., окруженные полудикими народами, обладали огромными богатствами и жили в роскоши.

Вавилоняне, или халдеи, не уступали финикийцам в развитии ремесел: их льняные ткани, и в особенности разноцветные тканые одежды и ковры, известные в древности как «вавилонские», принадлежали также к числу ценных товаров.

Одежда

Одежда всех этих народов, судя по изображениям на египетских памятниках, различается как материалом, так и внешним видом. Выбор ткани и форма одежды обуславливались главным образом

климатическими условиями страны, где жил тот или иной народ, а отделка одежды и ее украшения соответствовали уровню промышленного развития народа.

Если Геродот (II, 8—10), говоря о стыдливости лидийцев, замечает, что все восточные варвары (т. е. народы не греческого происхождения) стыдятся наготы, то замечание его справедливо уже и для того далекого времени, о котором мы говорим, хотя допускается много исключений.

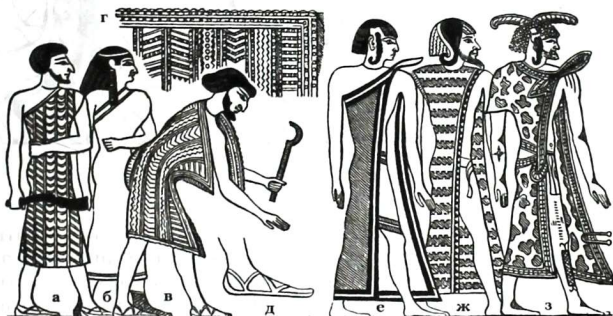

Рис. 4

На сохранившемся в гробнице Сети II изображении четырех человеческих рас, известных древним египтянам, представитель ааму, или азийцев (семитов), имеет на себе лишь узорчатый передник, закрывающий нижнюю часть его тела от поясицы до колен. Таков был костюм и той части семитского племени, которая переселилась в Египет уже в более поздний, мемфисский период и поселилась в египетской области Сах.

Женщины этого племени, а также и некоторые мужчины представлены одетыми в длинную, закрывающую все тело одежду (рис. 4, а—в). Цвет этой одежды, белый с яркими зелеными, синими и красными полосами (рис. 4) заставляет вспомнить упомянутые выше финикийские и вавилонские ткани.

По одежде представителей этого племени можно заключить, что первоначально они жили в стране с жарким климатом — вероятно, южной части Сирии, где большую часть года очень жарко и только зимой воздух несколько освежается благодаря дождям.

В другой группе ааму и в сходных с ней, по крайней мере внешне, группах рибу и темену, представленных на изображениях времен Нового царства (Фивского), мы видим дальнейшее усовершенствование вышеописанного костюма.

Рис. 5

Простая накидка превратилась здесь в полную одежду, охватывающую все тело, кроме рук, которые остаются обнаженными до плеч. Открытая спереди во всю длину, эта одежда застегивалась на одном плече пряжкой или стягивалась вокруг пояса на шнурке. Ткань, из которой она сделана, уже не полосатая, а одноцветная.

Рибу (рис. 4, ж) и темену (рис. 4, з) носили только эту одежду, а ааму, как видно на изображении на гробнице Рамзеса II (рис. 4, е), надевали под нее еще передник. Похожей на верхнюю одежду ааму была одежда некоторых племен хари (хели), жителей Сирии, но делалась она из более легких, иногда полупрозрачных тканей (рис. 5, г).

Все эти племена составляли одну тесно сплоченную группу народов семитского происхождения, заселявших обширную область от границ Месопотамии до малоазиатского побережья. Северную часть этой области, соседнюю с Финикией, занимали, вероятно, темену, так как это племя было известно также под названием «финикийских поморян».

На северной стороне «великого моря» жили ретенну, или каппадокийцы, разделявшиеся на несколько племен, каждое из которых одевалось отлично от остальных. Богатые дани, которые каппадокийцы платили египтянам благородными металлами, колесницами, драгоценными сосудами и т. п., свидетельствуют об их богатстве и уровне развития ремесел.

Можно предположить, что это были финикийские колонисты, которые поселились в Малой Армении, граничившей на северо-востоке с берегом Черного моря.

Живя среди полудиких народов, они могли выполнять функцию посредников в торговых отношениях между золотоносными страна-

ми севера и западными землями и таким образом достигли значительного благосостояния и приобрели большие богатства. Но, так как дорогие изделия, получаемые от ретенну, в Египте были известны под названием изделий «священной страны», можно предположить, что этот народ жил к северу от Ассирии.

Изготовленная из плотных тканей одежда ретенну, а также то обстоятельство, что в числе предметов, которые они посылали в дань фараонам, были и длинные перчатки, указывает на холодный климат их родины.

Как видно по изображениям на египетских памятниках, верхняя одежда состояла либо из куска пестрой ткани, который они обвивали спиралью вокруг тела (рис. 5, а, б); либо, как у некоторых племен на севере Сирии, из длинного и широкого передника, а на грудь наделась широкая крестообразная перевязь.

Одевались также в совершенно закрытые, плотно облегающие тело одежды (возможно, кожаные) с длинными рукавами (рис. 6, г). Первый тип одежды был характерен, вероятно, для господствующего класса знатных сирийцев, а последний — для воинственных, живших в горах каппадокийцев. Женщины последних одевались также в обернутый несколько раз вокруг тела кусок ткани (рис. 6, д).

Жители страны Хета (халдеи, или хетты) изображены одетыми в длинные и узкие одежды с короткими рукавами и широким отложным воротником (рис. 6, а, б). На некоторых поверх такой одежды наброшен плащ, застегнутый вокруг шеи и закрывающий спину; по всей видимости, это воины (рис. 6, в).

Костюм финикийцев и единоплеменных с ними кефа, или жителей о. Кипр, по нарядности и красивой отделке не уступал костюму знатных каппадокийцев, описанному выше. Их знать носила драгоценные пурпурные одежды (рис. 7, г).

Рис. 6

Рис. 7

Верхнее платье имело вид туники с длинным отложным воротником или пелериной. Одна половина туники и воротника темно-фиолетового цвета, а другая — ярко-красного. На красной половине воротника нашивали темно-фиолетовые кружки.

Тунику обшивали по краям желтой каймой и надевали поверх желтой юбки, сложенной в мелкие складки. Подобную одежду, но еще богаче отделанную и украшенную драгоценными камнями, носили, вероятно, тирские цари и жрецы Мелькарта — бога-покровителя Тира.

Финикийцы любили одежду ярко-красного цвета, хотя и умели составлять всевозможные оттенки пурпурной краски.

Совершенную противоположность закрывающей все тело одежде финикийцев представлял костюм жителей о. Кипр (рис. 7, а), состоявший только из передника и легкой обуви.

Тем не менее нарядность этих вещей и их красивая отделка (рис. 7, б, в) подтверждают тот факт, что жители Кипра были искусными ремесленниками.

Также известно, что они наравне с каппадокийцами посылали в дань фараонам драгоценные сосуды, что также свидетельствует о наличии у них технических и художественных знаний.

Легкость одежды жителей Кипра обуславливалась, вероятно, климатическими условиями. Марциал (IX, 32) недаром советует своему другу Флакку «не доверять жгучему зною Кипра».

Этим же зноем, раскалявшим почву, объясняется также и то, что жители Кипра постоянно носили обувь, тогда как другие западноазиатские народы надевали ее только в редких случаях. Было три вида обуви: простые сандалии, привязывавшиеся к

ноге ремнем (рис. 4, а, в, д), башмаки (рис. 5, д) и чулки (рис. 7, в); женщины носили носки из одноцветной ткани (рис. 4, б). На голову надевали или круглую шапку, или чехол, под который прятали волосы, или же носили широкие повязки.

Украшениями служили серьги в виде больших колец, металлические запястья и такие же обручи для рук и ног. Иногда тело расписывали символическими фигурами (рис. 4, з).

Как уже было сказано, большую часть своего вооружения египтяне заимствовали от малоазиатских народов; отсюда следует, что оружие последних мало отличалось от египетского. Главным оборонительным оружием хеттских воинов были небольшие плетеные щиты разных форм (рис. 6, а, б).

Круглые щиты воинственного народа пулизита (филистимлян) были похожи на щиты телохранителей Рамзеса II, набравшихся, по всей вероятности, из азиатов.

Остальное вооружение этого народа состояло из панциря, закрывавшего грудь и спину, передника из толстой ткани и шлема, тоже похожего на шлемы телохранителей Рамзеса (рис. 8, а) и с таким же украшением, представляющим полумесяц, соединенный с солнечным диском.

Это украшение имело символическое значение, так как оба светила занимали важное место в культуре западноазиатских народов: серп луны был одним из символов Астарты — богини войны у сидонян и филистимлян (1 кн. Царств, XXXI, 10).

На других войнах вместо шлемов надеты низкие тафьи, украшенные перьями (рис. 8, б), на третьих — высокие загнутые назад колпаки (рис. 8, в).

Для нападения западноазиатские народы пользовались тем же оружи-

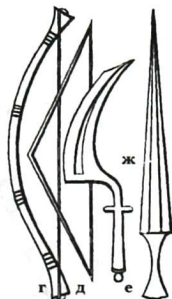

Рис. 8

ем, что и египтяне: копьями различной длины, дротиками и луками (рис. 6, а, б; рис. 8, а—в). Луки некоторых народов отличались от египетских либо формой, например треугольный металлический лук сирийцев (рис. 8, д), либо размером — тяжелый деревянный лук воинственных ретенну (рис. 6, г; рис. 8, г).

Боевые серпы (рис. 8, е) и длинные мечи (рис. 8, ж) употреблялись преимущественно филистимлянами и народом шасу (шаириты).

Постройки

Древнейшее известие о строительных предприятиях западноазиатских народов связывается со сказанием об основании Вавилонского и Ассирийского царств. Куча камней и щебня, что высится на западном берегу Евфрата, почитается местным населением как остатки огромной башни, построенной Нимродом под названием «Бирси-Нимруд» (замок Нимрода).

Но имя Навуходоносора, отчетливо читающееся на кирпичках, доказывает, что постройка эта относится ко времени нововавилонского царства, подчинившего себе Ассирию в VII в. до н. э. Кроме не-

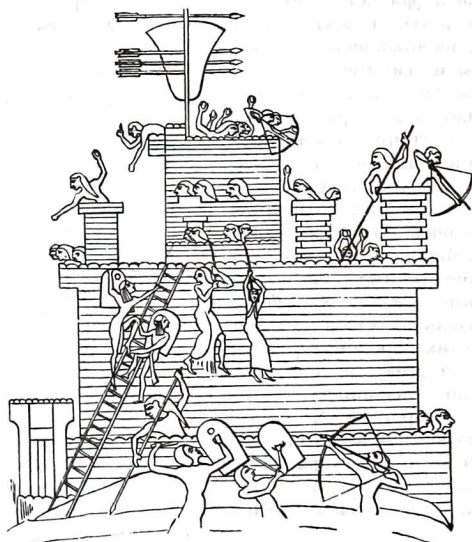

Рис. 9

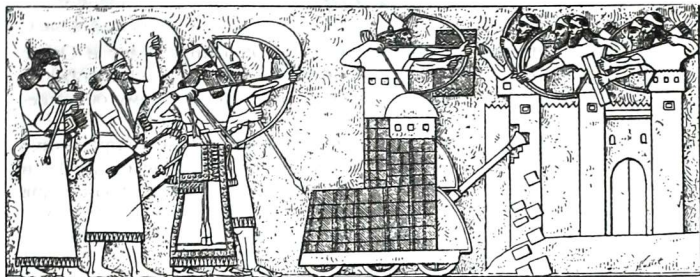

Рис. 10

скольких названий городов, которые сохранило древнейшее предание, не упоминается ни о каких других сооружениях.

Древнейшими городами финикийцев были: Сидон, старейший из городов и уже за 1600 лет до н. э. — средоточие обширных финикийских владений, и Тир. По Санхониатону, первый укрепленный город был заложен финикийским царем Кроносом, построившим впоследствии Библус.

В числе укрепленных городов, существовавших в западной Азии во II тысячелетии до н. э., дошедшие до нас свидетельства в Египте называют Вавилон, Ненин (Ниневия), Халибу (Халибон), главный город народа хета, и Аскалена (Аскалон) — один из пяти главных городов филистимлян, а не Аскалон — город тирийцев, о котором говорится у позднейших историков.

На египетских изображениях представлены только крепостные постройки западноазиатских народов. Это либо укрепленные замки, либо длинные насыпи с зубчатыми башнями, похожими на египетские. Некоторые из них обнесены окопами и двойным рвом, через который перекинут широкий мост, ведущий ко входу в укрепление (рис. 9).

Укрепленные замки, или форты, строились на возвышениях, естественных или искусственных, и имели форму башен (рис. 10). Их стены строились, вероятно, из кирпича и бревен чередующимися слоями. Свет давали окна, пробитые в разных этажах, связанных между собой лестницами.

У некоторых из башен вовсе не было входов, а поднимались на них по веревкам или с помощью ворота. На вершине башни устанавливался флаг на длинном древке с каким-нибудь изображением. Жители прибрежных районов располагали достаточным количеством военных судов.

Укрепленные лодки, как видно по рисункам, были очень похожи на египетские: длинные одномачтовые лодки с одним парусом, прикрепленным к длинной рее.

Утварь

Разработка природных богатств островов Кипр, Родос и Оазос (Тазо), на которых финикийцы основали свои первые колонии, способствовала дальнейшему развитию ремесел и быстрому обогащению населения.

На о. Кипр были открыты богатые медные рудники, по преданию, финикийским царем Киниром, которому приписывается также и изобретение необходимых для добычи руды орудий и снарядов (Плиний, VII, 57).

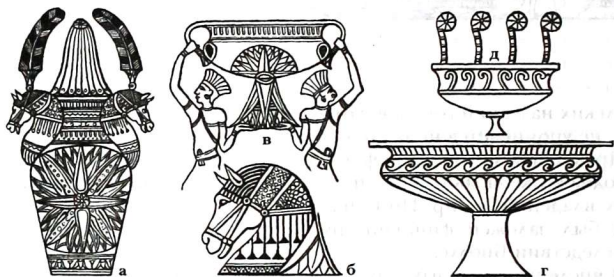

Рис. 11

На о. Оазос финикийцы обнаружили золотоносные копи, о богатстве которых можно судить по тому, что даже во времена Геродота они ежегодно давали от двух до трех сотен талантов золота (Геродот, VI, 47).

Кроме меди о. Кипр поставлял некоторые виды драгоценных камней, особенно ценившихся в древности, и прекрасное дерево для построек, столярных и резных работ.

Из Киликии, где финикийцы также имели колонии, они получали в огромном количестве железо и медь. Поэтому возможно, что в умении обрабатывать металлы и искусстве изготавливать из них всякого рода изделия финикийцы не уступали вавилонянам, литейные работы которых пользовались такой же известностью, как и дорогие разноцветные ткани.

О красивых бронзовых сосудах сидонцев встречаются упоминания у Гомера (Од., IV, 615; XXII, 112; Ил., XXIII, 740) и у Плиния (XXXV, 4). На основании вышесказанного можно предположить, что все драгоценности, поступавшие в виде дани в сокровищницы египетских фараонов, доставлялись преимущественно из западноазиатских земель.

Дорогие сосуды изготавливались большей частью из золота. Они имели форму объемистых плоских чаш и высоких ваз с богатым орнаментом. Несмотря на красоту орнаментов, форма сосудов обличает грубый вкус. Это в особенности относится к вазам и чашам, украшенным статуэтками (рис. 111, а, в; ср. рис. 5, б).

Статуэтки представляют собой человеческие фигуры в азиатских костюмах. Стиль их, как и стиль фигур животных, составляющих характерное украшение этих сосудов, сходен со стилем ассирийских скульптур, о которых будет сказано ниже.

Мы уже упоминали о великолепных колесницах, которые египетские цари получали в дань от народа ретенну. Несравненно проще были военные колесницы кочевых племен, служивших халдеям (хета) вспомогательными войсками (рис. 12, б).

Некоторые из этих племен выезжали на войну в грубо сколоченных из досок колесницах, запряженных быками (рис. 12, а). Другие, напротив, запрягали в свои более красивые колесницы коней в богатой сбруе.

Это обстоятельство свидетельствует о существовании у этих племен коневодства и позволяет предположить их скифское происхождение. Но все же разумнее считать, что они принадлежали к той же семитской группе западноазиатского населения, что и союзные с ними халдеи (хета).

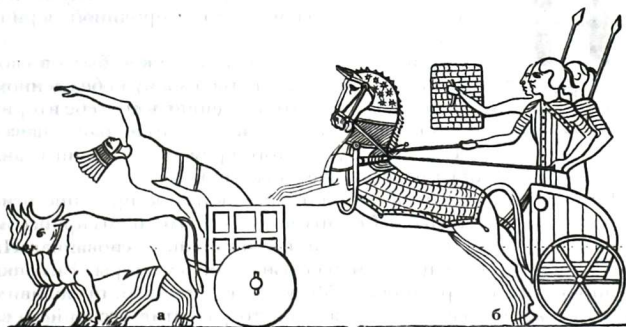

Рис. 12

АССИРИЙЦЫ И ВАВИЛОНЯНЕ

Предварительные замечания

а развалинах древнего Вавилонского царства — его существование и падение отражено в предании о постройке башни Бела, или Ваала, — возникло царство ассирийцев. Соперничество между обоими царствами послужило главной причиной перипетий их судеб.

Вновь возникшее царство должно было в свою очередь уступить главенство своему побежденному сопернику, чтобы затем подчинить его себе вторично и окончательно. Случилось это не ранее начала XIII в. до н. э., и с этого времени ассирийцы заняли господствующее положение.

Победоносные войны с Месопотамией, которые предание относит ко временам Нина и Семирамиды, позволили Ассирийскому царству овладеть Западной Азией, и его столица, основанная Нином Ниневия, стала центром малоазиатской культуры. Раскопки, предпринятые в окрестностях Мозуля на реке Тигр, представили неопровержимые свидетельства раннего развития ассирийско-вавилонской культуры.

Древнейшее из зданий — северо-западный дворец Нимрода — было построено или восстановлено царем Асаракбалом. Он, как сказано в надписи на дворце, «брал дань с народов, которые живут у моря, с тирян, сидонян, кубалян и с города Арвада, лежащего среди моря, серебром, золотом, всякого рода утварью из металла и дерева и одеждami, богато изукрашенными».

Тирский царь Этбаал и израильский Ахав (между 900—800 гг. до н.э.) были его вассалами наравне со многими другими государями. Следовательно, господство его простиралось в глубь Сирии и до берегов Средиземного моря.

Преемник этого могущественного царя заботился, по-видимому, не меньше своего предшественника о расширении своих владений и об украшении столицы. Он тоже брал дань с израильтян, и даже Египет слал ему дары. Большую часть своих сокровищ он, как и Асаракал, использовал на постройку великолепных зданий. В надписях он упоминается как строитель так называемого «среднего дворца».

При более поздних царях Ассирийское царство начало снова клониться к упадку и распалось бы, если бы не явился монарх в лице царя Пула, наделенный достаточной энергией, чтобы противодействовать окончательному разложению этого громадного, но едва сплоченного государственно-го организма.

Он воссоединил отделившиеся его части (770—760 г. до н. э.) и, вероятно, первый ввел систему переселения покоренных народов в другие области, для того чтобы упрочить господство над ними.

Одновременно он облагал их большими даними, подрывавшими их благосостояние. Таким образом, большая часть Сирии была снова подчинена ассирийскому скипетру. Преемник Пула Тиглатпаласар, распространил свои завоевания на восток до Оксуса.

Салманасар, вступивший на ассирийский престол после смерти Тиглатпаласара (ок. 700 г. до н. э.), подчинил своей власти и самостоятельные дотоле государства финикийцев и филистимлян.

В период покорения Ассирией западноазиатских земель и ее постоянных войн с остальными государствами, пытавшимися вер-

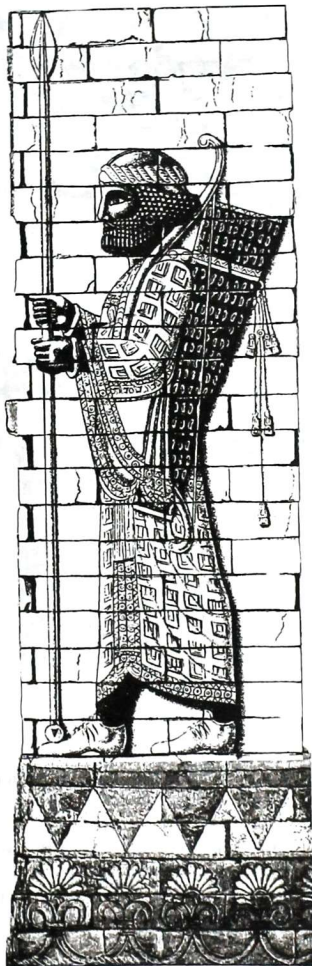

Рис. 13

Рис. 14

нуть утраченную независимость, древняя столица ассирийских царей разрослась до громадных размеров.

Салманасар прибавил к ней новый квартал, на месте которого близ Хорсабада и до сих пор можно увидеть развалины огромного дворца.

Если политические соображения заставляли ассирийских царей переселять жителей поработченных ими стран внутрь государства, чтобы таким образом исключить возможность восстания, то очень вероятно, что интересы государства побуждали их выбирать среди этих народов лучших ремесленников и сосредоточивать их в столице.

Этим предположением объясняется и численный рост населения Ниневии, и усиление ее промышленного значения.

После смерти Салманасара прежние смуты внутри царства возобновились, но наследовавший ему Синахериб (705—680 г. до н. э.) сумел их подавить. Сам он называет себя в одной из надписей «поработителем царей Азии от верхнего леса (Ливана) до нижнего моря (Персидского залива)», подчинившим сво-

ей власти царя вавилонского Мераха Баладана и многие города халдейские, мидийские, сирийские и финикийские.

Несмотря на эти новые успехи, повлекшие за собой дальнейшее увеличение территории столицы, Ассирийское государство начало клониться к упадку уже при Синахерибе.

В то время, когда он был занят постройкой огромных зданий, развалины которых покрывают равнину Куянджика, Езекия, царь Иудеи, заручившись помощью египетского царя Тараки, поднял против него оружие. Синахериб осадил Иерусалим, но эпидемия, начавшаяся в войске, вынудила его снять осаду и довольствоваться опустошением захваченных в походе областей и переселением их жителей во внутренние части государства.

Этот неудачный поход привел в расстройство военные силы Ассирии, и вассальные ей государства поспешили воспользоваться этим случаем, чтобы попытаться свергнуть с себя ненавистное им иго. Первой отделилась Мидия, а за ней и вся Персия.

Вавилонию Синахерибу удалось удержать в своей власти: ценой огромных усилий усмирив вспыхнувшее там восстание, он сделал наместником этой области своего сына Асордана (Асархаддона). Тот, заняв после насильственной смерти отца ассирийский престол, покорил отделившиеся области (630—669 гг. до н. э.) и оставил Ассирийское царство с прежней территорией своему сыну Саосдукхину (Самугесу).

При наследнике последнего, Ашшурбанапале, как его называют надписи, Ниневия украсилась многими храмами и новым дворцом, развалины которого, известные под названием юго-западного дворца Хала-Нимруд, остаются до сих пор памятником эпохи упадка древнего величия Ассирии (рис. 16).

Рис. 15

При царствовавших затем государях, из которых более других известен Хин-иль-адан, подвластные Ассирии государства укрепились до такой степени, что она была уже не в состоянии противостоять им. Мидийский царь Киаксар во главе сильной армии подступил под самые стены Ниневии.

Падение города казалось уже неизбежным, как вдруг с северо-востока хлынул на западноазиатские земли дикий народ хасим, или скифы. Как бурный поток пронесли их полчища по Мидии, Сирии и Малой Азии до самых границ Египта, истребляя и опустошая все на своем пути.

Киаксар тотчас же снял осаду с Ниневии и поспешил вернуться в Мидию. Избавив свое государство от нашествия дикарей, он сно-

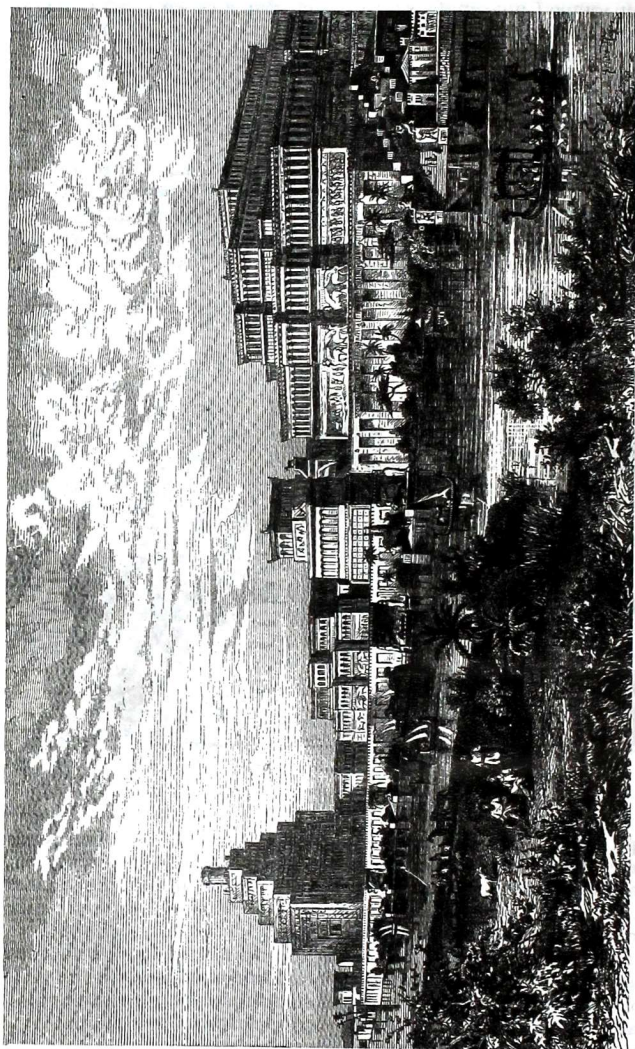

Рис. 16

ва собрал войско и, воспользовавшись общим смятением, пошел на Армению и Каппадокию (рис. 18. Ашшурнасерпал на троне. Ассирийский рельеф из дворца в Кальху).

Завоевание этих земель дало Мидии первенствующее положение по отношению к другим подвластным Ассирии государствам и сблизило ее с Лидией и Вавилонией, правитель которой вступил с Киаксаром в родственный союз (на рис. 17 — возвращение ассирийских войск после победы; с ниневийского барельефа).

В Ассирии в это время царствовал Сарданапал, или Сарак (626—606 гг. до н. э.). Его наместник в Вавилонии Набопаласар задумал провозгласить себя независимым государем и, опираясь на союз с Мидией и Лидией, решил исполнить свое намерение.

Рис. 17

Киаксар снова обложил Ниневию. Призванное осажденными на помощь египетское войско было разбито объединенными силами Набопаласара и Осии, царя Иудейского, и после двухлетнего отчаянного сопротивления Ниневия пала.

Исполнились слова пророка: Ниневия, «сей град презорливый, живой на уповании, глаголет в сердце своем: аз есмь, и несть по мне еще», погибла в пламени, зажженном самим Сарданапалом, и «бысть во исчезновение, пажить зверем» (Прор. Софония, II, 15). Области по левому берегу Тигра отошли к Мидии, а по правому — к Вавилонии.

Место разрушенной Ниневии занял Вавилон. Строительство укреплений и построек, которыми Набопаласар еще во время своего наместничества старался оградить и украсить столицу Вавилонии, было продолжено его преемником Навуходоносором (Набукудуссуром). Победа, одержанная Набопаласаром над войском египетского фараона Нехо, положила конец господству египтян в Сирии. Навуходоносор решил восстановить Вавилонское государство во всем его прежнем величии и с этой целью, собрав сильное войско, направился с войной на Сирию.

Рис. 18

После упорной борьбы ему удалось покорить большую часть страны и овладеть Иерусалимом, жители которого были отправлены в Вавилонию (около 600 г. до н. э.). Навуходоносор сумел удержать в подчинении завоеванные им области и жестоко подавлял любые попытки восстания. Он собрал в столице все лучшие силы своего царства, и Вавилон стал второй Ниневией, прежним «гордым Вавилоном», богатейшим из всех торговых городов.

Когда Навуходоносор умер, трон перешел к его сыну Эвильмеродаху. Тиранин и сластолюбец, он царствовал недолго и был убит своими приближенными. Один из них, Набонид, занял его место (556—539 г. до н. э.). При нем начался постепенный распад царства. Мидия была уже во власти персов и потому оторвана от союза с Вавилоном.

Из Мидии персы проникли в Малую Азию и собирались напасть на Вавилон, лежавший между их владениями на востоке и на западе. В 539 г. до н. э. Кир выступил против Вавилона и заставил Набонида укрыться с войском за стенами города. Началась осада, и «пленен бысть Вавилон, посрамися Вил, победися Меродах, посрамишася изваяния его, сокрушишася кумиры их» (Прор. Иеремии, L, 2).

В результате раскопок развалин, оставшихся от громадных городов, царивших на Нижнем Евфрате и Верхнем Тигре, было найдено множество надписей и скульптурных изображений. Скульптуры представляют собой, как правило, барельефы, которые подобно скульптурам на стенах египетских храмов украшали стены ассирийских дворцов (рис. 19).

Ассирийские скульптуры высечены не на стенах зданий, как египетские, а на алебастровых плитах от 8 до 10 футов высотой и около 4 футов шириной. На этих плитах изображали и записывали все важнейшие события государственной и религиозной жизни и потом укладывали их длинными полосами вдоль стен дворцов.

Найденные плиты представляют наглядную и достоверную картину ассирийской культуры и обычаев, и только благодаря им человечество смогло познакомиться с той необыкновенной пышностью древнеазиатских государств, о которой мы знали лишь по библейским сказаниям.

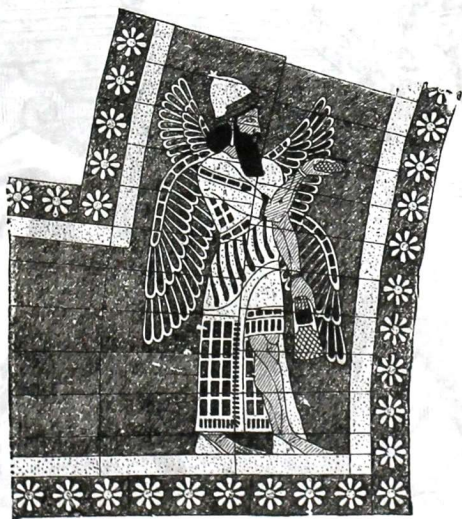

Рис. 19

Сличая между собой плиты, принадлежавшие зданиям различных эпох, мы можем в хронологической последовательности проследить все изменения и усовершенствования формы и способов изготовления различных принадлежностей внешнего быта: одежды, предметов домашнего обихода и пр. — и таким образом получить представление о ходе развития ассирийской культуры вообще (рис. 13 — 14, 20).

До сих пор была возможность сличать между собой лишь барельефы памятников древней и поздней эпох: обнаруженные на развалинах так называемого северо-западного дворца Нимруда (900 г. до н. э.) и в Куянджике (700 г. до н. э.).

Промежуток между означенными эпохами частично восполняется барельефами Хорсабада и Карамлеса (рис. 21). А раскопки близ нынешней Гиллы — на месте древнего и нового Вавилона — открыли остатки зданий, относящихся к последнему периоду существования Ассирийского государства.

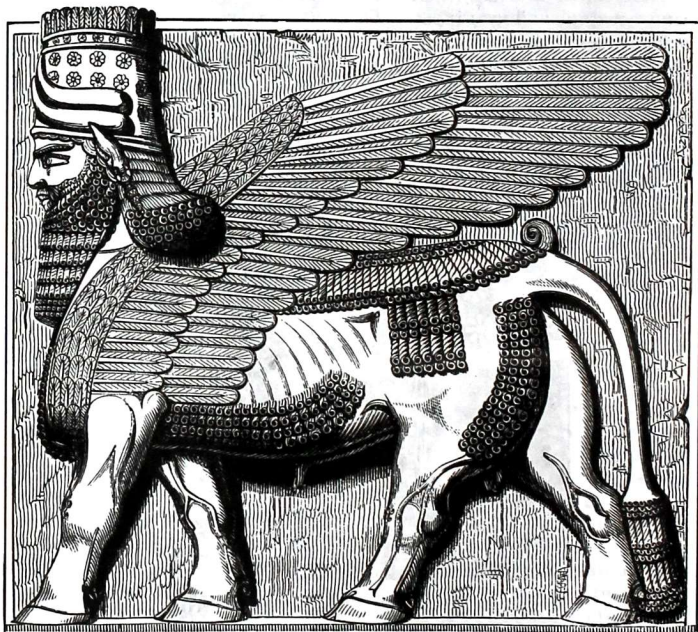

Рис. 20

Одежда

Ассирийский скульптурный стиль отличается от египетского. Хотя ему тоже присущ некоторый схематизм, но этот схематизм не был навязан обязательным уставом, не допускавшим никакой свободы со стороны художника, как в египетском стиле. Напротив, в произведениях ассирийского искусства нельзя не заметить стремления к свободному подражанию природе.

Предназначенное лишь для того, чтобы украшать стены царских дворцов изображениями подвигов их обладателей, оно не могло подняться до высшей, творческой деятельности и должно было ограничиться лишь совершенствованием своей техники.

Рис. 21

Однажды найдя необходимые для этой цели приемы, оно могло только продолжать разрабатывать их формальную сторону, оставаясь при этом в границах, предписанных внешними условиями. При всем этом ассирийское искусство отличалось от египетского тем, что смогло все-таки развиться до некоторой своеобразной манеры, которую выработали условия национальной жизни, между тем как египетское искусство придерживалось однажды установленных, неизменных форм.

Лишенный всякой внутренней свободы и всякого внешнего изящества церемониал ассирийского двора и не менее условная общественная жизнь, с ее строгим делением сословий по знатности и вытекавшей отсюда склонностью к внешнему блеску, — вот что составляло содержание ассирийского искусства и давало ему образцы для точного подражания. Только в изображении нагого тела позволялась некоторая свобода. Но и тут художник не мог целиком отвлечься от привычных условностей и впадал в преувеличение форм, которое заметно уже в фигурах древнейших ассирийских скульптур.

Рис. 22

Так как от ассирийских художников требовалось прежде всего, чтобы изображаемое ими было ясно и понятно для всех, то они, как и египетские, основное внимание обращали на точную передачу всех видимых особенностей и отличий изображаемого предмета. Поэтому, боясь упустить какое-нибудь внешнее отличие или какую-нибудь особую принадлежность, например в costume царей или вельмож, они представляли фигуры во всю их ширину, даже при положении головы и ног в профиль,

притом без всякого признака складок на одежде.

От этого все фигуры на ассирийских скульптурах кажутся оцепенелыми, а одежда неестественно гладкой, так что очень трудно узнать, из какого типа ткани изготовлялась ассирийская одежда и какова была ее настоящая форма.

Особенно трудно судить по скульптурным изображениям о костюмах царей и знати, которые, как показывают те же изображения, были чрезвычайно богаты и разнообразны. Но из отсутствия складок на одежде скульптурных фигур не следует делать вывод о том, что ассирийцы одевались в одни только плотные, жесткие ткани, похожие на кожу. Это мнение, очевидно, основанное на неверном взгляде на манеру ассирийских скульпторов, опровергается уже одним тем фактом, что ассирийцы, как господствующий народ в Западной Азии, держали в своих руках все ремесла покоренных народов и всю финикийско-вавилонскую торговлю.

Не вызывает сомнения, что население страны с таким непостоянным климатом, как в Тигро-Евфратской равнине, особенно в северо-восточной ее части, где находилась Ниневия, не могло одеваться так же легко, как, например, египтяне, но все-таки ткани, из которых изготавливалась одежда, не были так плотны, чтобы не складываться в свободные складки.

Известно, что в Ближней Азии уже в глубокой древности производились самые разнообразные ткани из хлопка, часть которого привозилась туда из Индии, а часть выращивалась на месте, преимущественно в Сирии. Поэтому можно предположить, что ассирийцы и вавилоняне делали себе одежду в основном из хлопчатобумажных тканей. Но вероятно, что у них, как и у египтян, были в употреблении и льняные ткани.

Рис. 23

В Ассирию (по крайней мере во времена ее расцвета) привозили также и китайский шелк (в сыром виде или переработанный). Наконец, из факта раннего развития торговли и промышленности в Западной Азии можно заключить, что там также занимались изготовлением дорогих шерстяных тканей, на выделку которых, вероятно, шла дорогая шерсть гималайских коз и кашмирских овец. Более грубые сорта одежды выделывались из кожи.

О том, какого совершенства достигли ремесла в период господства ассирийцев, видно по изображениям на ассирийских памятниках. Одежда, представленная на них, украшена тяжелыми кистями, а по краям обшита бахромой и широкой вышитой каймой из арабесок и небольших изображений религиозного и исторического содержания.

Многого достигли ассирийские мастера в искусстве окраски тканей. Изначально их красили только в красный, желтый, синий и

черный цвета, но впоследствии научились эти цвета смешивать и придавать тканям всевозможные оттенки.

Темно-фиолетовый цвет был, вероятно, у ассирийцев, как и во всей Западной Азии, самым ценным. Одежда этого цвета была в моде и ценилась очень дорого, но носить ее позволялось лишь высшим сановникам царства.

Рис. 24

Одежда простого народа у ассирийцев и вавилонян представляла совершенную противоположность такой одежде у египтян — переднику. Это была длинная рубашка, покрывавшая все тело от шеи до пяток. Впрочем, передник носили и ассирийцы, но только воины, да и то редко.

Совершенное отсутствие одежды у ассирийцев не допускалось. Лишь при исполнении некоторых работ, требовавших, чтобы рабочие раздевались донага, это правило могло нарушаться.

Низшие классы в Ассирии и Вавилонии не знали другой одежды, кроме рубашки. Ее носили как мужчины, так и женщины, удлиняя или укорачивая с помощью пояса.

Даже слуги знатных ассирийцев никогда не одевались иначе, как в рубашки с короткими рукавами, доходившие до колен и подпоясанные широким поясом (рис. 22, а). Представители высших классов не носили поясов (рис. 22, б) и подпоясывались только при некоторых религиозных обрядах.

Верхнее платье разрешалось надевать лишь вельможам, жрецам и царю. Строгие различия в одежде разных сословий значительно сгладились в V веке до н.э., когда ассирийско-вавилонская монархия начала распадаться. По свидетельству Геродота (I, 195), все зажиточные люди в Южной Месопотамии носили два типа одежды: полотняную нижнюю и шерстяную верхнюю, а также головные повязки и башмаки.

На изменения древнеассирийского костюма могло оказывать влияние положение женщин в Ассирии. Судя по тому, что на ассирийских скульптурных памятниках изображения женщин встречаются редко, а на египетских нет почти ни одной картины, на которой не были бы представлены египтянки, можно заключить, что общественное положение женщин в этих государствах существенно отличалось.

В Египте, даже в позднейшее время, женщины занимали главенствующее место в обществе (Диодор, I, 27, 78), а в Эфиопии даже престолом владели преимущественно женщины.

В Ассирии, да и вообще в Западной Азии, женщина была изначально поставлена в подчиненное положение, которое она занимает на Востоке и до сих пор. Поэтому можно предположить, что, если в Египте мужской костюм изменялся, становясь все более похожим на женский, особенно в эпоху Нового царства, в Ассирии, наоборот, женский костюм изменялся под влиянием мужского.

Диодор (II, 6) и Юстин (I, 2) пересказывают предание, что Семирамида сначала одевалась так, что по одежде нельзя было узнать ее пол, из этого можно сделать вывод, что у западноазиатских народов мужчины и женщины носили почти одинаковую одежду.

На ассирийских скульптурных памятниках представлены преимущественно изображения наиболее важных событий из государственной жизни царей и только некоторые моменты их частной жизни. О жизни простых граждан эти памятники не говорят почти ничего, но зато подробно и со всей точностью рисуют как одежду, так и убранство лиц, окружавших трон властителя, — придворных, государственных сановников, жрецов и воинов.

При дворе ассирийских царей господствовал такой же этикет, как и при дворе фараонов. Под влиянием распущенности в нравах и образе жизни этот этикет принял формы самой необузданной пышности и породил страсть к внешнему блеску, которая распространилась от ступеней трона до самых низших из придворных чинов.

Все придворные чины были облачены в обшитую бахромой широкую перевязь поверх богато отделанной одежды (рис. 23, а—б). Ширина перевязи, как и способ ее ношения, различались между собой в зависимости от сана.

Рис. 25

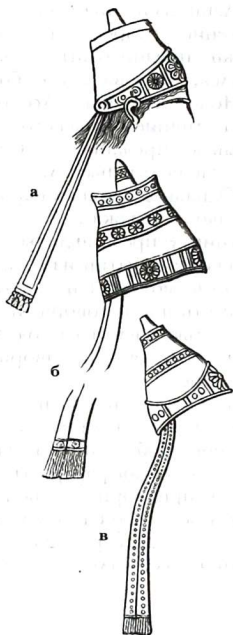

Рис. 26

Некоторые придворные чины, например первый министр при дворе Салманасара, носили очень широкую перевязь, доходившую до колен и закрывавшую всю переднюю часть туловища, и надевали ее через одно плечо (рис. 23, б). Другие сановники повязывали ее крестообразно (рис. 23, а). Гораздо более узкими были перевязи простых царских служителей и его оруженосцев (рис. 23, в, г).

Зонтиконосцы, опахалосцы (рис. 24) и царские писцы вовсе не имели перевязей, а только носили богатую оторочку на рукавах и подоле своих длинных одежд. Перевязь составляла также принадлежность церемониальной одежды царей и жрецов.

Князья и воеводы, одетые в пурпур, молодые и красивые, окружали царя. Только лишь знатнейшие из вельмож и жрецы имели право прислуживать ему. В то же время они были воинами и постоянно носили при себе оружие. За ними следовали евнухи, которые, несмотря на свою женоподобную наружность, были тоже богато вооружены и, вероятно, даже сами командовали в битвах (рис. 23, а, в, г; рис. 24, в).

Парадный костюм царей, особенно в раннюю, блестящую пору ассирийского владычества (ок. 900 г. до

н. э.), к которой относятся древнейшие памятники Нимруда, был как бы выставкой всех драгоценностей, какие властители Ассирии получали в дань от покоренных народов (рис. 25, а).

Этот костюм состоял из длинной рубашки с короткими рукавами, вышитой арабесками и различными фигурами и обшитой по подолу дорогой бахромой пурпурного цвета. На поясице рубашка стягивалась поясом, концы которого, украшенные кистями, спускались до ног.

Эта одежда сохранилась во все время существования ассирийской монархии без изменений в покрое, изменилась только ее отделка: вместо изображений мифологического содержания, которыми вышивались прежде царские наряды, ее стали впоследствии вышивать простыми узорами разных образцов (рис. 25, б).

Верхняя одежда ассирийских царей претерпела значительные изменения. Широкая накидка, прикреплявшаяся пряжкой на од-

ном плече (рис. 25, а) (такой ее видели египтяне у ассирийских царей и представили на своих памятниках (рис. 4, е—з)) впоследствии превратилась в кафтан, который надевался на оба плеча, причем руки продевались в сделанные для них отверстия или же в разрезы плаща. Такую одежду носили в торжественных случаях Салманасар и его преемник Синахериб (рис. 25, б).

Символические изображения, которые вышивались в прежние времена на верхней (вероятно пурпурной) одежде царей, впоследствии уступили место более простым украшениям, вышитым большей частью золотом. Перемена в религиозных воззрениях народа послужила весомой, если не главной, причиной этих изменений. Это же, вероятно, и было причиной, по которой церемониальная перевязь древних властителей впоследствии совсем исчезла из царского парадного костюма (рис. 25, а).

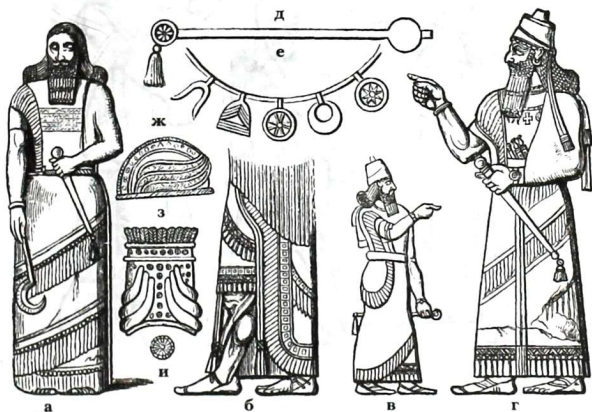

Рис. 27

Неотъемлемой частью облачения ассирийских царей являлся скипетр. Это был посох, от четырех до пяти футов длиной, позолоченный или обитый листовым золотом (рис. 25, а).

Другой неотъемлемой принадлежностью царского наряда был высокий головной убор. Его форма и убранство изменялись вместе с остальным нарядом.

Первоначально он состоял из высокого, конусообразного колпака, верхняя половина которого была вогнута внутрь, и только одна верхушка колпака выставлялась наружу из-за изгиба (рис. 26, а), и повязанной по нижнему краю колпака диадемы, от которой сзади спускались на спину две длинные вышитые ленты.

Впоследствии мягкий колпак превратился в гладкий и твердый клобук с вышитыми на нем узорчатыми полосами (рис. 26, б). Еще позднее эти вышитые полосы заменились обручами из золота с отчеканенными на них фигурами (рис. 26, в).

Диадема уже не навязывалась на клобук, а крепилась к нему наглухо, и ленты, которыми она привязывалась, остались как украшение. Эти клобуки делались, вероятно, из льняной материи, или — что еще правдоподобнее — из войлока. Клобуки были белыми, а ленты красными или темно-фиолетовыми.

Со времени падения Ассирийского царства и возвышения Вавилонского появился обычай носить трость. Геродот (I, 195) рассказывает как очевидец, что каждый знатный вавилонянин носил при себе трость с резным набалдашником, форма которого указывала на звание носившего.

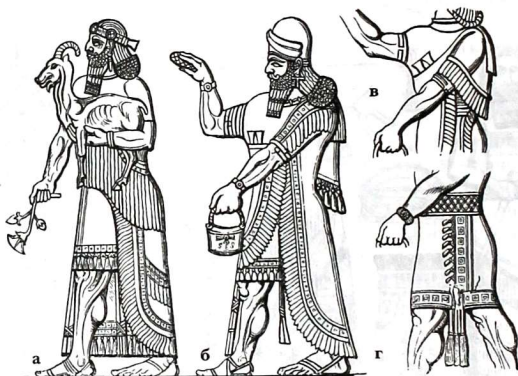

Рис. 28

Официальный костюм жрецов во многом отличался от царского. Ассирийские жрецы носили одежду из тонких льняных или из других дорогих тканей как правило белого цвета.

Из древних изображений видно, что в Ассирии царь был также и верховным жрецом. Особа его считалась священной и чтилась почти наравне с божествами. Так как в основе религиозных воззрений ассирийцев лежало поклонение небесным светилам, то изображения планет и созвездий были отличительным признаком и украшением жреческого одеяния.

Что касается формы самого одеяния, то она сохранилась без всяких изменений от самых древних времен до позднейших. Жрецы не носили ни рубашки, ни верхней одежды или плаща. Жрецы не тело куском ткани по спирали, как это было в обычае у ретенну (каппадокийцев) за 2000 лет до н. э. (рис. 5, а, б).

Такими были костюмы главного жреца (рис. 27, а) и самого царя, когда он совершал религиозные обряды (рис. 27, в, г.) Другие принадлежности жреческого облачения царя состояли из золотого ожерелья с символическими фигурами (рис. 27, е), булавовидного скипетра с изображением звезды (рис. 27, д) и скипетра с крючком или серпом на конце (рис. 27, а).

Кроме того, царь повязывал нагрудник с надписями и покрывал голову круглой невысокой шапкой с украшениями наподобие рогов (рис. 27, ж; рис. 28, б), которая в позднейшее время превратилась в высокий клубук, украшенный звездами (рис. 27, з, и).

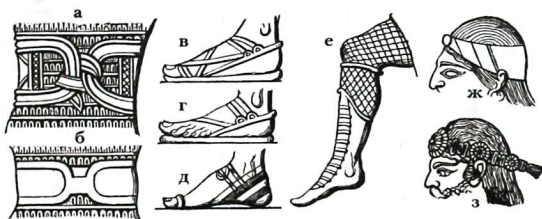

Рис. 29

С течением времени жреческое облачение царя постепенно изменялось и стало почти во всем похожим на его парадное одеяние, отличаясь от последнего большей простотой. Иногда оно состояло лишь из длинной безрукавной одежды без украшений, низкой митры и большого скипетра.

В некоторых случаях жрецы высших степеней носили одежду, почти ничем не отличающуюся от одежды придворных сановников, т. е. нижнее и верхнее одеяние и повязку через плечо.

Нижнее одеяние, обшитое внизу бахромой, не имело формы длинной юбки, как у придворных, это тоже был длинный и широкий кусок материи, обернутый вокруг нижней части тела по спирали в два оборота, начиная снизу, и притом так, что ноги от щиколотки до колен оставались спереди открытыми, а от колен до поясицы были совсем закрыты (рис. 27, б; рис. 28, а, б).

Длинный пояс с кистями удерживал этот передник вокруг талии. Верхняя одежда была двух типов: одна похожа на древнюю одежду царей (рис. 28), другая более широкая, наподобие плаща. Этот плащ надевали следующим образом: один конец перебрасывали через плечо, потом, расправив на спине, пропускали под мышку и опять закидывали на спину через плечо (ср. рис. 28, б, в).

Перевязь носили только при узком старинного покроя верхнем одеянии. В некоторых случаях все жреческое облачение ограничи-

валось одной обшитой бахромой рубашкой или даже только передником без верхней части одежды (рис. 28, г).

Так как некоторые ассирийские божества имели образ животных, то вполне вероятно, что при определенных религиозных церемониях ассирийские жрецы надевали на себя маски, символизирующие этих животных. Это тем более вероятно, что такие маски встречаются и на изображениях нерелигиозного содержания.

К парадному придворному костюму относилась и диадема, которую носили некоторые жрецы, а и иногда и сам царь (рис. 29, ж, з). Форма и отделка ее различались в соответствии с саном и званием. Однако диадемы царя и его первого министра существенно отличались от других диадем тем, что подобно царской митре были украшены двумя длинными лентами, висевшими сзади (рис. 31).

Рис. 30

Знатные вавилоняне носили с обыкновенной одеждой похожие на тюрбаны головные повязки. Эти повязки, ставшие впоследствии принадлежностью национальной одежды, сохранились до позднейшего времени (Геродот, I, 195; Страбон, XVI).

Обувью ассирийцам служили сандалии с задниками из твердой кожи. Сандалии подвязывались к ноге ремнями, которые прикреплялись к задникам и завязывались на подъеме ноги (рис. 29, в—д). Военные носили на ногах полусапоги, доходившие до половины икры, и узкие, плотно охватывавшие ногу штаны (рис. 29, е) из кожи с металлическими пластинками.

Обувь военных вошла при Синахерибе во всеобщее употребление, так же как и штаны, которые надевали с короткой, доходившей до колен нижней одеждой (рубашкой). То же произошло и с широкими кожаными поясами (рис. 29, а, б), которые первоначально составляли принадлежность военного костюма, а в позднейшее время вошли в употребление и у представителей других классов.

Ассирийцы всегда заботились о своих волосах, возможно, потому, что у них они от природы были густыми и длинными. Волосы на голове разделялись пробором и зачесывались гладкими или слегка волнистыми прядями за уши, концы прядей завивались в мелкие локоны, которые раскладывали правильными рядами (рис. 30).

Иногда волосы заплетали в косы, концы которых закручивали в локоны; иногда просто расчесывали на две стороны и связывали в два пучка.

Бороды носили длинные; усы, бакенбарды и волосы на подбородке завивали в мелкие кудри, а остальную часть бороды заплетали в несколько рядов косичек, концы которых мелко завивали, так что вся борода представлялась как бы разделенной на несколько ярусов;

конец бороды подстригали (рис. 7). Рабы, ремесленники и простые войны не украшали свои бороды, а только коротко их стригли.

Тщательный уход за волосами заставляет предполагать, что ассирийцам были известны накладные волосы или парики. Об употреблении париков у других народов Западной Азии мы имеем свидетельства древних писателей. В некоторых случаях они красили себе волосы, как это делают до сих пор персы и арабы.

Рис. 31

Изготовление и употребление косметики было развито у всех западноазиатских народов, и особенно у ассирийцев, уже в самые древнейшие времена. Из легенды о женоподобном Сарданапале и из рассказов греческих авторов об изнеженности ассирийских вельмож позднейшего времени и их непомерной страсти к щегольству можно заключить, что знатные ассирийцы не только использовали всевозможные косметические средства для подчеркивания своей красоты, но даже злоупотребляли ими.

Судя по уцелевшим раскрашенным скульптурам, ассирийцы, подобно египтянам, чернили себе брови и ресницы и, кроме того, румянились и белились. Тело они натирали душистыми мазями и маслами, а одежды пропитывали благовониями.

Чтобы подчеркнуть блеск своего пышного наряда, некоторые ассирийцы носили множество разнообразных украшений, большей частью золотых. Золото поступало в Ассирию из Северной Азии, вероятно, с Алтая и восточного склона Болоры, проходя через руки бродячих исседонов, аримаснов, массагетов и тех воинственных племен, которых мифические сказания превратили в стерегущих золото грифонов.

Тем же путем доставлялось и серебро, по крайней мере основная его масса, так как из Индии западноазиатские земли получали преимущественно драгоценные камни и жемчуг, который уже тогда ценился очень высоко, и незначительное количество благородных металлов.

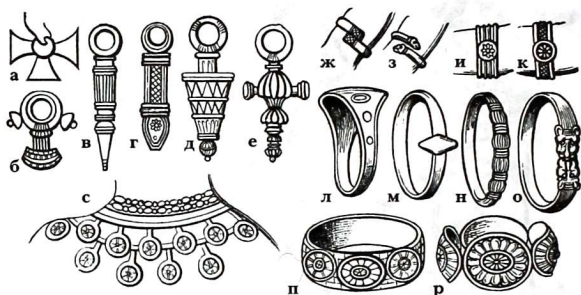

Рис. 32

При особенной любви ассирийцев к роскошным нарядам и драгоценным украшениям ювелирное искусство должно было развиваться у них быстро. И действительно, судя по изображениям на древнейших памятниках, можно предположить, что ювелирные изделия несколько не уступали в изяществе отделки подобным изделиям позднейшего времени.

Большая часть украшений состояла из мелких вещей — звездочек, розеток и т. п. — тонкой работы с очень красивыми рисунками. Реже встречаются вещи более крупные, например браслеты, пряжки, обручи, фигуры животных. Почти все эти вещи сначала отливались в формах, а потом уже окончательно отделялись. Вещи цельной чеканной работы были редки.

Кроме диадем, о которых сказано выше, необходимой принадлежностью парадного костюма ассирийских вельмож были драгоценные браслеты, которые носили на запястье и выше локтя (рис. 32, ж—р). Форма браслетов менялась со временем: древние браслеты имели вид незамкнутого спирально свернутого обруча, иногда со звериными головами на концах (рис. 32, ж, з).

Браслеты позднейшего времени представляли собой плоские и широкие кольца с замком (рис. 32, м—р). У ассирийцев не было ножных браслетов или обручей, как у египтян, может быть, потому, что их длинные одежды, полностью закрывая ноги, делали такое украшение излишним. Зато у них даже мужчины носили в ушах серьги, и притом самых разнообразных форм, начиная от простого гладкого кольца до крестообразных подвесок с изящным рисунком (рис. 32, а—е).

Украшений для шеи и груди, кроме вышитого ворота одежды, у ассирийцев не существовало. Только некоторые сановники и жрецы носили ожерелья из крупного жемчуга, но эти ожерелья были не столько украшением, сколько отличительным признаком сана, таким же, как ожерелье, которое надевал на себя царь при отправлении обязанностей верховного жреца, и другие символические украшения, вышитые на самой одежде (рис. 32, с).

Наконец, можно предположить, что вавилонский обычай украшать руки кольцами и перстнями с драгоценными камнями (Геродот, I, 195) существовал и у ассирийцев, так же как и традиция, распространенная у вавилонян, носить при себе небольшие покрытые письменами и фигурами цилиндрики из халцедона, яшмы или жженой глины, которые нанизывались на шнурок, надетый на шею, и заменяли печати.

Так как ассирийские женщины нисколько не уступали мужчинам в страсти к нарядам, нет сомнения, что все описанные украшения были принадлежностью и женского костюма (рис. 33).

Рис. 33

Женская одежда отличалась от мужской не столько покроем, сколько качеством тканей, из которых она изготавливалась. У некоторых из позднейших писателей древности мы находим указания на то, что для женской одежды использовались самые легкие и тонкие ткани.

Так, описывая культ тирийско-сирийского божества Сандана (Молоха), олицетворявшего женское, рождающее начало, они рассказы-

вают, что идол Молоха был одет в прозрачную одежду красноватого цвета и что в такие же прозрачные платья одевались его жрицы (гьеродулы), а при больших торжествах и жрецы.

По некоторым изображениям западноазиатских женщин видно, впрочем, что обыкновенный женский костюм состоял из широкого и длинного нижнего одеяния, собранного в складки поясом, и широкой верхней одежды наподобие плаща. Его надевали только для выхода, дома же ходили в одном нижнем одеянии, которое имело рукава и было оторочено узорчатой каймой или сшито из узорчатой материи.

Знатные женщины носили покрывало, прикрепленное к голове лентой так, что оно облекало весь стан, закрывая плечи и спину. На выбор легких тканей для женской одежды повлиял также образ жизни ассирийских женщин, которые были обречены на затворничество в предназначенных для них гаремах и не могли показываться публично.

Вооружение

Разнообразные военные сцены, представленные на ассирийских барельефах, показывают, что ассирийское войско уже с ранних пор было разделено на несколько частей по роду оружия (рис. 17).

Благодаря такому устройству войска ассирийцы вели успешные войны с соседними народами, что в свою очередь способствовало быстрому развитию военной организации.

Ассирийское войско было очень многочисленно, поэтому число военачальников также было велико, а так как все они принадлежали к ближайшей свите монарха, то пышность и наружный блеск, господствовавшие при дворе, они перенесли и в военный быт.

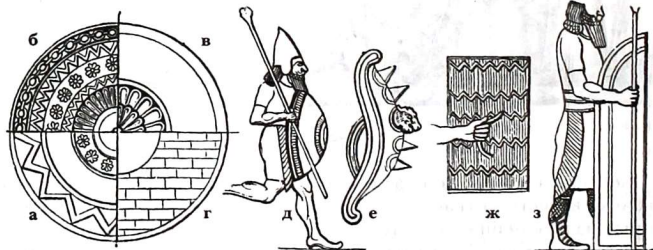

Рис. 34

Рис. 35

Оружие главнейших военачальников, как и самого царя, изготовлялось из самого лучшего металла и было украшено драгоценными камнями.

Материалом для производства оружия служили преимущественно бронза и железо, хотя вполне вероятно, что обработка и так называемое дамаскирование стали уже с ранних пор были известны ассирийским оружейникам. Можно предположить, что благодаря торговым отношениям, которые установились между ближнеазиатскими землями и Индией, ассирийцы получали и индийское оружие, особенно мечи.

Оборонительное вооружение ассирийцев состояло из щита, шипака и панциря. Щиты были двух типов: ручные и поставные. Ручные щиты, как правило круглой формы, делались из толстой кожи и снаружи обивались металлическими пластинками.

Впрочем, были ручные щиты, вычеканенные из бронзы (рис. 34, а—е); с выпуклой стороны такие щиты были усажены остроконечными шипами (рис. 34, е) и в рукопашном бою могли заменять ударное оружие (Иов., XV, 26).

Продолговатые ручные щиты были сделаны из дерева, обтянуты кожей или сплетены из толстых прутьев (рис. 34, ж). Из этих же материалов, но гораздо крепче, делались и большие поставные щиты, которые употребляли только для прикрытия стрелков из лука (рис. 144, г). Впоследствии были введены выгнутые щиты, круглые и продолговатые, около четырех футов в длину.

По скульптурам из Кюнджика видно, что еще во времена Синахериба такие щиты носили только немногие, особым образом вооруженные копейщики (рис. 34, з).

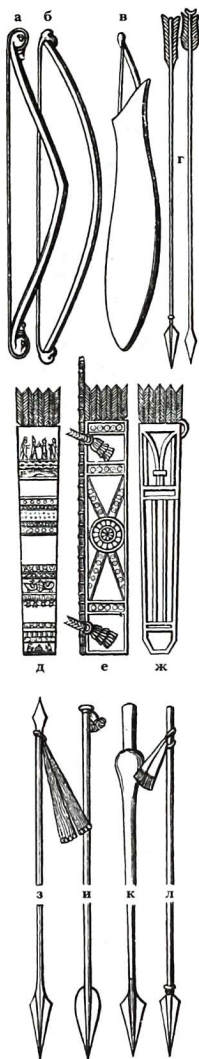

Рис. 36

Шпшак, который, судя по древним скульптурам, надевали только при полном вооружении и лишь тяжелооруженные и военачальники, образовался из простой, общей всем западноазиатским народам круглой шапки. Первоначально он делался, вероятно, из кожи и для прочности обивался металлическими обручами, а также был снабжен наушниками (рис. 35, а). Но кожу скоро заменили более прочным материалом и стали делать конусообразные бронзовые и железные шлемы, представленные на скульптурах Хорсабада и найденные затем при раскопках. Вместе с использованием металлических шлемов вошло в обычай выбирать себе для шлема какое-нибудь особое украшение (рис. 35, б—г).

Грудь и спину защищали панцирем. О дорогих чешуйчатых панцирях, изготовленных из плотных тканей, мы уже упоминали при описании вооружения египтян и эфиопов.

Простые панцири из войлока или из проклеенного толстого холста, ставшие впоследствии обычным вооружением сирийских воинов (Геродот, II, 63), имели форму узких, плотно обтягивавших тело фуфаек без рукавов или же, как было при Синахерибе, состояли просто из широкой полосы толстой и плотной ткани, которой оборачивали все туловище до самых предплечий (рис. 38, д, е).

Чешуйчатые панцири закрывали либо все тело, кроме рук (рис. 35, ж), либо доходили только до колен. Эта неуклюжая одежда была заменена впоследствии у знатных воинов фуфайками из кожи или крепкой ткани с нашитыми на них металлическими бляхами (рис. 35, д, е).

Несколько таких блях было найдено при раскопках, они выбиты из железа и выложены медными украшениями. Полы длинных чешуйчатых панцирей скреплялись широкими поясами (рис. 29, а, б), плотно усаженными металлическими пластинками.

Главным оружием нападения у ассирийцев был лук, которым они владели так мастерски, что слава ассирийских лучников держалась до самого падения царства. Подобно древним египтянам, ассирийцы использовали большой лук от 3 до 4 футов высотой.

Лук носили в особом чехле или футляре (рис. 36, а, б, в), а стрелы в колчане (рис. 36, г, д). Колчаны высших военачальников отделялись металлическими полосками (рис. 36, ж), украшались орнаментами (рис. 36, е) или расписывались арабесками и символическими изображениями (рис. 36, д). Перевязь, на которой носили колчан, сплеталась из разноцветных шнурков и была украшена кистями.

После лука самым распространенным оружием нападения было копье. По крайней мере оно было единственным оружием целого рода ассирийских войск. Совершенно гладкое древко копья было до 5 футов длиной, а иногда и больше.

У более древних копий на тупой конец древка насаживали острый наконечник, для того чтобы можно было втыкать копье древком в землю (рис. 36, з). У более поздних копий противоположный острию конец утолщен, чтобы служить опорой руке при ударе (рис. 36, к). В качестве украшения к древку привязывали цветные ленты и кисти (рис. 36, з, и, л).

Праща всегда занимала второстепенное место, ею пользовались только в редких случаях и уже в более позднее время.

Мечи и кинжалы — другой тип оружия нападения — не были неотъемлемой принадлежностью

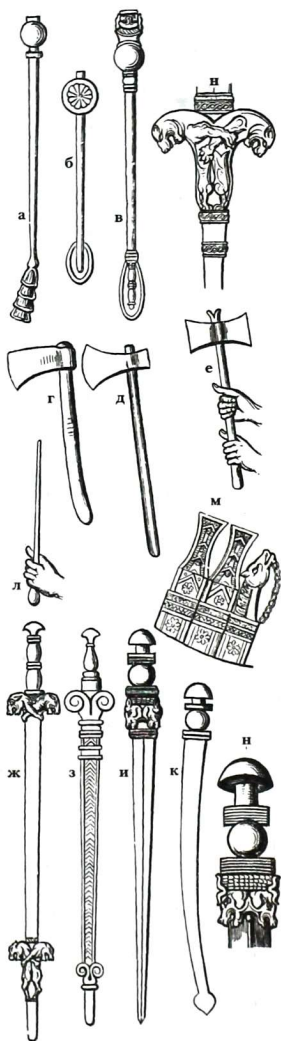

Рис. 37

Рис. 38

военного костюма, но каждый знатный ассириец имел право носить их постоянно при себе как знак его благородного происхождения. Поэтому форма, отделка и украшение этого оружия зависели от вкуса и средств носившего.

Рукояти и ножны мечей украшались резными фигурами из слоновой кости, черного дерева, серебряными и золотыми орнаментами (рис. 37, ж—к, н). Меч носили на левой стороне — или за поясом, рядом с кинжалом, или на особой перевязи, одиночной или двойной, перекрещенной на груди (рис. 23—25; 35; 41).

Отделка кинжалов и ножей была так же богата, как и отделка мечей. Рукоятки делались иногда в виде головы животного, ножны обкладывались золотыми или серебряными пластинками с вычеканенными на них фигурами, арабесками и пр. Часто носили по три кинжала и более в одних ножнах (рис. 37, м).

К боевому оружию относились небольшие шилообразные кинжалы самой простой формы (рис. 37, л) и, как у древних египтян, тяжелые булавы и боевые секиры (ср. рис. 48, в, ж—и).

Булавы, о которых Геродот (VII, 63) говорит как об оружии, распространенном в войске Ксеркса, первоначально служили оружием только полководцев, а также символом их власти. На это указывает и богатая отделка металлического шара и рукояти, украшенной кистью (рис. 37, а—в).

Топоры и секиры, как оружие простых воинов, не имели никаких украшений: кроме военных целей, их употребляли для разных работ и сообразно с этим изменяли форму клинка, который иногда был двойным (рис. 37, г—е).

На основании скульптурных изображений можно предположить, что в ассирийском войске, как и в египетском, были в употреблении трубы для подачи сигналов и для команд. Также у них существовали полевые знаки или знамена, но только на колесницах знатных воинов.

Вооружение отдельных частей войска

Ассирийское войско делилось на пеших, всадников и сражавшихся с колесниц (рис. 39). Последние набирались, по крайней мере в древнейшую эпоху, из знатных родов и составляли самую отборную и хорошо вооруженную часть ассирийской армии.

За ними следовали всадники, разделявшиеся на легковооруженных и тяжеловооруженных, и, наконец, пешие воины, к которым принадлежали копейщики, лучники, пращники и метатели дротиков. Таков был состав войска, с которым Олоферн выступил против западноазиатских земель.

«Он пригласил к себе, — говорится в книге Юдифь (II, 14—18; VII, 2), — всех сановников, полководцев и начальников войска ассирийского, отсчитал для сражения отборных мужей, как повелел ему господин его, сто двадцать тысяч и конных стрелков двенадцать тысяч и привел их в такой порядок, каким строится войско, идущее на сражение. Он взял много верблюдов, ослов и мулов для обоза их, а овец, волов и коз для продовольствия их без числа, и много пищи для всех, и очень много золота и серебра из царского дома. И с ним вышли союзники в таком множестве, как саранча и как песок земной, потому что от множества не было и счета им».

В ассирийской коннице существовали те же различия в вооружении, как и в пешем войске. Здесь это выражалось в различном убранстве лошадей.

Первоначально ассирийские всадники ездили без седла, которое вместе с остальной сбруей вошло в употребление в более позднее время. Седла и сбруя знатных всадников соответствовали их богатой одежде и блестящему вооружению.

Седла и узды делались из цветной кожи с металлическими вставками, бахромой и кистями (рис. 40, а, б). Гриву у лошадей или гладко расчесывали, или заплетали в косички, или подстригали; в хвост вплетали цветные ленты.

Рис. 39

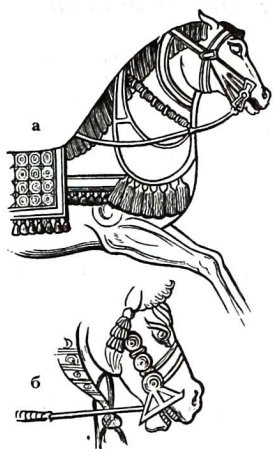

Рис. 40

Легковооруженные пешие воины были одеты в обыкновенные длинные или доходившие до колен рубашки, подпоясанные широким кожаным поясом, и обуты в сандалии.

На памятниках встречаются изображения воинов, вся одежда которых состоит из короткого передника (рис. 38, а, б). Скорее всего, это были иноземцы, служившие ассирийцам в качестве союзников. Они продолжали носить свою одежду и при Синахерибе, когда во всем ассирийском войске были введены штаны и сапоги, и только в знак своей принадлежности к армии носили военный пояс (рис. 38, б).

Легкая пехота была вооружена в зависимости от принадлежности к определенному отряду: либо щитом, копьем и шишаком (рис. 38, в), либо луком и мечом, либо же одной пращей.

Ядро тяжеловооруженной пехоты составляли те отряды, которые при нападении на крепости первыми шли на приступ. Они были одеты в длинные чешуйчатые панцири с широким поясом и шишаки, вооружены либо топорами и ломачами, либо длинными копьями (рис. 35, ж).

У отрядов, предназначенных для открытого боя, вооружение было легче: оно состояло из шлема и металлического нагрудника (рис. 38, г), который позже был заменен плотной холщовой фуфайкой (рис. 38, д, е). Эти отряды разделялись на копейщиков и лучников. У копейщиков были мечи и круглые щиты (рис. 38, е), а лучников сопровождали особые щитоносцы, по одному на двух лучников (рис. 38, г).

Самую отборную и хорошо вооруженную часть ассирийского войска составляли воины, сражавшиеся с колесниц. Все они, особенно в древнейшую эпоху, были тяжело вооружены и выезжали на битву, одетые в дорогие доспехи, в сопровождении оруженосцев и возниц.

Полководцы отличались от своих подчиненных только более богатым вооружением и тем, что во время битвы на их колесницах выставлялись штандарты или военные значки. Своими бичами они нередко на месте наказывали трусов и лентяев (ср. Геродот, VII, 223).

Верховным начальником всех военных сил был царь. За ним следовал командующий войском, которому были подчинены начальники различных частей, отрядов и т. д.

Все высшие офицеры составляли военный совет монарха. Когда царь отправлялся в поход вместе с войском, его сопровождали, кроме многочисленной прислуги, ближайшие к нему государственные сановники и множество жрецов и писцов.

Имеются свидетельства того, что цари и высшие сановники брали с собой в поход своих жен, которых везли в особо устроенных повозках.

Когда царь был намерен принять участие в битве лично, он надевал на себя тяжелое вооружение, которое защищало все тело, за исключением рук (рис. 41, а).

Вооружившись луком и стрелами, он сражался пешим или с колесницы. В подобном же прочном одеянии и с тем же оружием выезжал он и на охоту (рис. 41, б), которую ассирийцы считали лучшей школой для закалки воина.

С пленными обращались жестоко и унижительно. Взятых в плен царей клали связанных на землю и ставили им на затылок ногу (Иис. Нав., X, 24).

Военачальников и простых воинов заковывали в цепи, выкалывали им глаза или, продев им сквозь губы кольцо («во узде» — Иезекииль, XIX, 4), проводили перед царем. Осужденных к смерти сажали на кол (Геродот, III, 159) или заживо снимали с них кожу. Самым легким наказанием для военнопленного было обращение его в евнуха.

Постройки

Все открытые до настоящего времени памятники древнеассирийского зодчества относятся к известной нам исторической эпохе.

Груды разрушенных зданий неподалеку от Мосуля, на равнине, где лежат деревни Нимруд, Хорсабад, Кюнджик, Наби-Джун и Карамлес, считаются остатками Ниневии.

Каждый из этих холмов заключает в себе развалины отдельного дворца или замка и занимает один из углов большого четырехугольника, площадь

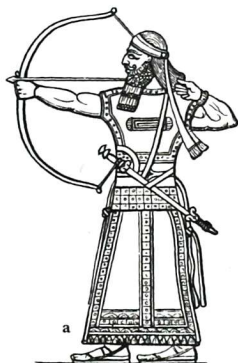

Рис. 41

которого соответствует площади Ниневии при Салманасаре, как она описана у пророка Ионы (III, 3, 4; IV, 11), который определяет ее в три дня пути.

Как ни далеки от исторической достоверности известия о постройке Ниневии, они тем не менее свидетельствуют о постоянных усилиях ассирийских царей сделать этот город средоточием своих обширных владений. Предание приписывает Нину намерение отстроить Ниневию так, чтобы никакой город в свете не мог сравниться с ней ни в площади, ни в великолепии (Геродот, I, 193; Диодор, II, 3; Страбон, XVI, 1).

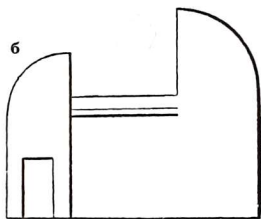
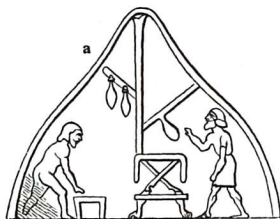

Рис. 42

По свидетельству очевидцев и по заметкам некоторых из древних авторов, Ниневия была выстроена продолговатым четырехугольником длиной 150 и шириной 90 стадий. Стена вокруг нее была 100 футов высотой, а по ее верхней платформе могли свободно ехать рядом три колесницы. Кроме того, эта стена была укреплена 1500 башнями по 200 футов высотой каждая. Из множества зданий и дворцов выделялось огромное сооружение, имевшее вид пирамиды — позднее это здание стали называть Ниновым мавзолеем.

Остатки этого памятника, сложенного из кирпичей, видны еще и до сих пор в северо-западном углу площади, покрытой развалинами. Ксенофонт (Анабас., III, 3, 4), проходя со своим войском по равнине, покрытой развалинами Ниневии, видел там кирпичную пирамиду, которая была не выше 200 футов при ширине 100 футов с каждой стороны основания. Из других развалин он не отметил ничего, кроме остатков городских стен.

После разрушения Ниневии объединенными силами мидян и вавилонян, которые после долгого пребывания под чужим игом сумели наконец завоевать независимость, роль ее как средоточия строительной деятельности вновь перешла к Вавилону.

К зданиям времен древневавилонского царства прибавились новые, и весь город был обновлен и расширен по обе стороны Евфрата. Стоявшие на западном берегу реки древние здания, к числу которых принадлежали храм Бела (Ваала) и дворец древних царей Вавилона, были восстановлены и украшены со всевозможной пышностью.

Вокруг другого царского дворца, стоявшего на восточном берегу Евфрата, напротив старого города выстроились ряды великолепных зданий, образовавших новый город. Навуходоносор, поощрявший строительство, соединил оба города мостом и обнес их каменной стеной, длина которой составила не менее 360 стадий (9 миль).

Однако не все пространство, охваченное стеной, было застроено: между стеной и крайними зданиями были оставлены пустыри около 240 футов длиной и около 120 футов шириной. Эти пустыри должны были служить полями для посева хлеба во время голода или на случай продолжительной осады.

Городские стены были более 80 футов высотой и толщиной 32 фута. Они были обставлены башнями и обведены глубоким рвом, который наполнялся водой из Евфрата. В город вели сто обитых медью ворот. Такие же ворота вели к укреплениям, построенным вдоль берегов реки внутри города для защиты его от наводнения.

Несмотря на прочную постройку этих зданий, от них не осталось ничего, кроме нескольких куч развалин. Причиной тому послужили главным образом свойства материала, из которого эти здания были выстроены.

Аллювиальная почва, покрывающая равнины Месопотамии и Сирии, состоит из песчаных и илистых отложений и совершенно лишена твердых каменных пород, пригодных для построек. Поэтому население этих стран должно было по необходимости заменять камень кирпичом, а известь — земляной смолой, которую добывали в окрестностях Вавилона и особенно в Исе (Гит) на Евфрате.

Кирпичи изготавливались в Вавилоне египетским способом: их делали из глины, смешанной для прочности с рубленным ситовником и тростником, высушивали на солнце или обжигали на огне и ставили клеймо с именем царствующего государя. Даже самые большие здания почти полностью строили из таких кирпичей, крепя их, кроме земляной смолы, специальным цементом и перекладывая каждый ряд кирпичей рожками.

Ниневийские дворцы были выстроены тоже из кирпичей, хотя строители их могли брать камень для построек из соседней Армении. Для фундаментов использовался грубый известняк, который добывали в горах Курдистана.

Из этого же камня ассирийские ваятели высекали огромные фигуры животных, которые устанавливали у входов в дворцы и храмы. Алебастр использовался для построек в огромных количествах. Он шел преимущественно на изготовление больших покрытых барель-

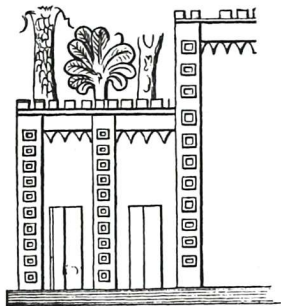

Рис. 43

ефами четырехугольных плит, которыми обкладывались внутренние стены дворцов. Твердые каменные породы, мрамор и базальт ваятелями употреблялись редко.

Остатки больших бревен, отчасти обугленных, которые были найдены в развалинах, дают основания считать, что для построек брали преимущественно шелковичное дерево. Очень вероятно, что строили также из пальмового, кедрового и кипарисового дерева (Диодор, II, 8).

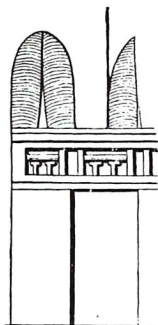

Рис. 44

Большие камни, как и упомянутые алебастровые плиты, скреплялись между собой посредством железных, медных и деревянных скоб — часто в форме двойного сковородня или двойной лапы. Геродот (I, 186), а за ним и другие древние писатели (Диодор, II, 8; Курций, V, 4) рассказывают, что каменные плиты большого моста через Евфрат в Вавилоне были скреплены железными скобами и пазы между ними залиты свинцом.

Механические приспособления, которыми ассирийцы пользовались при возведении строительных сооружений, были, по-видимому, так же просты и практичны и почти ничем не отличались от тех, которые употребляли египтяне.

Так, древнеассирийские барельефы представляют сцену перевозки колоссальной статуи точно так же, как ее представляют и древнеегипетские: статуя закреплена при помощи канатов и лесов на крепких деревянных дровнях; рабы, ухватившись за веревки, привязанные к дровням, двигают их по каткам, которые подкладывают под них другие рабочие.

За дровнями идет еще одна группа рабов. Одни из них несут шесты и лопаты, а другие идут просто, чтобы сменять везущих. Позади них тянется целый ряд двух- и четырехколесных повозок с кладью. Возле дороги, выложенной досками или даже вымощенной, видны колдцы, откуда брали воду для обливания катков и полозьев.

Перевозка грузов водой производилась так же, как она и теперь производится на Евфрате: грузы сплавались на больших плотах с привязанными к ним надувными мехами. Наконец, из изображения на барельефе в северо-западном дворце в Нимруде видно, что ассирийцы были знакомы с устройством блока и пользовались им для подъема тяжестей.

Каковы были частные жилища ассирийцев и вавилонян и чем отличалась их архитектура от архитектуры дворцов, этого мы определить не в состоянии, потому что в развалинах до сих пор не найдено никаких остатков частных жилищ, а сведения, представляемые

изображениями и письменными свидетельствами греков, слишком скудны и неопределенны.

Можно предположить, что простые граждане строили себе дома каждый сообразно своему вкусу. И только постройку больших зданий, например многоэтажных домов, которые позднее стали строиться в Вавилоне, поручали архитекторам (Геродот, I, 180).

Что же касается знати, особенно ассирийской, то, скорее всего, все, принадлежавшие ко двору, жили в царских дворцах. Этим можно объяснить непрерывное расширение царских дворцов за счет пристроек, которых становилось все больше при каждом новом царе.

Судя по некоторым барельефам, небольшие ассирийские жилища были сходны с египетскими и также состояли из двора, застроенного жилыми помещениями, над которыми шла галерея, покрытая покатой крышей (рис. 42, б).

Внутренняя часть таких домов была чрезвычайно проста и отличалась от египетских домов только тем, что в ней предусматривалось отдельное помещение для женщин. В постройке египетских и ассирийских жилых помещений должно было существовать некоторое сходство, поскольку как египтяне, так и ассирийцы благодаря умеренности своего климата могли проводить большую часть времени вне жилищ и строили свои дома из одинакового материала — из кирпичей и дерева.

Бедное население ассирийских городов жило в палатках, которые ставились или внутри городских стен рядом с домами, или, как в Вавилоне, на пустырях между городом и городской стеной, или же совсем за городом, в открытом поле. Как видно по скульптурным изображениям этих подвижных жилищ (рис. 42, а), они были похожи на палатки сирийских арабов, покрытые черным войлоком из козьей шерсти.

Большие городские дома ассирийцев — насколько мы можем судить о них по изображениям на памятниках — очень похожи на египетские городские дома. Здесь мы видим то же расположение внешних стен, те же открытые галереи, идущие вокруг всего жилья, те же плоские крыши, уставленные растениями, и, наконец, ту же простоту внешней отделки. Так что вся разница между теми и другими сводится к различному устройству верхних этажей и форме архитектурных украшений. Египетская архитектура подражала в орнаментации зданий формам туземной флоры, а ассирийская создавала свои особые формы, наиболее соответствующие воинственному характеру народа.

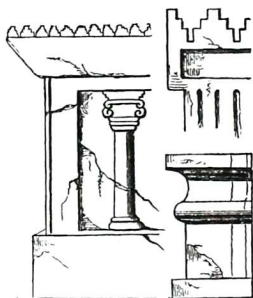

Рис. 45

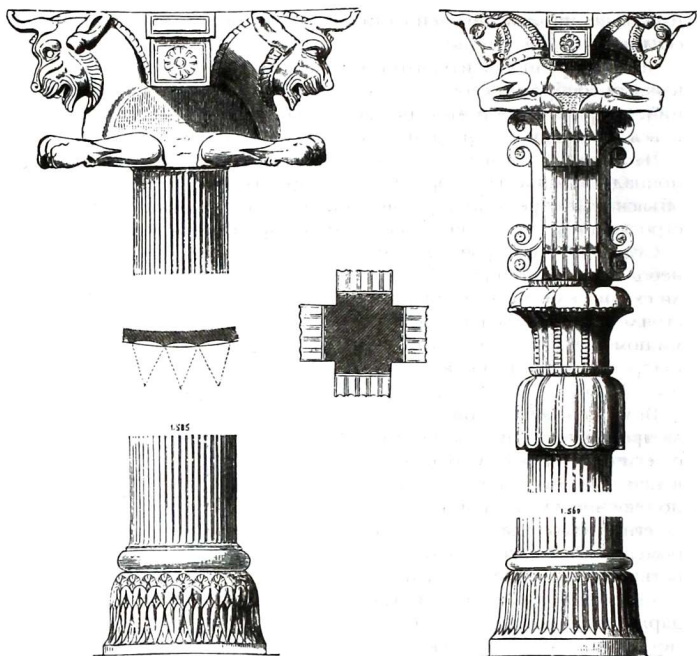

Рис. 46

Такова форма двойного волюта, подражающая ненапрянутому восточному луку, вырезанному из толстой жилы. Эта форма, производящая впечатление мощи и вместе с тем упругости, встречается впервые у ассирийцев и как украшение на оружии, утвари и пр., и в архитектуре — как декор надстолпий или посредствующих членов между капителями колонн и лежащими на них архитравами.

Таковыми надстолпиями часто украшали небольшие колонны верхних галерей (рис. 43—45). Эти колонны имели форму простых столбов, поставленных на круглые цоколи, и были деревянными, так же как и весь верхний этаж.

Кроме того, фасады домов обкладывались для прочности толстыми наличниками наподобие пилястров, между которыми вдоль крыши шел простой или зубчатый карниз. Плоские крыши домов обводились парапетом с треугольными, квадратными и уступчатыми зубцами (рис. 43, 45, 46).

Верхние этажи ассирийских домов не шли вровень с нижними, как у египетских, а отступали внутрь, образуя уступы (рис. 44). Сады при больших домах Ниневии и Вавилона тоже обносились высокой каменной стеной с одной или несколькими двухстворчатыми дверями (рис. 43), что еще более усиливало и без того большое сходство ассирийских городских домов с крепостями.

Царские дворцы

От огромных дворцов ассирийских царей уцелели лишь подвалы и нижняя часть стен нижних этажей, обложенная алебастровыми плитами. Эти остатки и барельефы, найденные на них, представляют единственные данные, исходя из которых мы можем составить приблизительное представление об устройстве дворцов ассирийских царей (рис. 47, крылатые львы из Хорсабада).

Благодаря раскопкам мы смогли познакомиться с методикой закладки этих громадных зданий. Как в Египте для постройки храма, так и в Ассирии для каждого дворца выкладывалась из кирпича большая платформа от 30 до 40 футов высотой. Когда предполагалось строить несколько отдельных дворцов рядом, то платформы устанавливались одна возле другой уступами и соединялись между собой лестницами.

Каждая платформа была обнесена невысокой каменной стеной или парапетом и служила основанием отдельному корпусу в один или несколько этажей, сложенному из кирпичей.

Внешнее украшение стен, толщина которых измерялась от 5 до 15 футов, состояло преимущественно в описанных выше (рис. 43—45) наличниках, открытых галереях и зубчатых карнизах.

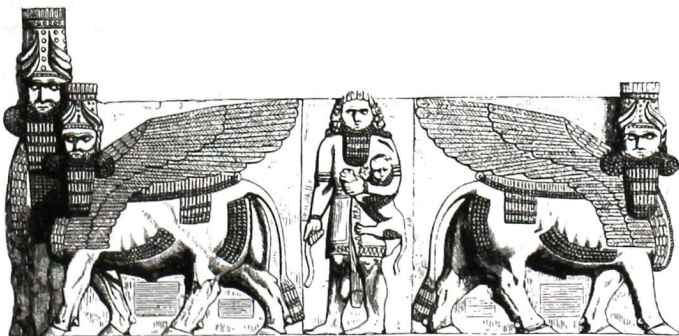

Рис. 47

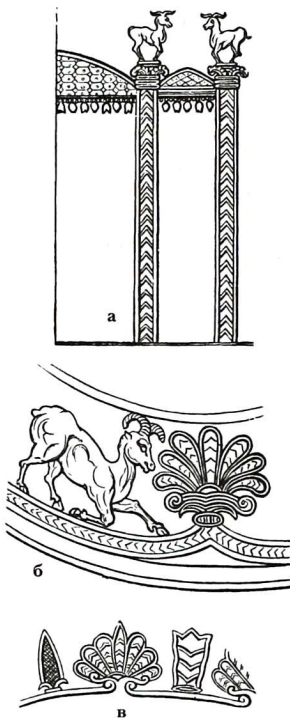

Рис. 48

Простенки между порталами обкладывались плитами с рельефными изображениями борющихся со львами людей и разных символических фигур. Входы запирались богато орнаментированными дверьми, деревянными или металлическими, или просто закладывались цепями.

Внутренняя часть дворцов располагалась так, что позволяла увеличить и расширить здание во всех направлениях, нисколько не вредя его основному плану.

Этот план (насколько он мог быть восстановлен по остаткам северо-восточного дворца в Нимруде и других дворцов) был следующим: непосредственно за лицевой стеной здания начинался открытый четырехугольный двор, с трех сторон окруженный рядами

Нижнюю часть стен иногда снаружи обкладывали плитами с рельефными изображениями, а в позднейшее время, кроме того, еще каменным цоколем (рис. 45).

Посредине фасада открывались три портала, по сторонам которых стояли по две или четыре каменные фигуры от 10 до 17 футов высотой. Фигуры эти обычно представляли крылатых львов или быков с человеческими головами, покрытыми царскими тиарами, а иногда, как, например, при входе в небольшой храм в Нимруде, — просто львов, стоящих на задних лапах с раскрытой пастью, без всяких символических атрибутов.

В древнейшее время ставили по две каменные фигуры у каждого портала — вдоль внутренних его стен и параллельно, одна против другой, передней частью ко входу. У позднейших порталов, например в Хорсабаде, прибавлены еще две фигуры меньших размеров, которые установлены уже вдоль фасада, то есть под прямым углом к большим фигурам (рис. 47).

В храмовых порталах возле фигур ставились небольшие алтари. Стремление к точности заставляло ассирийских скульпторов давать львам по две ноги с лицевой стороны и по четыре с профиля, так что у каждого из них оказывалось по шесть ног.

жилых покоев; иногда таких дворов было несколько, и в этом случае они соединялись между собой воротами (рис. 49, реконструкция дворца Саргона II в Дур-Шаррукине).

В числе покоев, окружавших дворы, были обширные залы, имевшие вид длинных, но сравнительно узких галерей. Например, размеры одного из самых больших залов Нимрудского дворца — 150 футов в длину, а в ширину только 33 фута; в Куюнджике длина зала равна 150 футам, а ширина 45 футам.

Такая удлиненная форма залов обуславливалась отсутствием в них сводов и колонн как опор и длиной пальмовых и тополевых брусьев, из которых настилались потолки покоев.

Внутреннее убранство этих залов или галерей было чрезвычайно роскошным. Входы их украшались скульптурными изображениями и запирались резными двустворчатыми дверьми или завешивались коврами.

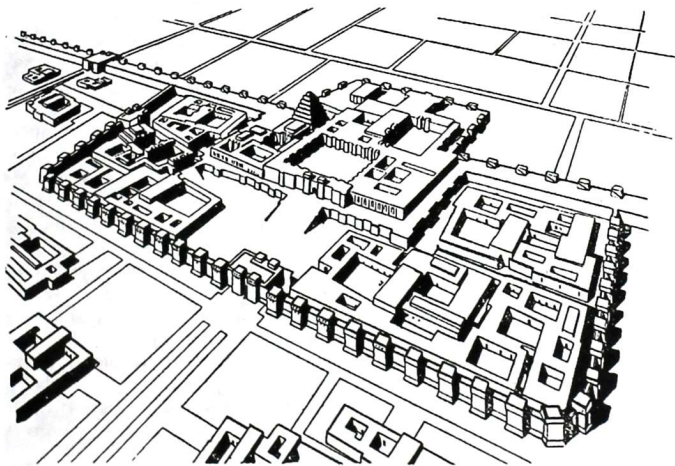

Рис. 49

Полы были выстланы частью алебастровыми плитами, укрепленными на асфальте, частью кирпичами, положенными в два ряда по толстому слою песка. Для содержания полов в чистоте в них были сделаны желоба, сообщавшиеся с устьем отводных труб.

Главное украшение стен составляли упомянутые выше большие плиты с раскрашенными рельефными изображениями. Они шли вокруг всего помещения, покрывая всю нижнюю часть стен на 12 футов в высоту.

В древнейших зданиях плиты каждого покоя делились по содержанию изображений на два отдела. В зданиях позднейшего времени (например в Куянджикском дворце) каждый покой обложен одним рядом плит, все изображения на которых относятся к какому-нибудь одному предмету и связаны между собой по содержанию.

Надписи (некоторые такой длины, что не могли уместиться на стене и перенесены на пол) высечены на камне, и углубления залиты медью. Верхняя часть стен покрывалась гипсовой массой, которую накладывали тонким слоем на кирпич и сначала терли, до тех пор пока она не начинала лосниться, а потом расписывали.

Рис. 50

Чаще всего каждую стену разделяли узорчатыми каймами на несколько симметрично расположенных четырехугольников, поля которых украшали фигурами животных, перемешанными с растительными орнаментами, розетками и пр. (рис. 48, б, в; рис. 50). Для убранства комнат употребляли также ковры. Из них делали завесы, разделявшие длинные залы на несколько отделений.

В таком случае ковры подвешивались на подвижных кольцах к шнуркам, протянутым поперек помещения просто от стены до стены или между деревянными колоннами. То, что такие колонны действительно ставились внутри покоев, подтверждается изображениями (рис. 48, а) и найденными в Куянджике остатками круглых пьедесталов или баз.

Свет и воздух проходили или через отверстия в крыше, вероятно, закрывавшиеся ставнями, или же через пролеты верхних галерей. Отделка потолков соответствовала остальному убранству: их украшали резьбой из слоновой кости, металлическими фигурами и разноцветными арабесками.

Сомнительно, чтобы такие обширные и великолепные здания были только дворцами, скорее, подобно храмам-дворцам египетских фараонов, они соединяли в себе и дворец, и храм. Это видно по изображениям на их стенах, представляющим рядом с историческими сюжетами и религиозные церемонии, как в египетских дворцах-храмах.

То же самое можно сказать и о дворцах вавилонских царей. По свидетельствам древних писателей можно заключить, что они вообще мало отличались от ассирийских.

Древнейший из вавилонских дворцов, стоявший на западном берегу Евфрата, занимал поверхность 20 стадий в окружности; он был

обнесен тремя кирпичными стенами, из которых внешняя была 60 стадий (1,5 мили) в окружности, а остальные две — по 40 стадий при 300 футах высоты.

Стены самого здания и его ограда, были покрыты (как и в ассирийских дворцах) раскрашенными барельефами и фигурами животных в 4 локтя высотой.

Новый дворец, возведенный на восточном берегу Евфрата Набопаласаром и расширенный его сыном Навуходоносором, во всем подходил на старый, только был прочнее построен и сильнее укреплен. Окружность его равнялась 40 стадиям. Стены, часто с башнями, тоже были покрыты барельефами. Пространство между стенами, окружавшими дворец, и самим дворцом было занято садами, бассейнами и, вероятно, кусками пахотной земли.

Рассказывают (Диодор, II, 16), что Навуходоносор, желая угодить своей супруге мидянке, скучавшей по своей гористой родине, приказал расположить часть этих садов возвышавшимися одна над другой террасами.

Рис. 51

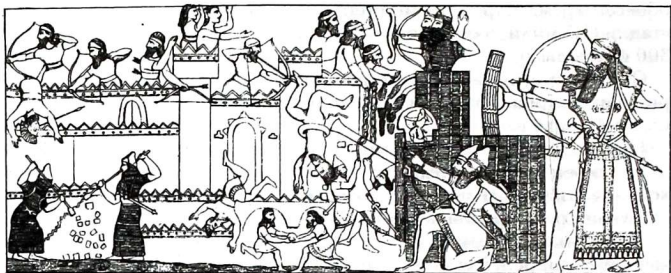

Рис. 52

Таково было происхождение знаменитых «висячих садов», которые древними писателями, а вслед за ними и многими более поздними, приписывались Семирамиде и считались одним из чудес света. Сады эти занимали поверхность в 400 кв. футов и поднимались выше башен дворца, которые были 150 футов высотой.

Поддерживавшие их платформы были сложены из кирпича и подпирались через каждые 10 футов каменными опорами в 22 фута толщиной. По кирпичу настилали сначала каменные плиты, потом толстые слои тростника, асфальта и гипса, и все это было покрыто для предохранения от сырости толстыми свинцовыми листами.

Поверх свинцовой обшивки был насыпан слой земли такой толщины, что на нем могли свободно расти высокие деревья. Внутри постройки были устроены насосы, поднимавшие воду из Евфрата до самой верхней террасы, откуда с помощью труб она разливалась по остальным.

При Навуходоносоре было восстановлено и древнейшее святилище вавилонян — капище Бела, или Ваала. Описание этого капища, сохраненное древними, знакомит нас с архитектурой ассиро-вавилонских капищ вообще.

Восстановленное капище Ваала стояло посреди обнесенной каменными стенами с бронзовыми воротами четырехугольной площади размером 1200 кв. футов. Само капище, имевшее вид четырехсторонней пирамиды 600 футов длиной, 400 футов шириной у основания и 600 футов высотой, состояло из восьми этажей, поднимавшихся кверху уступами.

Этажи соединялись между собой лестницами, спирально огибающими здание с наружной стороны. На нижнем этаже находилось капище божества: там стояла золотая статуя Ваала, сидящего на золотом троне перед большим столом, тоже сделанным из золота.

По Геродоту (I, 181), один этот стол стоил 800 талантов. Вне капища, по обеим сторонам от входа, возвышались два алтаря: один золотой, на котором приносили в жертву только новорожденных животных, другой — предназначенный для животных жертв вообще.

На половине высоты пирамиды, на четвертом этаже, было устроено место отдыха, уставленное скамьями; а на верхнем этаже, предназначенном для отправления мистических обрядов, стояли золотой стол и роскошно убранное ложе.

Гробницы ассирийских царей устраивались в виде уступчатой пирамиды, которая была основной формой древних культовых ассириовавилонских зданий.

Гробница, сооруженная, согласно преданию (Диодор, II, 7), Семирамидой Нину, изображается в виде колоссального холмообразного здания в 9 стадий высотой и 10 стадий шириной. Так же огромна была, по рассказам современников, и гробница Сарданапала, известная по изображениям на монетах города Анхиаля, которую, впрочем, могли считать гробницей Нина.

Кирпичная пирамида у северо-западного Нимрудского дворца считается остатком этой гробницы. Наряду с пирамидальными гробницами устраивались также и гробницы в скалах, там, где это позволяла местность. Такие гробницы находятся в окрестностях деревень Бавиан, Малтайя, Вана и др. Они высечены в отвесных скалах и снаружи покрыты скульптурными фигурами.

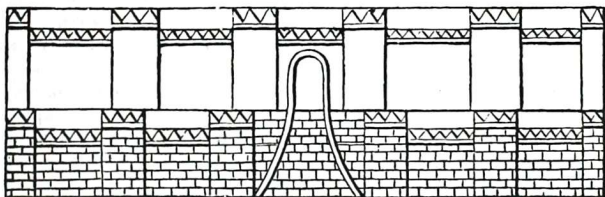

Рис. 53

Гробницы в Ваве представляют собой продолговатые камеры с боковыми покоем, нишами и т. д. В некоторых есть также и колодцы или вертикально углубляющиеся шахты. Все эти гробницы относятся к гораздо более поздней эпохе, чем та, о которой мы говорим.

К позднейшему же времени следует отнести и все остальные гробницы, открытые в развалинах Ниневии и Вавилона, и все найденные там саркофаги, так как до сих пор еще не было найдено гробниц, которые можно было бы с достоверностью отнести к гробницам древнейших ассирийцев или вавилонян.

Относительно последних Геродот (I, 198) сообщает, что у них было принято класть тела умерших в ящики, наполненные медом или воском (вероятно, для предохранения трупов от гниения). На погребальные обычаи ассирийцев бросает некоторый свет открытый в развалинах Хорсабада ряд ниш с погребальными урнами в них.

Общественные сооружения

К такого типа строениям принадлежат прежде всего плотины и каналы. Их строительство началось с древнейших времен и было вызвано необходимостью уберечь низменность, орошаемую Тигром и Евфратом, от разливов этих рек. Об их гигантских размерах можно судить по уцелевшим остаткам. По ним видно также, что ассирийцы и вавилоняне были издавна знакомы с кладкой арок и сводов в замок и что они клали их из кирпичей и из тесаного камня.

Кроме водопроводов и подземных каналов для поддержания уровня воды в Евфрате пользовались также и большими озерами, устанавливая на них водоподъемные машины и шлюзы (подобно тому, как это было сделано в Египте при Аменеме III для регулирования вод Нила).

Гидравлические постройки колоссальных размеров возводились еще в царствование Навуходоносора (Геродот, I, 184 и след.; Диодор, II, 9). Равнина, тянувшаяся на запад от Вавилона, также была покрыта большими гидравлическими сооружениями, возведенными с целью осушения болотистых местностей (Геродот, I, 185, 193).

Для орошения полей и для снабжения водой садов и парков были устроены колодцы, водочерпальные колеса, каналы и другие приспособления. В садах выращивали редкие растения и цветы, а также овощи. В парках держали зверей для охоты и для звериных боев. Царские парки, особенно в позднейший период, были так обширны, что в них было достаточно места для проведения военных маневров.

Строительство мостов было очень распространено, по крайней мере в Вавилонии. Обе части Вавилона соединялись между собой мостом, постройку которого одни (Геродот, I, 186) приписывали царице Нитокрисе, другие — Семирамиде (Диодор, II, 8).

Вероятнее всего, он был построен (или, может быть, только восстановлен) Навуходоносором. Этот мост был длиной 5 стадий при 30 футах ширины и держался на каменных опорах, которые были сведены вверху арками в 12-футовые пролеты и со стороны, обращенной против течения реки, оканчивались трехгранными выступами, сложенными из камней, связанных железными скобами и свинцом, влитым в швы между ними.

Полотно было настлано из кедровых и пальмовых брусьев и могло сниматься, когда сообщение через мост хотели прервать.

Рис. 54

Укрепления и военные постройки

Египетские фараоны, пришедшие для завоевания западноазиатских земель во втором тысячелетии до н. э., уже застали там сильно укрепленные, прочно построенные каменные крепости (рис. 51—51). О том, какого высокого уровня достигло у ассирийцев и вавилонян искусство строить укрепления, можно судить, с одной стороны, по рассказам современников об укреплениях их городов, а с другой — по изображениям крепостей на ассирийских барельефах.

Полуразрушенные стены Ниневии были сложены из кирпичей на каменном фундаменте высотой 20 футов; высота стен от фундамента до гребня равнялась 100 футам, а толщина изменялась от 25 до 50 футов.

Несмотря на такие гигантские размеры, они были укреплены множеством башен и, кроме того, местами окружали город в два или несколько рядов (рис. 55). Так, чтобы защитить Вавилон с северо-восточной стороны, Навуходоносор выстроил в 5 милях от города колоссальную стену в 100 футов высотой и 20 футов толщиной, которая шла от берега Евфрата до берега Тигра, а в самом городе, на обоих его концах, построил укрепления типа фортов.

Наиболее открытые для нападения пограничные местности государства и другие слабые пункты внутри него были защищены крепостями.

Похожие на крепости сооружения, изображенные на ассирийских памятниках, были построены из кирпичей на искусственных насыпях или на естественных возвышениях, где их удавалось найти.

При осаде крепостей под их стены подводили подкопы, засыпали или осушали окружавшие их рвы и перекидывали через них переносные деревянные мосты. Военный стан (лагерь) обносили валом и окапывали рвом.

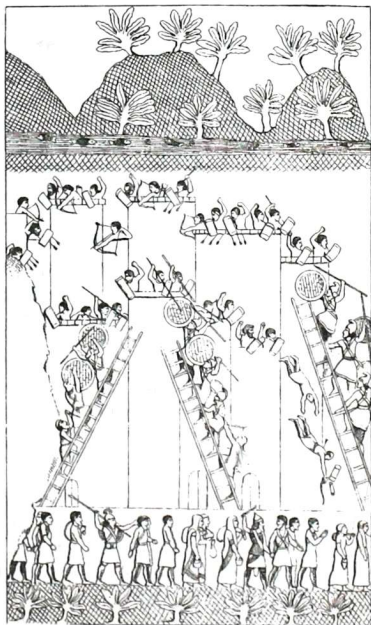

Рис. 55

Простые воины размещались в шалашах или палатках. Шатры полководцев украшались со всевозможной роскошью. Когда Юдифь была введена в шатер Олоферна, он «отдыхал на своей постели за занавесом, украшенным пурпуром, золотом, изумрудом и драгоценными камнями. Когда ему доложили о ней, он вышел в переднее отделение шатра, и перед ним несли серебряные лампы» (Юдифь, X, 21–22).

Для предупреждения внезапных нападений лагерь окружали сторожевыми постами. Огни, разложенные на высотах, служили сигналами в ночное время.

Завоеванный город отдавали обыкновенно на разграбление войску и потом поджигали. В память о победе ставили каменный столб с надписью. В гористых местностях вырубали на скале барельеф с пояснительной надписью.

Рис. 56

У ассирийцев не было собственного военного флота. Если им приходилось отправлять войско морем, например в войне с тирийцами, они, по всей вероятности, перевозили его на судах подчиненных им приморских народов, которые с давних пор занимались морской торговлей и потому должны были иметь морские суда.

Судостроение ассирийцев и вавилонян ограничивалось постройкой больших и малых речных судов. В них они плавали по своим двум рекам, представлявшим вместе со множеством ответвлявшихся от них каналов удобные пути для внутренней торговли (рис. 56).

По описанию Геродота (II, 194), подтверждаемому изображением на памятниках (рис. 54, а, б), «суда, шедшие вниз по течению, были или совершенно круглыми, или щито- и корытообразными. Сплетенные из толстых прутьев и обтянутые кожами, они требовали не более двух гребцов. Несмотря, однако, на такую легкую постройку, большие суда могли поднимать грузы даже в 12 000 талантов». Кроме того, для перевозки грузов употреблялись также большие плоты с привязанными к ним кожаными мешками, надутыми воздухом.

Утварь

Те же ближнеазиатские земли, которые пополняли сокровищницы фараонов уже во II тысячелетии до н. э., предоставляли, вероятно, и ассирийцам все предметы житейского комфорта и роскоши. Впоследствии покорение Сирии с ее прибрежным населением открыло им новый источник обогащения.

Дань, которую ассирийские государи получали с названных стран, состояла большей частью из драгоценной утвари (рис. 57, 58). Тогдашний военный обычай переселять побежденных в города победителей, которого эти государи стали придерживаться первыми, должен был также способствовать развитию ремесел.

Рис. 57

Сосредоточивая в столицах государства лучших ремесленников из покоренных народов, они приобретали деятельное, искусное и в то же время служебнообязанное ремесленное сословие.

Но, с другой стороны, такая разноплеменность не могла не отразиться на изделиях ассирийских ремесленников: эти изделия лишены оригинальности. Например, ассирийские сосуды и утварь, как представленные на барельефах, так и найденные при раскопках, не отличаются существенно ни формой, ни материалом от подобных предметов остальных западноазиатских народов того времени.

Только сравнивая их с древнейшими западноазиатскими изделиями этого рода, представленными на египетских памятниках, можно заметить более или менее значительную разницу в форме.

Сосуды

Как можно заключить из сравнения ассирийских сосудов с изображениями на египетских памятниках, этот род утвари подвергся наименьшим изменениям как по форме, так и по материалу. Хотя на ассирийских памятниках и отсутствуют изображения таких великолепных сосудов, какие представлены на египетских, но найденные при раскопках остатки настоящих сосудов не оставляют никакого сомнения в том, что в них не было недостатка ни в Ниневии, ни в Вавилоне.

Для изготовления сосудов использовалась преимущественно медь, чистая или с примесью олова (бронза). В одном из покоев северо-западного Нимрудского дворца было найдено около 150 бронзовых сосудов, многие из которых похожи на кухонную посуду, изображенную на египетских памятниках.

Рис. 58

Вероятно, они служили для приготовления и хранения пищи (рис. 57). В развалинах других ассирийских дворцов было найдено немало подобной утвари: сковород, блюд, горшков, глубоких и плоских чаш. Некоторые блюда и сковороды достигают пяти футов в диаметре). Размеры не должны нас удивлять, если учесть количество лиц, ежедневно кормившихся за царским столом.

Почти все упомянутые сосуды круглой формы, но отделаны по-разному: некоторые из них только с одной ручкой или вовсе без ручек; у других — по две ручки, подвижных или наглухо прикрепленных. Иные сосуды совершенно лишены украшений, на других снаружи выгравированы или вычеканены различные орнаменты: розетки, полуфантастические человеческие фигуры и фигуры животных — львов, тигров и газелей.

Вместе с большими блюдами были найдены бронзовые львиные лапы и бычьи ноги — по всей вероятности обломки треножников, на которые ставились эти блюда. Форма найденного в Нимрудских развалинах трехногого каменного алтаря, возможно, повторяет форму глубокой чаши, поставленной на треножник.

В том же покое северо-западного Нимрудского дворца, где была найдена кухонная посуда, обнаружено несколько бронзовых кружек и ковшей (рис. 59, з, и), бронзовая воронка очень красивой формы, стеклянные чаши и небольшие сосуды, стеклянные и алебастровые, формой похожие на яйцообразные египетские сосуды и помеченные именем царя Саргона.

В развалинах Куянджикского дворца среди различных металлических вещей нашли бронзовую ламповую чашку (рис. 59, т) с красивой подставкой в форме треножника и несколько глиняных и стеклянных сосудов: чаши различной величины, глубокие и плоские, без украшений и с узором по краям; горшочки овальной формы (рис. 59, б); небольшие круглые стеклянные сосуды с рубчиками (рис. 59, ж) и большую глубокую чашу, тоже рубчатую.

Если ко всем описанным мы присоединим найденные в Хорсабаде, Арбате и других местах стеклянные сосуды с короткими и длинными шейками (рис. 59, г—е), глиняные кувшины и кружки, укра-

шенные разными фигурами, завитками и пр. (рис. 59, а, в), и, наконец, обломки драгоценных сосудов, а также те, которые мы знаем лишь по ассирийским барельефам, то окажется, что передне- и среднеазиатские изделия этого рода превосходили египетские как в разнообразии форм, так и в обработке.

Из большого количества драгоценных сосудов и другой роскошной посуды ассирийских царей до нашего времени сохранилось совсем немного. Все, что удалось найти, исчерпывается несколькими бронзовыми и глиняными сосудами для питья в виде выгнутых слегка кубков (рис. 59, с) или в форме чашек.

Рис. 59

Эти чашки отличаются от представленных на памятниках (рис. 59, п, р) тем, что даже самые маленькие из них снабжены ручкой, которая всегда оканчивается головой какого-нибудь животного (рис. 59, о). Кубки очень похожи на те, которые уже в древнейшую пору присылались из Ближней Азии в Египет в дань фараонам, ручки их также были украшены звериными головами (рис. 59, л—н).

Сосуды такой же формы, снабженные ручкой (рис. 59, л), употребляли для разливания напитков из больших чаш высотой до четырех футов (рис. 59, к) в стаканы и кубки. К столовой посуде можно отнести найденные при раскопках медные ложки разной величины, металлические и каменные кружки, большей частью с ручками, и несколько глазурованных, наподобие фарфоровых, плоских чаш, похожих на тарелки.

Употребление при еде ножей и вилок было ассирийцам так же неизвестно, как и египтянам. Твердую пищу брали пальцами, как это и до сих пор еще водится на Востоке, а жидкую хлебали ложками или пили из маленьких чашек. За столом сидели на высоких креслах, сиденье которых иногда приходилось почти вровень с верхней доской стола.

Мебель

Сравнивая мебельные изделия, представленные на ассирийских барельефах, с такими же изделиями, которые гораздо ранее доставлялись в Египет из западноазиатских земель в виде дани, мы видим, что формы этих изделий претерпели с течением времени гораздо большие изменения, чем формы сосудов.

Мебель ассирийского производства стала более устойчивой. Преобладающая в древнейших западноазиатских изделиях изогнутая линия была заменена прямой, а округленные очертания — угловатыми. Почти все ассирийские столы, кресла, стулья и т. п. имеют одну и ту же основную форму — прямоугольное соединение вертикальных подпор с горизонтальными перекладинами.

В соответствии с формой изменились и украшения. Прежние мебельные ножки в виде целой ноги животного сменились прямыми подставками, оканчивающимися архитектурным расчленением или же только окончанием ноги животного — копытом или лапой. Как бы для того, чтобы восполнить недостаток изящества в формах своей мебели, ассирийцы украшали ее необыкновенно богато.

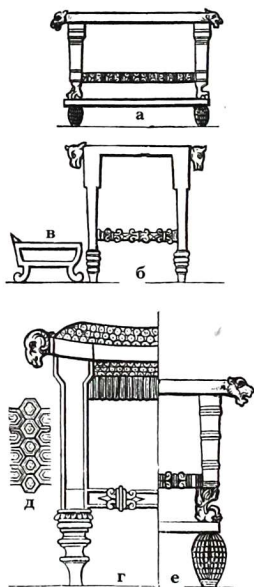

Рис. 60

Рассказы Геродота о золотых алтарях и тронах в капище Бела и известия о необычайно роскошном убранстве царских дворцов с их золотыми ложами и тронами показывают, что в Ассирии не жалели благородных металлов и на отделку мебели.

Много мебельных украшений, большей частью бронзовых, было найдено в развалинах вместе с мелкими вещами из перламутра и слоновой кости, вероятно, также имевшими декоративную функцию.

Гипотеза об употреблении металлов для отделки мебели была окончательно принята, когда в одном из покоев северо-западного дворца нашли обломки царского трона.

Трон этот, похожий на троны и кресла, представленные на барельефах (рис. 61, ж, з), сделан из дерева и весь покрыт бронзовыми украшениями. Ножки вырезаны из слоновой кости, в проймах ручек вставлены в качестве подпорок человеческие фигурки наподобие кариатид (рис. 61, з; рис. 62, г).

Такие фигурки встречаются уже и на древней мебели египетских фараонов, так же как и орнамент в виде звериной головы на концах кресельных ручек, который ассирийцы перенесли и на углы столов (рис. 60, а, б, г, е).

Ассирийские кресла были очень высоки, и высота их могла быть произвольно увеличена подставками, которые подкладывались под кресельные ножки (рис. 60, а, е). При такой высоте были необходимы ножные скамейки (рис. 60, в), и такая скамейка была действительно найдена при описанном выше троне.

Как тронные кресла, так и сиденья без спинки (табуреты) покрывались дорогими коврами или обивались узорчатыми подушками с кистями (рис. 60, г, д, ж; рис. 61, а). В домах простых людей вместо кресел использовались скамьи и складные стулья (рис. 61, б) наподобие представленных на древнеегипетских памятниках.

Столы и поставцы делались в том же стиле, что и стулья, но отделка их была проще, может быть, потому, что они обычно накрывались коврами; по крайней мере намек на такие покрытия встречается на некоторых изображениях столов простой отделки.

Столы ставились на такие же подставки, как и стулья. Вообще употребление подставок под мебель, чтобы придать ей желаемую высоту, было у ассирийцев общепринятым, даже бедные люди устанавливали их одна на другую и поверх них ставили мебель (рис. 155, д, е).

Ассирийские кровати походили на древнеегипетские (рис. 62, ж, з). Они были, вероятно, деревянные, как и прочая мебель, с украшениями из металлов, слоновой кости, перламутра и т. п. и устилались узорчатыми ассирийско-вавилонскими коврами.

Вероятно, у ассирийцев, так же как у египтян, существовали разного рода сундуки и ящики для платья, драгоценностей и других ценных вещей. Резные дощечки из слоновой кости, которые в разное время находили при раскопках, украшали, по-видимому, именно такие ящики.

Особые ящики имелись, вероятно, и для туалетных принадлежностей, которых у щеголеватых ассирийцев было немало, таких, например, как круглые металлические зеркала.

О времени введения в Ассирии монеты как предмета денежного обращения нам ничего не известно. Почти все найденные до сих пор сирийские монеты принадлежали прибрежным городам Западной Азии и были вычеканены во времена персидского владычества. Большая их часть, вероятно, финикийского происхождения.

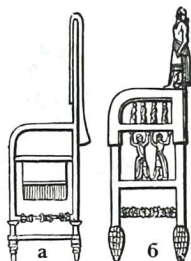

Рис. 61

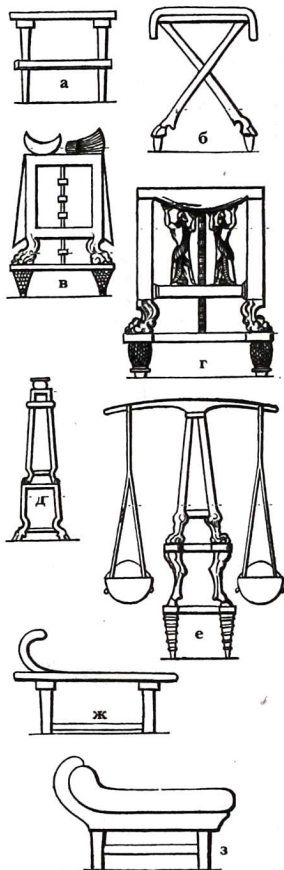

Рис. 62

До введения чеканной монеты в Западной Азии (как и в Египте) ее заменяли слитками определенного веса или металлическими брусками (штыками), кольцами и т.п. На слитках была обозначена их стоимость. Мелкие слитки для удобства насыпались в небольшие мешочки. Оплата производилась на вес, как это и теперь иногда случается на Востоке.

Для взвешивания использовали простые весы (рис. 62, е), устройством походившие на египетские.

Найденные в раскопках медные львы различной величины (от одного фута до одного дюйма высотой) с ручками на спине, вероятно, использовались ассирийцами в качестве гирь.

Вавилонская система мер и весов была основана на определенном количестве воды, а именно куб воды в 92 с лишним фунта весом составлял вавилонский талант, который делился на 60 равных частей. (Вавилонский талант был принят впоследствии финикийцами и от них перешел в Грецию; соответственно его делениям были вычеканены в Египте около 700 г. до н. э. первые сиклы и драхмы.)

Этим же кубом воды определялись и линейные меры вавилонян: длина каждой стороны куба образовала вавилонский локоть (234 парижск. линии), а две трети ее — вавилонский фут.

Наблюдения над движением Солнца и планет побудили вавилонян создать особый инструмент для измерения времени, и Геродот (II, 122) свидетельствует, что это у них греки научились употреблению «часомеров».

Этими «часомерами» были, конечно, солнечные и водяные часы. Первые состояли из конуса, поставленного на плоскости, или из пира-

миды с уступами, ширина которых была рассчитана так, что часы обозначались совпадением конца тени от стрелки, укрепленной на верхушке пирамиды, с краями уступов.

Водяные часы отмеряли время понижением уровня воды, равномерно вытекавшей из сосуда, на стенках которого были сделаны соответствующие деления.

Высказанное нами предположение, что большая часть музыкальных инструментов и игральных приспособлений, представленных на древнеегипетских стенных изображениях, была перенесена в Египет из Западной Азии, нисколько не опровергается тем, что на ассирийских барельефах эти инструменты и приборы встречаются очень редко.

Это можно объяснить содержанием этих барельефов, отражавшим, как было уже замечено, не столько частную жизнь монархов Ассирии, сколько их государственную деятельность.

С другой стороны, возможно, что ассирийцы, народ воинственный, меньше любили музыку и меньше занимались ею, чем другие, соседние им народы Ближней Азии. Однако и у них, и у вавилонян были музыкальные инструменты разного рода.

Рис. 63

Из ударных инструментов мы находим здесь ручной барабан, из духовых — воронкообразную трубу, простую и двойную флейту (рис. 63, г) и, наконец, из струнных — лиру (рис. 63, а), лютню с длинным грифом и разного устройства треугольные арфы, горизонтальные и вертикальные, на которых играли пальцами или палочкой (рис. 63, б, в, д).

Найденные в развалинах бронзовые колокольчики разной величины (самый большой из них имеет 3,25 дюйма высоты и 2,5 дюйма в диаметре) и различного звучания принадлежали, вероятно, также к числу музыкальных инструментов, поскольку различие их звука зависит от состава металлической массы, из которой каждый из них отлит.

То, что и у ассирийцев, как и у египтян, были в ходу разного рода игры, не подлежит сомнению. В северо-западном Нимрудском дворце

были найдены бронзовые игральные кости с золотыми очками. Впрочем, любимой забавой ассирийских царей и вельмож была охота.

Охотились в парках или засеках, собираясь большими группами по несколько сот человек. За хищными зверьями гонялись на колесницах и верхом, вооруженные луком и рогатинами. Охотящихся сопровождала многочисленная прислуга, состоявшая из пеших охотников в полном вооружении, с мечами и щитами; у некоторых были, кроме того, короткие секиры.

Вместе с этим оружием использовали также известное еще древним египтянам и сейчас еще распространенное у австралийских аборигенов охотничье оружие — слегка искривленную деревянную дубинку с рукояткой около фута длиной. Соколиная охота была также очень любима в Ассирии, особенно в позднейшее время.

Надо полагать, что у такого воинственного народа, каким были ассирийцы, все военные снаряды, свойственные тогдашнему способу ведения войны западноазиатскими народами, были очень рано доведены до той степени совершенства, в какой они представлены на ассирийских барельефах.

Судя по этим изображениям, употреблявшиеся у всех западноазиатских народов боевые колесницы имелись у ассирийцев в большом количестве, и, кроме того, у них у первых появились осадные машины.

Что касается формы ассирийских боевых колесниц, то они отличались такой же прямолинейностью, как и ассирийская мебель. От этого ассирийские колесницы (рис. 64) выглядят крепкими, прочными, но зато и более неуклюжими, чем те легкие и изящные колесницы, которые гораздо ранее доставлялись египтянам из Западной Азии.

Ассирийские колесницы, особенно ранней эпохи царства, были невысокими (рис. 64, А, Б). Кузов, толь-

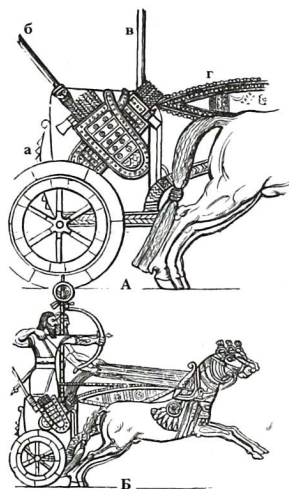

рис. 64

ко в редких случаях закругленный сверху, располагался непосредственно на оси, как у египетских колесниц.

Колеса, укрепленные на осях металлическими чеками, доходили только до половины кузова; они делались обыкновенно с шестью спицами. Ободья их были широкими и толстыми и состояли из четырех или даже шести частей.

Дышло прикреплялось к середине оси, на его конец при помощи стержня надевалось деревянное ярмо, всегда парное. От кузова к свободному концу дышла тянулась широкая полоса ткани или кожи, обыкновенно украшенная изображениями солнца, луны и звезд и т. п. (рис. 64, А, г; Б). Какое практическое назначение имела эта полоса — неизвестно; судя по эмблемам на ней, можно полагать, что она была украшением, имевшим, может быть, какое-нибудь символическое значение.

Края кузова обкладывались металлическими ободами, а иногда и сам кузов обивали металлическими бляхами в форме розеток, звезд и т. п. К бокам кузова симметрично прикреплялась арматура из богато отделанных колчанов и футляров для секир и копий (рис. 64, а, б). К задней части колесницы, откуда на нее поднимались, подвешивался в качестве дверцы круглый ассирийский щит, усаженный коническими бляхами (рис. 64, А, а).

Впоследствии устройство колесниц несколько изменилось. Как видно из куюнджикских и хорсабадских барельефов, главное изменение состояло в увеличении объема колес, которые стали делать еще массивнее и прочнее (рис. 65, Г), чем прежде, и со скрепами на ободьях; число спиц было увеличено до восьми.

Высота кузова была также значительно увеличена; узорчатая полоса ткани, соединявшая перед кузова с концом дышла, была заменена толстым металлическим прутком (рис. 65, Г, д). Дышло тоже упростилось, и от прежней арматуры по бокам кузова остался один колчан, который вертикально прикреплялся к передку колесницы, а сам кузов получил более красивую и богатую отделку.

Так же, даже еще богаче, отделялись небольшие колесницы, служившие ассирийским царям для обыкновенных выездов. Они имели вид поставленного на колеса кресла (рис. 65, Д). Дышло и ярмо были у них резные, вожжи из пурпура (рис. 65 Д, з, ж).

Как уже говорилось, древнейшие боевые колесницы все были двуконными, в редких случаях в них припрягали третью лошадь. Но в более позднее время число лошадей, запрягавшихся в колесницы, доходило до четырех и даже до восьми.

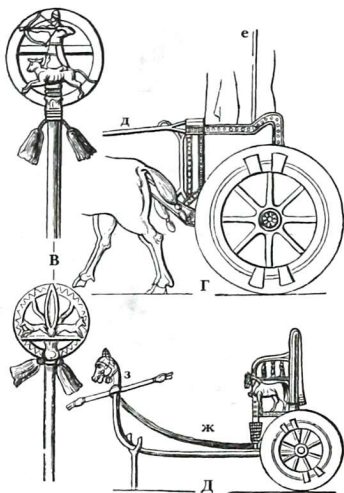

Рис. 65

Рис. 66

Ассирийская конская сбруя немногим отличалась от египетской и была чрезвычайно богата. В позднейшую эпоху она состояла из головного украшения, которое привязывали лошадям между ушами, из узды и нагрудника, которые выкладывались серебряным и золотым набором или вышивались жемчугом и обвешивались разноцветной бахромой и кистями (рис. 66).

Гривы своих красивых лошадей (упряжных и верховых) ассирийцы убирали различным образом: или расчесывали их гладко, или заплетали, или, наконец, подстригали коротко (щеткой); хвосты завязывали узлом или, свернув бантом, обвивали цветными лентами.

На каждой колеснице могли поместиться три человека, считая и возничего. Знатные воины брали с собой своих щитоносцев. Цари выезжали в сопровождении евнуха, обязанностью которого было держать над царем зонтик.

Лошади управлялись каждая двумя вожжами. Возничий, правивший ими, имел при себе короткий кнут, кнотовище которого оканчивалось резной звериной головой.

Начальники отдельных отрядов прикрепляли к передкам своих колесниц значки или штандарты этих отрядов. Это были круглые щиты с каким-нибудь изображением, утвержденные на высоких шестах и украшенные кистями (рис. 64, А, в; Б; рис. 65, В).

Кроме собственно боевых колесниц, при Синахерибе были введены для перевозки одновременно нескольких воинов большие повозки без кузова, поставленные на два высоких колеса с 12 спицами. На каждой такой повозке, запрягавшейся парой лошадей, помещались четыре воина и возничий.

Особые повозки разной величины, двухколесные и четырехколесные, служили для перевозки припасов и мелких осадных орудий: железных копий, ломов, лопат, лестниц, топоров и пр.

Большие осадные машины (изобретателями которых можно считать ассирийцев, так как их изображения впервые встречаются на ассирийских барельефах) имели вид подвижных башен и таранов, поставленных на колеса. Их подвозили к стенам осаждаемой крепости или просто по расчищенной и выровненной дороге, где это было возможно, или по покатоному каменному полотну, которое специально устраивалось для этой цели.

Тараны (рис. 67, б) обтягивались кожаными чехлами с металлической обивкой для защиты управлявших движениями машины. Подвижные башни (рис. 67, а) были обложены фашинами из хвороста. Высота их соответствовала высоте осаждаемых стен. Они разделялись на несколько этажей, на которые входили по лестницам.

На нижнем этаже помещали иногда стенобитное орудие в виде огромной булавы, повешенной между двумя полукруглыми крыльями, которая ударяла сверху вниз, а не горизонтально, т. е. разбивала стену, а не пробивала ее.

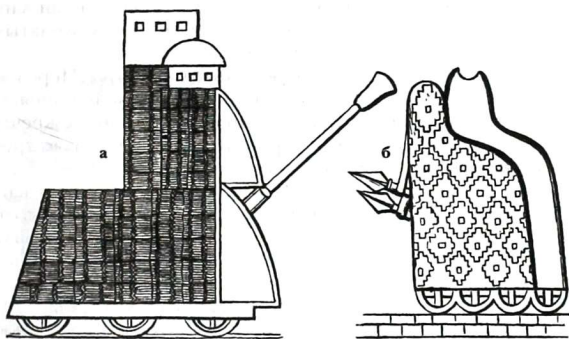

Рис. 67

Чтобы ослабить действие этих разрушительных орудий, осажденные бросали на них толстые бревна или закидывали цепи с крючьями, которыми срывали их с колес и опрокидывали. Чаще же всего они старались уничтожить их огнем, кидая в них горящие факелы. Последствия осады для побежденного города были ужасны: яркими красками описаны они в книге пророка Иезекииля (XXVI, 7).

Из культовых принадлежностей, употреблявшихся жрецами при религиозных обрядах, можно отметить предмет в виде плода, похожий на сосновую шишку, и четырехугольный сосуд с ручкой.

Сосуд этот, золотой или серебряный, был украшен символическими изображениями и орнаментами или отделан наподобие плетеной корзинки (рис. 38). Назначение этих предметов неизвестно, но по некоторым барельефам можно заключить, что сосуд служил, вероятно, для хранения люстральной воды, а «плод» употреблялся как кропило.

К культовым принадлежностям следует отнести богато украшенные кивоты и носилки, в которых выставлялись и выносились при религиозных процессиях кумиры, священные эмблемы и другие предметы.

Утварь, служившая для жертвоприношений, состояла из жертвенных ножей для заклания животных, чаш разной величины для принятия крови и возлияний, металлических кружек и кувшинов, бронзовых и золотых ложек, курильниц и, наконец, различного вида жертвенников.

О больших золотых жертвенных столах в капище Бела уже говорилось. На них стояли золотые и серебряные сосуды и курильницы (Диодор, II, 9). Были также жертвенники в виде четырехногого стола на пьедестале с чашеобразным углублением в верхней доске (рис. 62, г), жертвенники из цельного камня, сделанные наподобие круглого стола с тремя ножками, оканчивавшимися звериными лапами, а также похожие на четырехугольные тумбы с высоким зубчатым ободом наверху и уступчатым подножием.

На таких жертвенниках, вероятно, сжигали жертвы. Перед жертвенниками стояли предметы поклонения: изображения змея, солнца, луны — и чаши, в которых постоянно горел огонь. К жреческой утвари также следует причислить рога и трубы, в которые трубили при обрядах и для призыва мошельщиков.

По свидетельству Геродота (I, 183), кумиры, стоявшие в капище Бела в Вавилоне, были отлиты из золота и достигали в высоту 12 локтей. Ассирийцы и вавилоняне употребляли для изготовления своих идолов самые дорогие материалы: благородные металлы, слоновую кость, кипарисовое дерево. На это есть много указаний в книгах Ветхого Завета (Иерем., X, 3—5, 9; Ис., XLVI, 6).

Гигантский идол, 60 локтей в высоту и 6 локтей в ширину, поставленный Навуходоносором на поле Деиры, был сделан из золота (Даниил, III, 1). Такими же, по-видимому, были и статуи, которыми этот царь украсил свою новую столицу.

Рис. 68

Глава четвертая

МИДИАНЕ И ПЕРСЫ

Предварительные замечания

учные пастбища покрывали обширное мидийское плоскогорье, северный край которого опускался к Каспийскому морю лесистыми уступами и плодородными долинами. Эти места были, вероятно, уже с незапамятных времен заселены кочевыми племенами, пришедшими с востока — из Средней Азии.

Романтическая природа северо-западной окраины плоскогорья, где зелень лугов прерывается скалистыми обрывами, соляными озерами и нефтяными ключами, оказала живительное влияние на духовную жизнь пришлого населения.

Уже в первых упоминаниях о Мидии говорится как о государстве. Называют одного из ее царей — Фарноса, современника ассирийского царя Нина, и рассказывают о войне, которую они вели между собой и которая окончилась покорением Мидии Ассирией. Только с 700 г. до н. э., когда мидянам удалось избавиться от чужеземного господства, они становятся самостоятельным народом.

Царем Мидии был в то время Дейок. Избранный в цари всем народом, он строгими мерами подавил внутренние смуты, грозившие разрастись в анархию, мощными укреплениями обезопасил границы государства от внешних врагов и возвратил мидийскому трону его прежний блеск.

В течение своего пятидесятилетнего царствования он успел сделать Мидию настолько сильной и независимой, что его сын и преемник Фраорт (Фравартиш) мог уже отважиться на завоевание лежавших на восток от Мидии персидских земель, населенных различными племенами, которые он покорил.

Наконец, при царе Киаксаре, после падения Ассирийского царства и в союзе с вновь образовавшимся Нововавилонским царством, Мидия достигает вершины своего могущества и разделяет со своим союзником господство над всей Ближней Азией.

В этот период на сцену истории выступают персы. Живя в гористой стране с суровым климатом, этот народ сохранил свою первобытную силу, в противоположность изнеженным мидянам.

Голые скалы, отвесными обрывами спускавшиеся на бесплодные равнины Парфии и Мидии и отделявшие персидские земли на севере, крутые, почти неприступные горы на западе и жаркое песчаное побережье на юге, предопределили характер жившего среди них народа.

Культура могла развиваться лишь на сравнительно небольшом пространстве внутри страны — в богатых водой и растительностью глубоких горных долинах. Но и самая большая из этих долин — Ширазская, в которой как будто сосредоточилось все растительное богатство Персии, была слишком мала, чтобы вместить все население страны.

Персы являлись ветвью арийского племени. Заняв описанную страну как кочевой пастушеский народ, они разделились на кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев.

Большинство населения осталось кочевым и образовало низший слой, над которым поднялось оседлое меньшинство. Из представителей этой группы впоследствии выделилась персидская знать.

Рис. 69

Знаменитейшим был род Ахеменидов, которому сами мидийские цари предоставляли управление страной, обеспечивая себе безопасность от нападения заложниками из членов этого рода. Таким заложником был взят к мидийскому двору и воспитан при нем Кир (Куруш), сын сатрапа Камбиза из рода Ахеменидов (рис. 70).

Познакомившись со слабостями мидийского двора и царя Астиага, Кир задумал освободить свое отечество от мидийского господства. Склонив персов к восстанию, он при их помощи низложил Астиага и объявил себя царем Мидии и Персии (ок. 550 г. до н. э.).

Затем Кир пошел войной на западные земли: он покорил северо-западные области Азии вместе с побережьем Средиземного моря, занял Сирию и наконец завоевал едва окрепшее Нововавилонское царство, где позволил плененным иудеям возвратиться в свое отечество (около 538 г. до н. э.). Овладев всей Ближней Азией, он достиг Кавказа, а на востоке — берегов Яксарта.

Преемник Кира, его сын Камбиз (Кабийя), по восхождению на персидский престол начал войну с Египтом, первоначально удачную. Однако поход в Эфиопию завершился провалом, которому способствовало восстание магов, вспыхнувшее в Персидском царстве. Это заставило Камбиза ускорить возвращение на родину, во время которого он и умер.

Верховной властью в огромном персидском царстве завладел Дарий (Дарьявуш), сын наместника Гистаспа (Ваштаена). Хитрый и решительный, он сумел вновь подчинить отделившиеся было области и страхом удержал их в повиновении. Затем он задумал покорить кочевые племена, жившие по другую сторону Черного моря.

Напасть на них он решил с юга, т. е. со стороны моря, и потому, собрав огромное войско, часть его посадил на суда, а остальных переправил через Босфор по огромному плавучему мосту, который велел построить для того, чтобы не терять времени на медленную переправу по воде. Несчастный исход этого похода не заставил Дария отказаться от дальнейших предприятий. Он собрал новое войско и направился с ним на восток.

Рис. 70

Одержанные здесь победы позволили присоединить к его царству обширные области. Обеспечив внутреннюю стабильность государственного устройства учреждением сатрапий в провинциях и центрального управления при своем дворе, Дарий после второго, также неудачного, похода против Греции умер (рис. 71, гробница Дария).

Грозное могущество Персии пошатнулось. Наследником Дария стал его сын Ксеркс. Он попытался выполнить то, что не удалось его отцу — завоевать Грецию. С многочисленным войском, набранным из всех подвластных народов, он ступил на греческую землю. Но его армия не устояла против нравственного превосходства тех, кому она угрожала.

Ксеркс, не обладая твердостью характера своего отца, пал духом после крушения своих честолюбивых замыслов и посвятил себя чувственным наслаждениям и роскошной жизни. Примеру его последовали придворные, как высшие, так и низшие. Монархией, созданной Дарием, стали править сатрапы, пока наконец сам царь не пал жертвой мелкой дворцовой интриги.

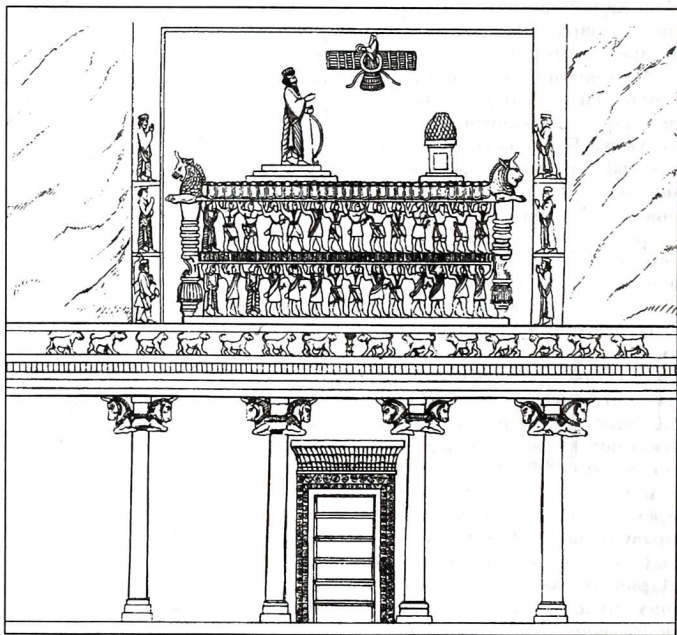

Рис. 71

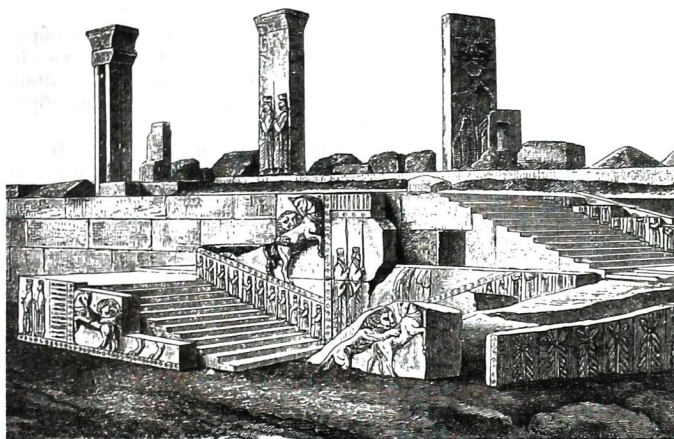

Рис. 72

На престол был возведен его сын — Артаксеркс I (Лонгиман), который не смог воспрепятствовать отпадению малоазиатских приморских городов. Дарей II (Дарий Нот) вынужден был заключить союзы с западными соседями и набрать в свое войско наемных солдат.

Слабые проблески былого величия обнаружились в ходе правления следующих царей: Артаксеркса II (Мемнона) и Артаксеркса III (Оха). Победы Александра Македонского над Дарием III (Кодома-ном) при Иссе и Арбелах положили конец персидскому владычеству (между 336—330 гг. до н. э.).

До нас дошло немного памятников древнеперсидского искусства: это развалины зданий, группами рассеянные по холмистым равнинам Персии.

Крупнейшие среди них — остатки древнеперсидских царских резиденций: Пасаргады и Персеполь. Развалины Персеполя особенно важны. Как и развалины древнеассирийских дворцов, они покрыты барельефами, представляющими разнообразные картины древнеперсидского быта (рис. 72).

Еще беднее памятниками древнемидийские земли. Только в северной их части были сделаны немногие находки. Но так как, по свидетельству древних авторов, персы заимствовали свои обычаи и культуру у мидян, — персидские памятники могут восполнить недостаток мидийских.

Одежда

Манера, в которой выполнены персидские скульптурные изображения, представляет своеобразное смешение различных стилей. Например, рельефное изображение на столбе старинного дворца в Пасаргадах, известное под названием портрета Кира, своей обработкой напоминает ассирийскую манеру.

Рис. 73

Наряд этой фигуры (рис. 73), соединяющий в себе отдельные части ассирийской и египетской одежды, указывает на близкие отношения персов с этими двумя народами.

В целом стиль фигур на персидских памятниках представляется чем-то средним между ассирийским и египетским стилями. Здесь нет ни свойственной первому манерности и неуклюжей условности, ни схематичности и безжизненности египетских фигур. Если в персидских скульптурах и заметно некоторое однообразие форм, то это — результат умения и способностей художников, а не следствие подчинения установленной норме.

Все уцелевшие древнеперсидские барельефы были созданы, подобно ассирийским и египетским, чтобы служить архитектурными украшениями, и содержание их составляли придворные церемонии и торжества.

Это создавало для художника определенные рамки, за пределы которых он не должен был выходить: с одной стороны, ему необходимо было исходить из размеров и форм той части здания, для которой барельеф предназначался, и потому размещать на нем фигуры и группы по возможности симметрично; с другой стороны, он должен был выдержать в изображаемой сцене тот спокойный и размеренный тон, который господствовал при персидском дворе.

Персидская манера представляет собой как бы переход от ремесленного исполнения к художественному. В ней впервые появляется осознанное изображение складок одежды и стремление к их пластической отделке.

На барельефе, изображающем Кира, одежда обтянута вокруг фигуры совершенно гладко, как на ассирийских фигурах; но на памятниках Пасаргад уже видна попытка обозначить контуры тела складками одежды. Это особенно заметно на фигурах, представленных в движении, как, например, на символических фигурах царей, побеж-

дающих диких животных; в то же время на фигурах неподвижных или размеренно движущихся людей складки изображены примитивно и повторяются почти в симметричном порядке.

Такое расположение складок обуславливалось, вероятно, самим покроем широкой парадной одежды, который был установлен церемониалом и не мог быть изменен ни в действительности, ни тем более на скульптурах.

Возможно даже, что персидские скульпторы позволяли себе лишь намечать складки, ограничиваясь отделкой главных форм фигур, а дальнейшую отделку деталей и украшений оставляли живописцам, так как по найденным на некоторых развалинах следам стенописи можно с достоверностью заключить, что персидские барельефы и здания были расписаны разными цветами, как и ассирийские, и египетские.

Добыв в победоносных войнах с соседними народами огромные богатства и завоевав земли, в которых уже целые тысячелетия процветали ремесла и торговля, персы открыли для себя всевозможные предметы роскоши и вскоре сменили свою прежнюю простую одежду на пестрые наряды побежденных ими народов.

Первоначально одежда древних персов вполне соответствовала климату страны и их занятиям охотой и скотоводством. Они носили плащи из звериных шкур и такими же шкурами оборачивали себе ноги. Некоторые племена, которых не коснулось чужеземное влияние, сохранили эту одежду до самого конца Персидского царства. Такие же, но выделанные шкуры служили материалом и для собственно национальной одежды персов, которая полностью покрывала все тело.

Согласно свидетельствам, древнеперсидская мужская одежда состояла из кожаных штанов, такого же кафтана с поясом, простой кожаной шапки и кожаной же обуви (Геродот, I, 71; III, 12). После покорения Мидии Кир ввел при своем дворе вместе с мидийским придворным церемониалом и мидийский костюм, который стал с тех пор официальным. Цари одаряли им своих любимцев, он служил отличием у придворных как между собой, так и от простых граждан.

Последние продолжали одеваться в простое кожаное платье, которое носили также и некоторые из низших придворных чинов

Рис. 74

Рис. 75

(рис. 74, б). Но так как, по свидетельству Геродота (I, 135), ни один народ не был столь склонен перенимать чужеземные нравы, как персы, то цари их не довольствовались перенесением к себе только мидийских обычаев и костюма, а заимствовали понемногу и у других западных и восточных народов то, что наиболее отвечало их склонности к внешнему блеску.

Как у жителей Малой Азии, лидийцев и фригийцев, так и у богатых ассирийцев и вавилонян и даже у северо-восточных племен они перенимали некоторые особенности костюма и дополняли ими одежду представителей низших классов.

Таким образом, старинное кожаное платье мало-помалу вытеснялось платьем такого же покроя из мягкой шерстяной материи; прежняя простая шапка была заменена головным убором, напоминавшим фригийский колпак, а вместо узких кожаных штанов стали носить шаровары, которые заправлялись в высокие сапоги (рис. 74, а) — костюм, по видимому, северо-восточного происхождения.

Мидийская одежда, как и древнеперсидская, покрывала все тело, но была широкая и длинная, так что «совершенно скрывала все недостатки роста». Ее дополняли богато украшенный головной убор, такие же башмаки и, как утверждают позднейшие авторы (Страбон, XI, 13), накидка, похожая на плащ, и штаны.

Впрочем, Страбон мог спутать мидийский костюм с персидским или описывать костюм позднейшего времени. Тонкие ткани, из которых изготовлялась мидийская одежда, большей частью шерстяные и даже шелковые, и цвет этих тканей — пурпурный и темно-красный, — вероятно, также способствовали принятию ее персидскими царями.

На персидских памятниках мидийский костюм представлен так же, как описывали его названные авторы. Это был широкий кафтан с очень широкими рукавами и до того длинными полами, что для свободы движений их высоко подбирали с боков или спереди и сза-

ди, и подпоясывали, отчего полы кафтана складывались в продольные и косые складки. Эти-то складки персидские скульпторы и старались в точности воспроизвести на своих фигурах в виде симметричных линий.

Складки на рукавах скульптурных фигур следует, без сомнения, объяснить условным приемом, которому скульпторы обязаны были подчиняться. Там, где этот прием не был обязателен, они больше придерживались действительности (рис. 75, б).

Приближенные царя — члены царствующей династии и других знатных родов — и высшие придворные чины носили со времен Кира мидийскую одежду.

Низшие придворные чиновники: хранитель царских одежд, лекари, изготовители мазей, конюшие, ловчие, хлебодары и прочие одевались в национальный персидский костюм и снимали его только в том случае, когда царь, в награду за службу или в знак своего особого благоволения, жаловал им мидийскую одежду.

Знатные придворные, как принадлежавшие к царствующей династии, так и равные им по сану «нареченные родственники царя», отличались не только пурпурным цветом своих мидийских одежд, но и имели право носить на головном уборе такую же белую с голубым повязку, какую носили цари. Этот разряд вельмож занимал все почетнейшие должности при дворе.

Затем следовали должности носителя царского зонтика, опахала, посоха, смотрителя царского гарема (эту должность занимали евнухи) и ближайшая личная прислуга царя. Лица, выполнявшие эти должности, носили также мидийскую придворную одежду, однако не пурпурную.

Кроме богато отделанных атрибутов должностей — зонтиков, опахал

Рис. 76

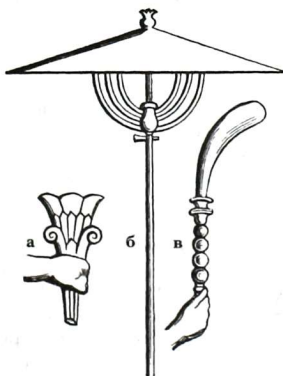

Рис. 77

и пр. (рис. 77 б, в), знаками отличия служили золотые цепи, браслеты, дорогое оружие, богатые мидийские ботинки (рис. 76, д) и плоские, вышитые золотом шапки (рис. 76, в, г).

В Персии было принято носить при дворе оружие и даже появляться вооруженным в присутствии царя. Но из благоговения к царскому сану полагалось закрывать руки рукавами одежды. С царем нельзя было говорить иначе, как прикрывая рот рукой, для того чтобы дыхание говорящего не могло коснуться царя. Приближенные царя постоянно носили на голове капюшоны, закрывавшие им рот (рис. 75, а, б).

Рис. 78

Мидийская придворная одежда была принята персидскими царями с целью придать царскому сану в глазах народа большую значимость, поэтому нельзя было обойтись без каких-нибудь особенных внешних примет, которые отличали бы их от придворных и были бы принадлежностью исключительно царского сана. Такие внешние знаки царского сана были введены Киром и перешли к его потомкам, подвергнувшись с течением времени некоторым изменениям.

Церемониальное одеяние персидских царей было так великолепно, что даже Александр Македонский сменил на него свою простую одежду (Диодор, XVII, 77). Оно состояло из пурпурного нижнего одеяния, во всю длину которого, от шеи до подола, тянулась широкая белая полоса, из пурпурной верхней одежды, накидывавшейся, как плащ; из штанов ярко-красного цвета, богато украшенных башмаков на толстой подошве для увеличения роста и из высокой шапки (митры).

Драгоценные украшения — ожерелья, браслеты и пр. — дополняли этот наряд, стоимость которого доходила до 12 000 талантов.

В таком облачении, с золотым скипетром в виде посоха в руках (рис. 79) и с завитой по ассирийской моде бородой, персидский царь являлся на торжественных выходах в сопровождении зонтиконосцев, опахалосцев, своего придворного штата и телохранителей.

Наглядное объяснение некоторых частей царской одежды дает найденная в Помпее мозаика (рис. 78).

В числе представленных на ней лиц персидского царя легко узнать по мантии (кандис) у него на плечах и по пурпурному цвету его кафтана с белой полосой на груди (рис. 78, а).

Другое отличие царской одежды от придворной (ср. рис. 78, д) заключалось в том, что первая была покрыта вышитыми золотом изображениями соколов и ястребов — птиц, посвященных Ормузду. Иногда собственно царские отличия жаловались высшим сановникам. Свидетельства об этом есть в книге Эсфири (VIII, 15), где сказано, что «Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета, и в большом золотом венце, и в мантии висонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался».

Под цвет верхней одежде, но несколько ярче, были и штаны (рис. 78, д). Эта часть одежды сохранила свои первоначальные цвет и форму до самого конца персидского царства.

Цвет башмаков, напротив, изменялся, некоторые древние авторы сообщают, что башмаки окрашивали иногда в шафранный цвет (Эсхил, Персы, 650). Элиан (IV, 46) свидетельствует, что с тех пор, как персидские цари приобрели владения в Индии, они стали одеваться в драгоценные индийские ткани «удивительного блеска».

Это были, вероятно, некрашенные хлопчатобумажные ткани. Диодор (XVII, 77) рассказывает об Александре Македонском, что тот возложил на себя персидскую головную повязку и блестящую белую одежду с поясом и другими украшениями, но длинных штанов и широкой мантии надеть не захотел; приближенных же своих он одарил одеждами, отороченными пурпуром.

Чаще всего изменялась форма и отделка головного убора персидских царей. Кир носил высокую тиару с диадемой — головной убор, очень похожий на ассирийскую царскую шапку позднейшего времени, такую, какой мы ее знаем по памятникам Хорсабада (рис. 27, з) и Куюнджика (рис. 26, а).

Рис. 79

Другим головным убором, введенным Дарием, а может быть, уже и Киром, был кидар — высокая, заостренная сверху стоячая шапка, обвитая по спирали белой с пурпуром или с голубым лентой.

Оба этих головных убора сохранили форму высокого твердого клобука с золотыми полосами и лентами до позднейшего времени. Еще Димитрий Полиоркет носил подобный клобук, обвитый золототкаными лентами, концы которых спускались по спине.

Обыкновенный, не церемониальный костюм персидских царей был таким же, как и у других высших сановников, — мидийское нижнее и широкое распашное верхнее одеяние (рис. 79) с широкими рукавами, которые можно было закидывать за плечи и затыкать за пояс (рис. 81), чтобы иметь руки свободными, например, на охоте или в сражении.

Рис. 80

Персидские цари, как и ассирийские, любили охоту, нередко связанную с опасностями, и потому требовавшую почти военных приготовлений.

Всякий участвовавший в царской охоте (а число участников бывало часто громадно) должен был вооружиться, кроме лука со стрелами, двумя рогатинами, мечом или топором и круглым ручным щитом.

Охотники разделялись на всадников и пеших. Царь, окруженный своими телохранителями, всегда охотился верхом; но иногда, чтобы показать свою силу и смелость, сходил с коня и шел на зверя, вооружившись щитом и мечом.

Одолеть зверя считалось для него славным подвигом — так было, по крайней мере, в эпоху расцвета персидского царства. Даже Дарий Гистасп счел достойным объявить в сво-

ей надгробной надписи, что «он был лучшим ездоком и стрелком и всегда первым в схватке с зверем на охоте» (Страбон, XV, 3).

Охотничьи подвиги персидских царей представляют содержание многих барельефов, открытых в Персеполе (рис. 94).

На некоторых из них царь представлен в длинной рубашке без рукавов (рис. 80, рис. 88), которая была, по-видимому, старинной формой мидийской нижней одежды и употреблялась во время охоты, потому что оставляла руки охотника совершенно свободными.

Внутреннее устройство персидского государства, настоящим основателем которого следует считать Дария (Геродот, III, 89), было основано на разделении его на сатрапии и сосредоточении управле-

ния в одном центральном правительственном учреждении, во главе которого стоял сам царь. У каждого сатрапа был свой придворный штат, в точности скопированный с царского и не менее пышный, с такими же придворными должностями и чинами.

За этими сановниками, главным делом которых было собирать подати и пользоваться своими «кормлениями», следовали чиновники, чьей обязанностью было охранять безопасность царя посредством тайного надзора над всем, что происходило в государстве, преимущественно над политическими интригами сатрапов.

Чиновники эти были известны как «глаза» и «уши» царя и, разумеется, не имели никаких внешних знаков отличия своей должности. Чиновники исполнительной полиции, почтового управления, введенного Дарием, сборщики налогов и т. д. выполняли свои обязанности открыто. Этим рядам были присвоены внешние отличия, состоявшие из почетных подарков — мидийской одежды, оружия, украшений и т. п., которые они получали от сатрапов, а иногда и от самого царя.

Награды такого рода, пожалованные высшей властью за заслуги, способствовали распространению в обществе склонности к нарядам и дорогим украшениям.

О том, как быстро и до какой степени развилась эта склонность в высших слоях персидского общества, свидетельствуют рассказы древних авторов о средствах, к которым прибегали персы для украшения своей внешности. По их словам, ассиро-мидийский обычай чернить себе брови и румяниться был перенесен в Персию вместе с ассиро-мидийской прической волос и бороды (Ксенофонт, Киропед., I, 3; VIII, 1, 8).

Последнее обстоятельство подтверждается и скульптурными изображениями, хотя на них только один царь изображается с длинной бородой, у придворных же и у воинов бороды подстрижены. Парики и накладные бороды древним персам были известны, как и египтянам, ассирийцам и мидянам.

Забота персов о красоте бороды доходила до того, что, по некоторым источникам, в позднейшую эпоху царства у них вошло в обычай надевать на бороду футляры или чехлы.

Драгоценные украшения состояли преимущественно из тяжелых золотых цепей или ожерелий, браслетов, кольцеобразных золотых серег (рис. 75, в), колец и перстней. Перстни употреблялись вместо печатей.

Рис. 81

Вооружение

Организация персидской армии была начата Киром и доведена до совершенства при Дарии.

Меры, принятые Киром по устройству войска, заключались, в-первых, в том, что он образовал в нем конные полки — это вызвало особое удивление современников из-за малочисленности лошадей в Персии; заменил прежние легкие военные колесницы более прочными, а воинов, сражавшихся на них, одел в крепкие панцири. Кир также приписываются организация отряда всадников на верблюдах для войны с лидийцами и введение осадных машин (Геродот, I, 80; Ксенофонт, Киропед., VI, 1, 2; VII, 2, 4, 5).

Все эти нововведения были заимствованы Киром у соседних народов и пришлось Дарию как нельзя кстати. Если постоянное увеличение персидских владений уже Кира вынуждало оставлять в завоеванных землях часть армии под руководством особого военачальника, то при Дарии такая мера стала еще более необходимой. Это свидетельствовало о потребности в правильно организованной постоянной армии.

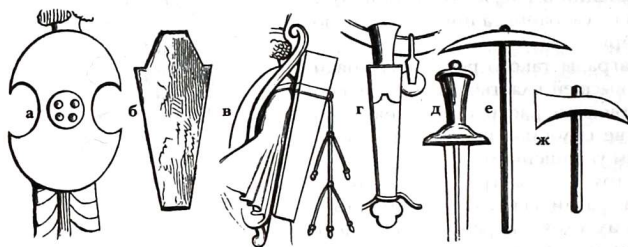

Рис. 82

Обычное прежде произвольное деление войска на массы было заменено разделением его на количественно равные части. Вместе с этим было усовершенствовано и оружие, а каждому виду его определено соответствующее назначение.

Оружие персов в период их кочевой и пастушеской жизни было очень простым. Некоторые племена не знали другого оружия, кроме коротких ножей и длинных арканов. Племя сагартвов не пользовалось ничем иным и в позднейший период (Геродот, VII, 86). У более развитых племен главным оружием были лук со стрелами и копье.

При Кире были введены длинные и короткие мечи. Ему же приписывают, кроме вооружения латами воинов, сражавшихся с колесниц, организацию отрядов тяжеловооруженной конницы, в кото-

рой люди были одеты в тяжелые латы, а лошади защищены металлическими нагрудниками и бляхами (Геродот, VII, 85, VIII, 113; Ксенофонт, Анабас., 1, 8; Киропед., VI, 1, 4, VII, 1, VIII, 8).

Вооружение это было перенято Киром у покоренных им мидян и ассирийцев, а частью и у других народов. Так, например, у египтян был заимствован известный им с древнейших времен холщовый панцирь.

В священных книгах персов необходимым для каждого воина вооружением считаются панцирь со шлемом, поножами и поясом, щит, лук с 30 стрелами, праща с таким же числом камней для бросания, нож (кинжал или меч), палица и копье.

На персидских барельефах встречается особенный по своей форме щит. Своим видом, напоминающим скрипку, он похож на позднейший, так называемый беотийский щит. Он составлял около 3 футов в высоту, вероятно, делался из дерева и покрывался кожей с металлической бляхой посередине (рис. 82, а).

Такие щиты были присвоены только отряду царских телохранителей, а войско было вооружено ассирийскими большими плетеными или металлическими и кожаными круглыми щитами.

На помпейской мозаике персидские воины вооружены круглыми щитами. О щитах ромбовидной формы, принятых в персидском войске в позднейшее время, упоминается у Страбона (XV, 3). Эта форма щита встречается на барельефе, высеченном на скале близ Бавиана (рис. 82, б).

Голову персы обычно покрывали кожаной шапкой (рис. 83, а, б), к ношению которой они приучались с ранних лет. Этим обычаем часто объясняли относительную слабость черепа у персов, по сравнению с другими народами (Геродот, III, 12).

Некоторые отряды носили стоячую асиро-мидийскую тиару (клобук), другие — описанную выше, загнутую вперед фригийскую шапку, которая закрывала затылок вместе с ушами и завязывалась под подбо-

Рис. 83

Рис. 84

родком. Она называлась «кирбозиа» — это название давали также и обыкновенному клобуку.

Для защиты от ветра и пыли, поверх шапки или под нее, повязывали платок так, чтобы он закрывал рот и шею (рис. 78, а—б).

Шлемы носили лишь тяжеловооруженные воины. Полководцы тоже надевали их со своим ассирио-мидийским вооружением. Шлемы были железные или медные, у знатных особ — покрытые позолотой и украшенные пучком перьев или белых конских волос.

Конники, составлявшие ближайшую свиту царя, были одеты в египетские холщовые или ассирийские чешуйчатые панцири, с такими же наручниками и поножами, и в металлические шишаки. Лошади их были то-

же покрыты латами, защищавшими лоб, грудь и круп.

Вооружение пеших телохранителей царя было подобно описанному, но легче его. Простые воины одевались в обыкновенное персидское кожаное платье, иногда раскрашенное под чешую.

Главное наступательное оружие — копье и лук — не подвергалось никаким изменениям. Копье, древко которого делалось обычно из твердого дерева, было около 7 футов в длину и приспособлено для удара рукой и для метания (рис. 83, а—г).

Впоследствии были введены более длинные копья, по образцу тех лидийских и позднеегипетских копий, длина которых обратила на себя особенное внимание Геродота (I, 79) и Ксенофонта (Киропед., VII, 1). То, что эти длинные копья стали массово употребляться в персидском войске, подтверждается одной из помпейских мозаик. На ней представлена также разновидность копья, усаженного шипами, вероятно — персидский дротик (рис. 78, е).

Лук оставался всегда главным оружием персов и постоянным их спутником. Вооруженный луком перс являлся даже к царскому двору. Кир придавал большое значение тому, чтобы его воины постоянно упражнялись в стрельбе из лука. Необыкновенное искусство персидских лучников даже вошло в поговорку у греков (Эсхил, Персы, 26—28, 239, 926).

Обыкновенный персидский лук был деревянным или скручивался из жил животных (рис. 78, а), длиной от полутора до трех футов. Носили его, просто повесив на плечо (рис. 82, в), или в чехле, который привешивался к поясу с левой стороны (рис. 83, а, б).

Лук царя носили за ним в богатом футляре. Несмотря на его величину и ценность, он не мог сравниться в упругости с эфиопским

луком, натянуть который были не в силах даже персидские воины (Геродот, III, 21).

Стрелы хранились в одном чехле с луком или в особом колчане, который вешали на ремне через плечо. К колчану — как можно судить по его изображениям — прикреплялся кнут или плетка с несколькими хвостами (рис. 82, в; рис. 83, а). Стрелы делались из тростника, а наконечники их — из бронзы или железа. С тупого конца они были легко оперены.

Кроме копий, персы со времен Кира сражались ассирийскими булавами, ассирийскими секирами и топорами. Топоры с двумя лезвиями, на манер ассирийских (рис. 37, е), считались главным оружием саков (Геродот, VII, 64).

Двухконечные молотки на коротких и длинных рукоятях (рис. 82, е, ж) также употреблялись как оружие рукопашного боя. Мечи и кинжалы служили не только боевым оружием, но и украшением народа знатных персов.

Обыкновенный солдатский меч был около фута длиной. Его прямой и широкий клинок с двумя лезвиями был больше приспособлен к горизонтальному, чем к вертикальному удару. Меч носили на ремне с правой стороны (рис. 82, г, д). Вероятно, в ходу были также и кривые ножи; такого рода оружием мог быть упоминаемый древними писателями копис.

Золотые мидийские сабли, которые знатные персы надевали, отправляясь на войну, а в мирное время позволяли носить за собой слуге, были слегка изогнуты, наподобие некоторых ассирийских мечей (рис. 37, к).

Прямые мечи были введены только при последнем Дарии, который взял за образец македонский меч. По отделке они ничем не уступали мидийским саблям, им удивлялись даже греки и считали их лучшей военной добычей (Геродот, XI, 80).

В битве при Иссе Дарий III сражался мечом, усыпанным драгоценными камнями, ножны которого висели на серебряной перевязи. Не менее драгоценен был, без сомнения, и меч Камбиза, послуживший причиной его смерти: золотая обшивка ножен лопнула и обнажившийся конец меча ранил царя.

Пращи и арканы персы оставляли служившим в их войске вспомогательным отрядам сагартийцев и других полудиких народов. Сами персы считали такого рода оружие недостойным свободного воина.

Рис. 85

Рис. 86

Главное знамя персидских войск было украшено золотым изображением орла, военного знака рода Ахеменидов, — птицы, признанной религиозными книгами персов священной. Кроме главного знамени, которое в походах всегда несли впереди войска, каждый отдельный отряд имел свое особое знамя, также украшенное каким-нибудь символическим изображением.

Передвижения войск во время похода и во время битвы подчинялись сигналам рогов и труб. Трубами, например, подавали сигнал ко вступлению в битву, начинать которую до восхода солнца персам запрещала религия.

Состав и деление персидского войска

Персидское войско состояло из пехоты, конницы и колесничных войск (т. е. ратников, сражавшихся с колесницей). Каждая из этих частей делилась на легковооруженных и тяжеловооруженных воинов, а все войско — на полки, отряды и сотни.

Полк состоял из 100 00 человек, отряд — из 1000 человек, или 10 сотен. Соответственно этому делению предводители разных подразделений назывались начальниками полков, начальниками отрядов и начальниками сотен.

Легкая конница была одета в холщовые панцири, в легкую чешуйчатую броню и вооружена луками, мечами и щитами. Тяжелая конница носила латы, покрывавшие все тело воина, и, кроме луков, мечей и щитов, была вооружена длинными копьями.

Лошади этих воинов тоже были покрыты тяжелой броней. Усиление конницы, особенно со времен Дария, постепенно вытеснило в персидском войске боевые колесницы, так что они наконец превратились в почетную принадлежность царского сана и звания главнокомандующего войсками.

Таким образом, главную силу персидского войска, его ядро, составляли конные полки, которым пехотные войска служили как бы дополнением. Легкая пехота была вооружена мечами, щитами, луками и копьями и одета в легкие панцири, тяжелая — саблями, топорами и секирами и носила тяжелые доспехи. К легковооруженным принадлежали и пращники.

Одежда знатных всадников, составлявших отборную часть войска, была чрезвычайно богата и только немногим отличалась от царского одяния. Как и царская, она состояла из богато вышитых штанов, разноцветного на белой подкладке кафтана, доходившего до колен, плаща, голубого или синего летом и узорчатого зимой, и наконец, башмаков (ср. рис. 79—80).

Дорогие украшения делали этот наряд еще более пышным. Всадники надевали его поверх вооружения и частично под него. Эсхил (Персы, 9) называет воинов Ксеркса «блистающими золотом», а Кимону при помощи одежды персидских пленников удалось перехитрить союзников Греции. Утверждали даже, что жители Эгины разбогатели, скупив после битвы при Платее у простодушных илотов все доставшиеся им в добычу персидские наряды и украшения (Геродот, IX, 30).

Самую привилегированную часть персидского войска составляла царская стража. Она была создана Киrom по мидийскому образцу и увеличена его преемниками.

Составляя почти 10-ю часть всего постоянного войска, она включала в себя 2000 отборных всадников, 2000 пеших копейщиков и 10 000 пеших воинов, которые носили звание «бесмертных» и всюду сопровождали царя.

Копейщики были одеты частично в мидийский, частично в персидский костюмы и вооружены копьями, тупые концы которых оканчивались серебряными или золотыми шарами; у 9000 «бесмертных» на копьях были насажены серебряные, а у остальной тысячи — золотые гранаты (рис. 83, а—г). У некоторых вместо копий были короткие золотые посохи.

За исключением перечисленных организованных частей персидского войска, его остальная масса, набиравшаяся перед войной из всех областей царства, представляла пеструю смесь племен.

Созванные на войну беспорядочные толпы вооруженного народа шли до самых границ неприятельской земли, и только достигнув их, разделялись на полки и отряды.

Рис. 87

Обоз обычно посылали впереди войска. О его величине можно судить по тому, что с ним отправлялось не только множество ремесленников разного рода для починки оружия, одежды и прочего, тогда как в старину это было обязанностью самих воинов, но и целые толпы женщин.

Склонность к чувственным наслаждениям постепенно ослабила воинскую доблесть персов. Седла превратились в мягкие подушки, и воины начали носить перчатки из дорогого меха. Чувствуя собственное бессилие, персы завели у себя наемные войска, предпочитая посылать сражаться других, чем самим подвергаться опасностям войны.

Рис. 88

Чем слабее чувствовали себя персы, тем с большей жестокостью обращались они со своими военнопленными. Они переняли ассирийские обычаи водить пленных на веревках, привязанных к кольцу, продемому сквозь губы. Но этот обычай восходит к более раннему времени.

В позднейшее время обычной карой для пленных было увечье: выкалывание глаз, лишение носа, ушей, рук, ног и т. д. Пленных, обреченных на смерть, обезглавливали, сажали на кол, сжигали, распинали, сдирали с них кожу или зарывали живыми в землю. При последних царях ввели новые виды смертной казни: медленное раздавливание черепа, последовательное отрезание конечностей и прочие.

Корпорация магов, учрежденная, видимо, еще Киром, который мог заимствовать ее у мидян, была органом высшей жреческой власти не только при дворе персидских царей, но и во всем персидском царстве. Маги занимали при царе — по отношению к ним он выступал как представитель высшего божества Ормузда (рис. 87) — важнейшие почетные должности. Они следили за жертвоприношениями, которые царь был обязан совершать ежедневно в честь Огня и Солнца, в их руках сосредоточивалась исполнительная и судебная власть, они же составляли государственный совет.

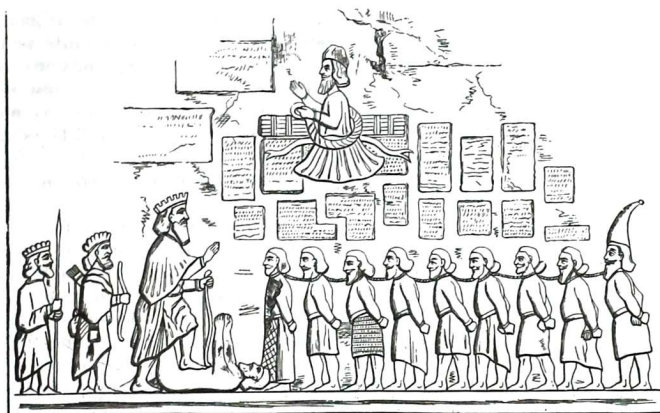

Рис. 89

Внутреннее управление корпорации соответствовало ее политическому значению, так как на ней лежала обязанность обеспечивать все царство жрецами и, следовательно, заботиться об их образовании. Замкнутость корпорации давала возможность ей становиться в оппозицию к светской власти, что и случилось в царствование Камбиза. Это повлекло за собой преобразование корпорации магов, дополнение священных догм положениями из учения Зороастра (Заратустры) и, в конце концов, утрату корпорацией своего бывшего могущества и влияния (рис. 89).

Члены корпорации магов разделялись на совершенных наставников (дестур-мобед), наставников (мобед) и учеников (гербед). Представители всех трех степеней носили «священный пояс» («кости») и, по крайней мере в древнейшую эпоху, широкую мидийскую одежду.

По свидетельству позднейших писателей, маги при отправлении своих обязанностей одевались только в белое, без всяких украшений, и ходили с тростниковыми посохами, а их слуги, особенно при процессиях в честь священного огня, были одеты в пурпурные одежды. Из этого можно заключить, что костюм магов мало отличался от костюма ассирийских жрецов, которые тоже одевались в белое, кроме главного жреца, носившего пурпурную мантию.

Как никто не мог приблизиться к царю, не прикрыв себе рта, точно так же никто не мог присутствовать при жертвоприношениях и других обрядах, не обернув себе рта и носа особой полотняной повязкой (падом). Эту повязку предписывалось надевать и во время молитвы. На религиозные торжества светские люди являлись в своей обычной одежде, только с миртовым венком поверх головного убора.

Древнеперсидские барельефы, как и древнеассирийские, не дают никаких сведений о женском костюме. Хотя отсутствие на них женских фигур может быть объяснено малым количеством дошедших до нас барельефов и официальным, а не частным их содержанием, но мы все-таки можем предположить, что общественное положение женщин в Персии было почти таким же, как и в Ассирии. В Персии женщинам не только не позволялось показываться публично, но и считалось непозволительным представлять женские фигуры на барельефах.

Относительно жен персидских царей и вельмож это предположение кажется тем более вероятным, что они предавались многоженству не меньше, чем ассирийские владыки, и держали своих жен и наложниц, часто очень многочисленных, заключенными в особых домах (гаремах) (Эсфирь, I, 9, 18; II, 2, 3, и сл.; Геродот, III, 68, 69, 84, 88).

В низших классах общества женщина пользовалась сравнительно большей свободой, но все-таки положение ее было подчиненным. Иметь много детей считалось у персов общественной заслугой. Это поощряли и сами цари, одаривая ежегодно тех из своих подданных, чьи семейства были особенно многочисленны. Позднее было дозволено законом вступать в брак даже с родной матерью или сестрой.

Древнейшая одежда персидских женщин мало отличалась от мужской и, подобно ей, изготавливалась сначала из звериных шкур и выделанных кож, а позднее — из грубых шерстяных тканей.

С введением мидийских обычаев национальная одежда персиянок (по крайней мере представительниц высших классов) была полностью вытеснена богатым ассиро-мидийским костюмом.

Рис. 90

Так как ассирийский костюм, по преданию, был изобретен Семирамидой, а изобретение мидийского костюма приписывается Медее из Колхиды (Страбон, XI, 13), то можно предположить, что ассиро-мидийский костюм был скорее женским, чем мужским, а следовательно, мог быть принят персидскими женщинами без особых изменений. Поэтому можно предположить, что некоторые греческие изображения Медеи в костюме, подражающем греческой одежде, могут служить образцом древнеазиатской, а следовательно, и древнеперсидской женской одежды (рис. 91).

Рис. 91

Во многом она была похожа на мидийскую мужскую одежду. Это была широкая и длинная рубашка с рукавами, которые закрывали или только верхнюю часть руки до локтя, или всю руку до самой кисти. Эта одежда изготовлялась обыкновенно из самых тонких и красивых шерстяных тканей.

Знатные персиянки очень любили наряжаться и украшать себя драгоценностями, некоторые персидские цари дарили своим женам целые области на «поясные деньги». Самыми дорогими принадлежностями женского наряда были богато вышитая обувь и драгоценный головной убор в виде круглой шапочки с вышитым золотом покрывалом.

Завешивали ли древние персиянки свое лицо, как принято теперь на востоке, — неизвестно. Царские жены не придерживались какого-либо этикета в одежде. Только любимая супруга царя, почитаемая наравне с царицей-матерью, носила пурпурные, протканые золотом одежды и царскую тиару, украшенную диадемой, но и она

должна была склоняться перед скипетром, который оставался атрибутом царского сана (Эсфирь, I, 12; IV, 11; V, 2; VIII, 3, 4).

Приведенные нами свидетельства древних авторов об общественном положении женщин в Персии противоречат законам, записанным в священных книгах персов, которые ставят семейный союз под защиту религии и строго восстают против всех тех чувственных пороков, называемых у древних авторов «персидскими» (Геродот, I, 135).

Рис. 92

Книга законов предписывает персам брак как священную обязанность. Она дает преимущество женатому перед холостым, имеющему детей перед бездетным, предоставляя главе семейства власть над остальными членами его семьи.

Обращаясь к божеству Гаоме с молитвой «послать добрых мужей стареющим девам», она в то же время постановляет, чтобы девицы не выходили замуж ранее пятнадцатилетнего возраста, чтобы они берегли свое доброе имя и носили в ушах серьги.

Серьги считались символом женской зрелости. Юноша, предающийся разврату и всяческому порокам, изображается в книге законов как человек, отдавшийся во власть злых духов — «дэвов», и даже как их сообщник.

Новорожденным детям закон предписывал омыwać все тело, начиная с рук, три раза коровьей мочой и один раз водой. Мальчики с пятнадцати лет должны были носить пояс, свитый из шерсти или из верблюжьих волос.

Этот пояс должен был предохранять их от злых духов и в то же время служил символом их совершеннолетия: надев его, молодые люди становились ответственными за свои поступки. Нынешние последователи зороастризма носят пояса, ссученные из 72 крученых верблюжьих волос или шерстяных нитей.

В знак печали по умершим персы надевали на себя длинную рубашку темного цвета и разрывали ее от ворота до пояса — так было принято выражать горе во всей Ближней Азии. Считалось, что тело умершего пребывает во власти злых духов, а потому прикосновение к нему оскверняло прикоснувшегося, и ему необходимо было очиститься.

Особенно тщательно соблюдался ритуал очищения для тех людей, кто занимался погребением мертвых. По окончании погребения они должны были надеть другое платье, а бывшее на них во время погребения вытереть землей, вымыть в коровьей моче и воде и проветрить. Если же оно было запачено какой-нибудь жидкостью разлагающегося трупа, его следовало зарыть в землю.

Поскольку персы считали, что огонь, вода и земля являлись эманациями божественного Ахурамазды, а тела умерших считались нечистыми, то их не сжигали и не зарывали в землю, а оставляли на съедение «чистым» животным.

Священные книги под страхом наказания запрещали одевать мертвого или закрывать его. Тело клали на носилки совершенно обнаженным. Только в том случае, когда погребение приходилось отложить до следующего дня, разрешалось выносить умершего на его собственной постели. Труп, обращенный лицом к солнцу, оставляли в открытом поле, а к ногам и волосам прикрепляли камни, железо и свинец, чтобы животные не могли растащить его кости и осквернить ими воду, землю или растения.

Обычай отдавать тела умерших на съедение зверям существовал, как видно из свидетельств древних писателей, не только у персов, но и у мидийских магов, гирканцев и бактриан. У них зверям отдавали только часть трупа, остаток же покрывали воском и зарывали в землю. Такой способ погребения существовал и в древнем персидском царстве (рис. 93).

Рис. 93

Постройки

Строительная деятельность, начавшаяся в Персии со времени ее превращения в могущественное царство, испытала на себе те же иностранные влияния, что и персидский костюм. Первые здания были построены мидийскими зодчими под руководством жрецов; затем появились архитекторы из Ассирии и Вавилонии, а в царствование Камбиза — и из Египта.

Такой синтез различных национальных художественных школ должен был породить смешанный архитектурный стиль. Но большее разнообразие строительного материала в Персии, по сравнению с Месопотамией и Египтом, послужило причиной тому, что различные заимствованные архитектурные стили не слились в один, а остались каждый сам по себе, соединяясь лишь внешне и в зависимости от назначения здания.

Остатки каменных древнеперсидских зданий эпохи Ахеменидов сложены ассирийским способом — из высушенных на солнце кирпичей, либо мидийским — из тесаного камня, а иногда даже циклопическим (египетским) способом.

Глину и асфальт давали в изобилии равнины Персии; превосходный мраморный известняк добывался в близлежащих горах, а обширные леса обеспечивали строителей прекрасной древесиной. При постройках использовали и металлы, причем не только для украшений, но и для скрепления отдельных частей здания.

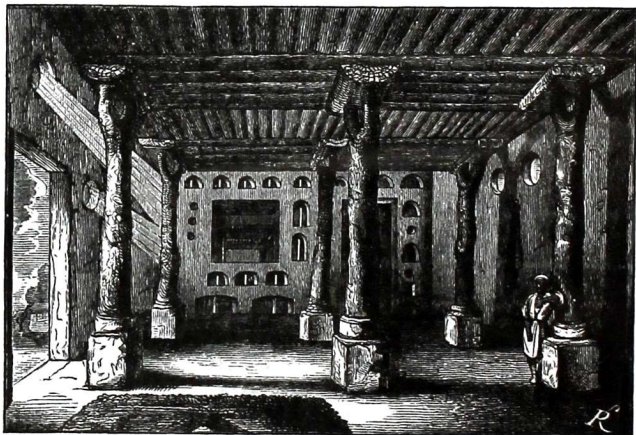

Рис. 94

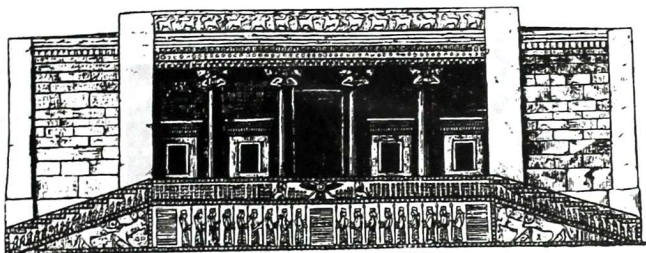

Рис. 95

Соединение различных стилей проявлялось не столько в употреблении тех или иных строительных материалов, сколько в расположении зданий. Древнеперсидские здания состояли из нескольких соединенных между собой обширных залов, иногда открытых, иногда с потолками на тонких колоннах, и толстостенных помещений с окнами и дверьми, расположенными произвольно, во вкусе древневосточной архитектуры (рис. 95).

Как в главных частях здания, так и в его деталях, преимущественно в орнаментах, воспроизводились почти все те формы, которые уже были выработаны архитектурой остальных восточных народов. Самостоятельность древнеперсидского архитектурного стиля выразилась лишь в легком, скорее декоративном изменении этих заимствованных форм, которое обуславливалось свойствами строительного материала, и более широко, по сравнению со среднеазиатскими постройками, применении стройных каменных колонн.

Но и художественно обработанная колонна, даже в древнеперсидских зданиях, была произведением не персидской, а, скорее, западно- или малоазиатской архитектуры и перешла в Персию из Ассирии, где она уже встречалась в гораздо более древних зданиях времен Синахериба, например во дворце близ Куюнджика.

Колонна играла важную роль в постройке столь любимых персами просторных залов. Эти залы являлись их национальной архитектурной формой, сохранившейся со времен, когда они жили в переносных шатрах и под широкими пологам, растянутыми между стволами высоких деревьев. Поэтому всем зданиям персы придавали вид шатра.

Жилища

Население гористых и лесистых местностей Восточного Ирана и поныне живет большей частью в деревянных домах (рис. 94). В основном эти дома похожи на просторные, прочно устроенные шатры некоторых арабских племен, а потому не только могут служить при-

Рис. 96

мером древних оседлых жилищ, но и представляют собой образец древнейших деревянных колончатых построек.

По такому типу строились просторные и богатые жилища позднейших персов, те «палаты со столбами, перекладинами, окнами и зубцами», о которых упоминается в их священных книгах. И дома нынешних персов своей легкостью и стройностью, пестро раскрашенными фасадами, плоскими крышами, тонкими колоннами и цветными занавесами внутри напоминают эти старинные шатровидные здания.

Первые значительные постройки в Мидии приписывают восстановителю мидийского царства Дейоку. Геродот (I, 98) рассказывает, что Дейок построил себе укрепленный дворец и тем положил основание городу Экбатане, который с тех пор стал столицей мидийского царства и его главным укрепленным пунктом со стороны границ с Ассирией. Старинный укрепленный город Рага на парфянской границе постепенно утратил свое значение и пришел в упадок, а новая столица быстро разрослась в обширный город и застроилась великолепными дворцами и укрепленными зданиями.

По свидетельству древних авторов, жилище мидийских царей в Экбатане имело в окружности 7 стадий. Оно объединяло в себе несколько зданий, посреди которых стоял дворец, включавший в себя государственную сокровищницу.

Вся эта группа зданий была обнесена семью концентрическими стенами (число 7 считалось священным), сложенными из четырехугольных камней. Стены, по книге Юдифь (I, 1–5), были 70 локтей (или около 100 футов) в высоту и 30 локтей в толщину. На стенах располагались четырехугольные башни 20 локтей в ширину и 100 локтей в высоту.

По господствовавшему обычаю, Экбатанский дворец был построен на холме. Дворец, где жил сам царь, занимал вершину холма, а вокруг него, по склонам, располагались остальные дворцовые здания и окружавшие их стены.

И здания, и стены опоясывали холм постепенно снижающимися рядами, так что над одним рядом зданий возвышался другой и из-за зубцов одной стены были видны зубцы следующей.

Стенные зубцы были цветные, возможно, обложены цветными черепицами, и притом на каждой стене — особого цвета, так что все семь рядов составляли семицветный пояс из белой, черной, пурпурной, голубой, красной, серебряной и золотой полос, из которых белая была нижней или внешней, и золотая — верхней или внутренней (Геродот, I, 98).

Уже по этому украшению внешних стен можно судить о величии царского дворца. Он был деревянный, из кипариса и кедра, но исходный материал в нем нигде не был виден. Перекладины на потолках, стены, колонны и столбы в залах и покоях были обложены серебряными и золотыми листьями.

Даже кровля была покрыта ими. Если это богатство, остатки которого обнаружил еще Александр Македонский, а затем находили позднейшие завоеватели, постепенно исчезло из Экбатаны, то слава сильно укрепленного города сохранялась за ней еще долго. Не только персидские цари, но и Александр хранили в ней свои сокровища.

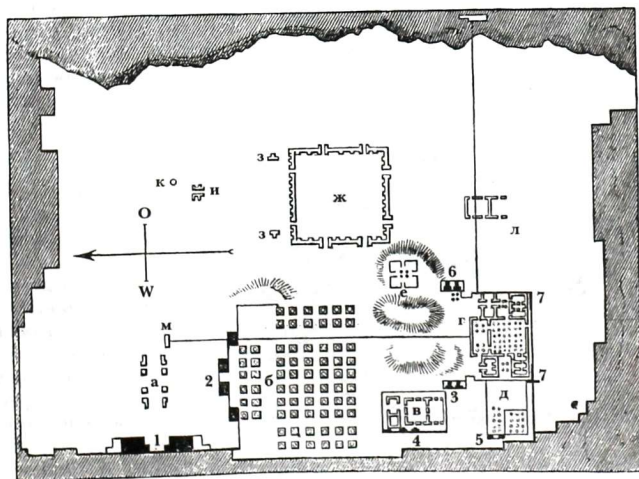

Рис. 97

Резиденцией Ахеменидов были Пасаргады. Предки Кира избрали это место и укрепили его. Кир выстроил в нем новый царский дворец, и бедное местечко превратилось в настоящий город. Но с развитием роскоши при дворе персидских царей и с увеличением числа придворных вельмож, чиновников и т. д. потребовалось более обширное и роскошное помещение для персидского двора.

Поэтому преемник Кира, Камбиз, переехал из Пасаргад в богатые, «по-вавилонски» выстроенные Сузы, которые, благодаря своему более выгодному по сравнению с Пасаргадами положению, и остались главной столицей персидских царей. Каждый из них выстраивал себе в Сузах особый дворец, который становился как бы монументальным памятником его царствованию и главной сокровищницей (Геродот, V, 49; Плиний, XV, 28).

Со времен Дария у персидских царей вошло в обычай ежегодно в конце весны удаляться со всем своим двором из Суз в прохладную Экбатану, а к зиме переезжать в Вавилон, где климат был теплее. Хотя родовой город персидских царей, старинные Пасаргады, и был исключен из числа временных резиденций двора, царь обязан был посетить его хотя бы раз в год.

Этого требовал старинный, освященный законом обычай, предписывавший также, чтобы и венчание персидских царей на царство совершалось именно в Пасаргадах по старинному уставу.

Кроме того, Пасаргады были местом многочисленного стечения народа для уплаты даней и податей, что впоследствии и побудило Дария начать вблизи города строительство обширного дворца. Он выбрал для этого живописную долину, лежавшую в 10 милях от города к северу и прилегающую к горам, откуда можно было добывать строительные материалы.

Однако Дарий не дождал завершения строительства дворца, который так и остался недостроенным, несмотря на то что преемники Дария, особенно Ксеркс, ревностно заботились о его возведении.

Дворец этот, выстроенный из самых дорогих материалов и сильно укреп-

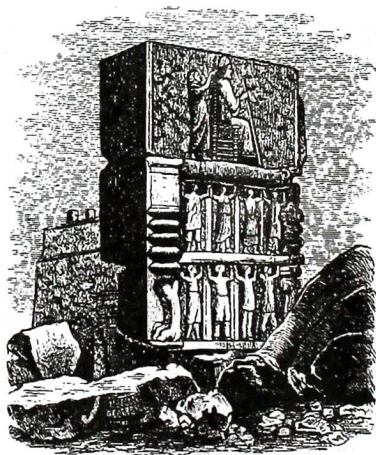

Рис. 98

ленный, содержал в себе несметные богатства. Когда он был сожжен Александром и разграблен его солдатами, под развалинами было найдено так много золота и серебра, отчасти расплавившихся, что для его перевозки в Сузы пришлось использовать вьючных животных.

Развалины этого колоссального строения покрывают равнину Мердашты. Арабы называют их Тахт-и-Джемшид (трон Джемшида) или Чигиль-Минар (сорок столбов). Даже сейчас они подтверждают дошедшие до нас рассказы греческих писателей о великолепии зданий, названных ими Персеполем (городом персов) (рис. 96).

Развалины Персепольского дворца расположены на скалистом возвышении, превращенном в продолговатую четырехстороннюю платформу (рис. 177), стороны которой в точности соответствуют четырем сторонам света. Длина платформы (по направлению с севера на юг) составляет около 1400 футов, а ширина — от 800 до 900 футов.

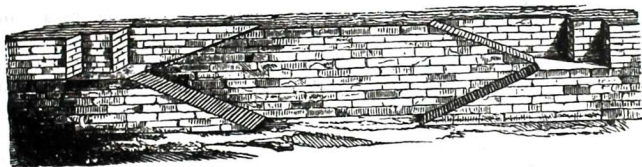

Рис. 99

Восточной своей стороной платформа упирается в отвесно возвышающиеся над ней утесы Рахмета, а остальными тремя выступает над окружающей равниной прямолинейно и отвесно срезанным уступом, бока которого были обложены большими четырехугольными кусками местного мрамора, искусно соединенными между собой без всякого цемента.

Первоначально платформа могла быть около 50 футов в высоту, так как и теперь еще, наполовину заваленная обломками и мусором, она поднимается на 20, а местами и на 30 футов над окружающей равниной.

Поверхность платформы представляет собой несколько высоких уступов, из которых главных два: один, высотой 8 футов и шириной в 1638 футов, занимает середину передней стороны платформы; другой, высотой 10 футов, идет параллельно первому с правой, или южной, его стороны. На последнем уступе сохранилось больше всего развалин, поэтому можно предположить, что главнейшие из дворцовых зданий стояли на нем.

На платформу ведет лестница в два пролета (рис. 97, 1), сложенная из гладко вытесанных мраморных глыб такой толщины, что нередко в одной глыбе вырублено до 10 и даже до 15 ступеней (рис.

62). Ступени, впрочем, очень низкие, и вся лестница такая пологая, что по ней было удобно выезжать верхом, а ширина ее позволяла ехать десяти всадникам рядом.

Поднявшись на самую верхнюю площадку лестницы (рис. 97, 1) и идя прямо на восток, путешественник встречает остатки гигантского портала (рис. 97, а). Это был главный проход к дворцовым зданиям, стоявшим за крепкой стеной из каменных плит толщиной от 4 до 6 футов, остатки которой поднимаются еще и теперь на 40 футов над платформой.

От портала, ширина которого в пролете равняется 13 футам, остались только четыре столба. Перед каждым столбом стоит по колоссальному (длиной 18 футов) каменному животному, наподобие

тех, которые стояли при входах в ассирийские дворцы.

Два из этих животных обращены головами к лестнице, а два — к горе. Между животными, по углам образуемого ими квадрата, возвышались четыре колонны, от которых остались только две. Колонны эти были, вероятно, соединены с главными порталными столбами с помощью деревянных архитравов и составляли с ними полный портик. Высота колонн — 45 футов, толщина у базы — 13 футов 10 дюймов. По стержню их, который кверху постепенно утончается, идут 39 каннелюр, каждая по 4 дюйма шириной.

Все пространство за порталом завалено кучами мусора, среди которых видны только остатки каменного резервуара для воды и, дальше к

востоку, — развалины другого портала с фигурами быков (рис. 97, и) и база колоссальной колонны (рис. 97, к).

Прямо напротив портика (рис. 97, а), в 160 футах к югу расположена еще одна великолепная лестница с двумя пролетами (рис. 97, 2), которая ведет на первый из описанных уступов. Бока лестницы покрыты барельефами, которые тянутся друг над другом горизонтальными полосами и изображают, скорее всего, одно из тех народных собраний, для которых и предназначались стоявшие наверху здания.

Развалины этих зданий, состоящие из остатков стен, разбитых облицовок дверей и окон, а также обломков большого количества колонн (рис. 97, б) занимают пространство длиной от 350 до 380 футов. Как видно из некоторых настенных надписей, здания, стоявшие первыми от края уступа, были построены Дарием (Гистаспом) и Ксерксом.

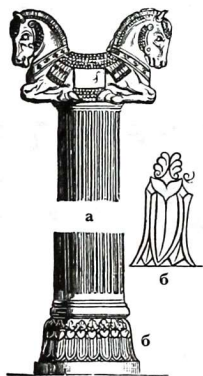

Рис. 100

На одной из пилястр видна еще и теперь рельефная фигура царя в мидийской одежде и в сопровождении зонтиконосца и опахалосноса. Эту фигуру принимают за портретное изображение самого основателя Персеполя — Дария (рис. 79).

В числе этих зданий был, вероятно, и дворец, или, как гласит надпись, «Дом собрания». Из его остатков прежде всего обращают на себя внимание обломки 72 колонн. Колонны эти были расположены четырьмя группами и составляли обширный портик.

Средняя группа состояла из 6 рядов, по 6 колонн в каждом ряду. В 20 футах от нее, с севера, запада и востока, шли три колоннады в 12 колонн каждая (рис. 97, б). Колонны боковых колоннад были от 60 до 64 футов в высоту и 5 футов в диаметре у базы.

Стержень их покрыт мелкими каннелюрами и кверху утончен. Они стоят на красиво отделанных базах в форме опрокинутой чаши и оканчиваются, вместо капителей, одни — пучками вертикально поставленных волют (рис. 101, б), другие — высеченными из камня полуфигурами быков и единорогов (рис. 100, а, б).

Колонны средней группы несколько ниже боковых, но разница в высоте уравнивалась тем, что помост под ними был поднят и образовал возвышение, середину которого, по-видимому, занимал царский трон. Здесь царь, окруженный своими вельможами, принимал представителей покоренных народов и привезенную им дань. Царские телохранители и стража располагались в боковых колоннадах, а низшие придворные служители стояли внизу, вне портика.

Ни от кровли этого портика, ни от кровель других зданий не уцелело ни малейшего обломка. Между тем вполне очевидно, что если не у всех зданий, то по крайней мере у большей их части были покрытия. Поэтому можно предположить, что крыши были деревянные, из пальмового или кедрового дерева, обшитые серебряной или золотой жстью, как в Сузах и Экбатане, и из-за непрочности материала не могли сохраниться.

Из барельефа на одной гробнице видно, что кровли делались плоскими: деревянные стропила укреплялись на деревянных же брусках или перекладинах, которые в свою очередь клались непосредственно на скульптурные фигуры, заменявшие на колоннах капители (рис. 101, б; ср. рис. 95). На крыше дворца устраивался помост или возвышение, на котором царь совершал жертвоприношения.

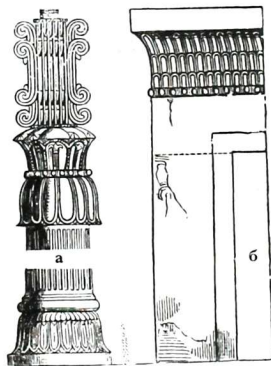

Рис. 101

Площадь второго главного уступа, лежащего направо от Чигиль-Минар (так называют арабы развалины портика), покрыта несколькими невысокими террасами. На этот уступ вела лестница с скульптурами (рис. 97, 4), теперь совершенно развалившаяся.

Чуть дальше на юго-восток видны остатки другой лестницы (рис. 97, 3) с надписями и скульптурами. Наконец, еще южнее находится третья лестница (рис. 97, 5); по ней можно было подняться на одну из террас, на которой располагались жилые царские покои: столовые, мыльни, приемные залы и т. д. (рис. 97, в, д).

Рис. 102

Рядом с этими покоем, но на отдельной террасе, на которую вели две большие лестницы (рис. 97, 7), возвышалась обширная храмина с большим количеством колонн (рис. 97, г). От нее осталось только несколько дверных и оконных косяков или рам, высеченных из гигантских монолитов от 10 до 15 футов толщиной, обведенных выгнутым египетским карнизом с растительным орнаментом (рис. 48). Сами стены совершенно исчезли: наверное, они были сложены из кирпича, высушенного на солнце, который постепенно выветрился, осыпался и был размыт дождем.

У восточного края этой группы зданий заметны следы канала. Они идут недалеко от четвертой лестницы (рис. 97, 6) и прилегающих к ней остатков здания (рис. 97, е), проходят под развалинами другого, одиноко стоящего здания (рис. 97, б), и продолжают до бассейна (рис. 97, м), вырытого в горе Рахмет. Этот канал соединялся с цистерной (рис. 97, н) и, вероятно, снабжал водой дворцовые фонтаны и водоемы.

Из остальных развалин, покрывающих платформу, заслуживают внимания остатки здания, имеющего вид четырехугольника длиной 210 футов с каждой стороны с обломками ста колонн (рис. 97, ж) и стен колоссального портала с изваяниями быков (рис. 97, з). Об остатках другого портала с такими же быками, лежащих далее на востоке (рис. 97, и), и о видимой неподалеку от них базе колоссальной колонны (рис. 97, к), уже говорилось.

Все перечисленные нами развалины принадлежали зданиям, построенным при Дарии и Ксерксе; от построек их преемников, с не меньшей ревностью продолжавших украшать Персеполь новыми зданиями, как это утверждают надписи, не осталось никаких следов.

Несмотря на сильное разрушение, руины Персеполя представляют величественное зрелище (рис. 64). Если для полноты картины мы добавим, что, по словам Диодора (XVII, 71), Персеполь был ок-

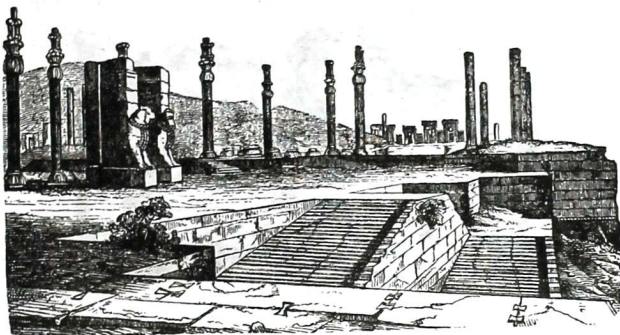

Рис. 103

ружен двумя стенами, из которых внешняя была 16 локтей, а внутренняя — 32 локтя высотой, что сама платформа была кроме того укреплена медными палисадами с бронзовыми воротами, то удивление греков при виде дворца и само имя Персеполис — город персов, которым они его называли, станут для нас понятны.

Царские гробницы

Они высечены в утесистом склоне горы Рахмет, поднимающемся на 900 футов над Персеполем с восточной его стороны, и расположены почти на половине высоты утеса. По ним и сама гора Рахмет называлась прежде Горой Царей (Диодор, XVII, 71), а со времени Сасанидов, гробницы которых лежат на 300 футов ниже, стала называться Нахш-и-Рустем (изображения Рустема).

Гробницы древнеперсидских царей (Ахеменидов) все устроены одинаковым образом. Снаружи они имеют вид выпукло вырубленных в скалистой стене фасадов около 130 футов в высоту и 72 фута в ширину. Каждый фасад горизонтально разделен на две части — верхнюю и нижнюю.

Нижняя часть отделана чисто архитектурно, а верхняя — покрыта изображениями. Так, например, на фасаде одной из самых богатых гробниц изображен царь, приносящий жертву на крыше своего дворца. Нижняя часть фасада воспроизводит царское жилище в виде четырех колонн с запертой дверью между средними колоннами. Над колоннами в продолговатом углублении около 12 футов длиной и 7 футов шириной, составляющем верхний отдел фасада гробницы, установлены двухъярусные подмостки, поддерживаемые каждый четырнадцатью фигурами (рис. 110, б).

Рис. 104

Над подмостками, на возвышении из трех ступенек, стоит царь и молится перед жертвенником. Голова его обнажена, он одет в мидийскую широкую одежду и в левой руке держит лук. Между царем и жертвенником виден Фэрорэ — символическая фигура в виде кольца с тремя крыльями, окружающего изображение царя.

На узких боковых стенах в девяти отделениях, расположенных одно под другим, находятся царские телохранители, на одной стенке — в мидийской, на другой — в древнеперсидской одежде.

Внутренняя часть этой гробницы (как и все остальные, она была заложена наглухо массивной дверью, которую пришлось взорвать, чтобы войти в гробницу) состоит из четырехугольной комнаты в 40 футов длиной и 20 футов шириной и трех прилегающих к ней небольших камер.

В эти камеры, по всей видимости, складывались тела умерших или, как предполагает Нибур, их кости. Только в одной гробнице в Факракахе, которая во всем похожа на персепольские, найдены колонны с округленными базами и капителями. Они стояли по две в ряд по сторонам гробничного входа из нескольких ступеней.

В число персепольских гробниц входит и гробница Дария Гистаспа, обозначенная надписью (рис. 71). Гробница Кира лежит неподалеку от развалин Пасаргад на нынешней равнине Мургаба. Устройство ее совершенно иное: это свободно стоящее здание, в котором элементы древнеавилонского стиля соединены с формами, близкими к греческой архитектуре.

Гробница состоит из четырехугольной постройки с 6 уступами, сложенной из мраморных плит, и стоящего на ней небольшого здания с двухскатной крышей, двумя фронтонами и небольшой дверью (рис. 104, 69). Оно и заключало в себе останки Кира.

Рассеянные на большом пространстве вокруг гробницы обломки колонн и остатки стен показывают, что она была окружена со всех сторон постройками, архитектурным дополнением к гробнице, ко-

торые также служили для отправления погребальных обрядов или поминовений по усопшему, а также в качестве помещения для магов, которым была вверена охрана гробницы.

Хотя Страбон и другие авторы и утверждают, что на описанной гробнице еще при Александре существовала надпись, гласившая: «Человек! Я Кир, который оставил господство Персии и был господином Азии», в древнейших упоминаниях о смерти Кира старшего (Геродот, I, 214; Ксенофонт, Киropед., VIII, 7) нет никаких указаний на погребение его в Пасаргадах.

На основании этого, а также исходя из своеобразной архитектуры гробницы, можно высказать предположение, что это гробница не старшего Кира, а младшего, который был особенно дружен с греками. Передаваемое Ксенофонтом (Анабас., I, 8, 10; III, 1) известие о его смерти не противоречит этому предположению. Ему соответствует также и описание первоначального устройства гробницы в Пасаргадах.

Согласно этому описанию, гробница заключала в себе золотой саркофаг, поставленный на золотые носилки и накрытый дорогими вавилонскими коврами, а также драгоценные царские одежды, украшения и оружие. Что касается саркофага, то рассказ о нем, по всей вероятности, преувеличен, а царские одежды и оружие могли быть точно так же положены и в гробницу младшего Кира.

Если, наконец, принять во внимание, что Кир Младший, будучи правителем Лидийской, Фригийской и Каппадокийской сатрапий, поднял оружие против своего брата Артаксеркса II (Мемнона), чтобы самому стать царем, но был им побежден и погиб в проигранном сражении, то этим можно объяснить и то, почему он был погребен

Рис. 105

не в священных гробницах Персеполя, а вдали от них, как побежденный мятежник, хотя и царской крови. (Известно, что тело Дария, погибшего вдали от Персеполя, было отослано туда Александром для погребения в гробницах Ахеменидов.)

Высказанное нами предположение подтверждается и тем обстоятельством, что гробница, о которой идет речь, стоит неподалеку от того места, где еще до сих пор видно упомянутое выше старинное изображение Кира (рис. 73) с надписью: «Я Кир царь, Ахеменид». Точно так же может служить подтверждением ему и древнеперсидский стиль колонн, которые окружали гробницу и от которых остались теперь обломки.

Уже говорилось, что как Персеполь, так и Пасаргады были не только богато украшены, но и сильно укреплены. Персеполь, подобно ассирийским, вавилонским и мидийским дворцам, был одновременно и дворцом, и крепостью. Пасаргады были окружены стенами с башнями и рвами. Не только столицы, но и другие крупные города царства снабжались укреплениями или замками, в которых жили сатрапы и помещался многочисленный гарнизон.

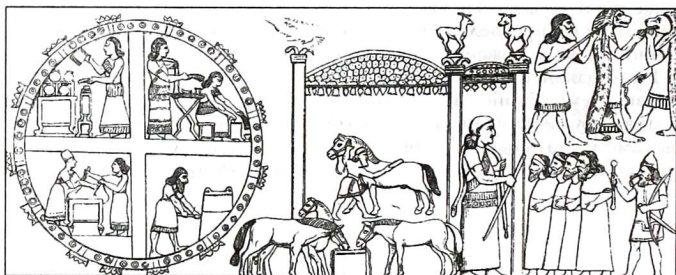

Рис. 106

Даже такой первоначально малозначительный город, как Сардес, был защищен крепостью, расположенной на крутой скале и обнесенной тройной каменной стеной. В Целенах Ксеркс построил замок, окруженный таким большим парком, что в нем могло стоять лагерем более 12 000 воинов; проводились в нем также и охоты. Все эти укрепления располагались на возвышенных местах и были построены по образцу мидийских крепостей.

Как и старинная мидийская крепость на парфянской границе — Рага, они состояли из центрального укрепления, обнесенного несколькими концентрическими стенами с башнями, а потому походили на те условно исполненные изображения неассирийских крепостей, которые встречаются на некоторых ассирийских барельефах (рис. 105).

Самые значительные и, судя по всему, древнейшие остатки древнеперсидских укреплений располагаются в пяти милях от Персеполя, на вершине конусообразной горы, возвышающейся на 1200 футов при входе в долину Мердашта. Они известны под именем развалин Истахра по четырем неравной величины бассейнам (Истахр), следы которых видны внутри обвалившихся крепостных стен с остатками нескольких башен и ворот.

Кроме больших крепостей, в разных местах персидских владений, преимущественно на восточных и северных границах, были построены небольшие отдельные укрепления или форты. Наиболее удобные проходы в пограничных горах были загорожены каменными стенами с крепкими деревянными или даже металлическими воротами.

При осаде крепостей персы использовали те же орудия и приемы, что и ассирийцы. Укрепленные крепости, против которых эти средства оказывались несостоятельными, они старались взять хитростью и внезапным нападением или же подкапывались под крепостные стены, тратя на это много времени и сил. Так, например, утомленные продолжительной осадой Вавилона, персы вошли в город по осушенному руслу реки.

Рис. 107

Хотя персы не внесли новшеств в осадное дело, они усовершенствовали устройство военного лагеря. Улучшения в этой области приписывают Киру (Ксенофонт, Киропед., VIII, 5). Царский шатер всегда ставился на восточной стороне стана (в силу религиозных соображений), вокруг него располагались шатры приближенных царя, за ними — шатры всадников и возничих, к которым справа и слева примыкали копейщики и стрелки (рис. 106).

Хлебопекам отводилось особое место в правой части лагеря, поварам — в левой. Лошади ставились также справа, а вьючные животные и убойный скот — слева. Шатры тяжеловооруженных воинов располагались по окружности стана, охватывая, как стеной, все находившееся в нем. Чтобы быть готовыми к отпору в случае внезапного нападения, воины обязаны были ложиться спать не иначе, как построившись сначала в ряды. При продолжительной стоянке лагерь окружали валом и рвом.

Шатры полководцев и начальников разных отрядов отмечались особыми знаками. Шатер царя отличался от остальных размерами и убранством. В нем имелось особое отделение для царских жен и просторное помещение, где царь пировал со своими многочисленными приближенными. В остальном он походил на шатры ассирийских военачальников и был обставлен со всей роскошью, свойственной восточным властителям. Шатры рядовых воинов были просты, но так просторны, что в каждом из них могли уместиться 100 человек (одна таксия).

Персидские цари оставляли в покоренных ими странах памятники в честь своих побед. Наибольшее количество таких памятников оставил по себе Дарий; воспоминания о его победах в надписях и фигурах, высеченные на отвесных скалах, сохранились до сих пор во многих местах его бывших владений. К числу такого рода памятников относятся надписи близ Персеполя и надпись на скале близ Бегистуна (Бизитуна).

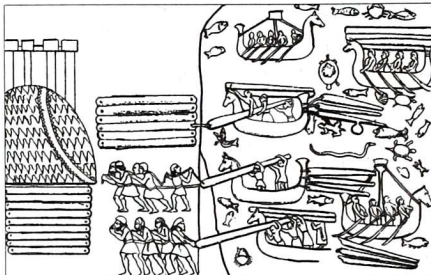

Рис. 108

Так как персы, по словам Геродота (I, 143), вовсе не занимались мореходством, то у них и не могло развиться самостоятельного судостроения. Хотя Киру и приписывают введение военных судов с башнями и постройку больших понтонных мостов (Геродот, II, 75, 205), нет сомнения, что для перевозки войска он поль-

зовался в основном иностранными судами, а плавучие мосты были в большинстве случаев простыми плотами (рис. 108).

Даже при преемниках Кира, походы которых, как известно, простирались далеко за море, персидский флот набирался частично из судов союзных с Персией приморских народов, частично из судов ее данников. Знаменитый мост через Босфор, быть может, колоссальнейшая из подобного рода построек древности, был делом рук Мандрокла, урожденного грека.

Персы также не были и торговым народом. Ремесло торговца, занятие не воинственное, считалось у них позорным. В Персии не было ни лавок, ни рынков, ни вообще каких-либо мест для купли и продажи. Торговлю, как и возведение связанных с ней построек, персы предоставляли покоренным ими народам, а именно — сирийцам.

Капища и другие культовые сооружения

По свидетельствам древнейших писателей о Персии, там не было ни храмов, ни жертвенников, ни кумиров; персы приносили жертвы своим богам под открытым небом на вершинах гор (Геродот, II, 131; Ксенофонт, Киропед., III, 3; VIII, 3, 7). Только авторы более позднего периода говорят об особых святилищах, в которых горел на алтаре негасимый огонь (Страбон, XV, 3; Павсаний, V, 27 (3)). Они же сообщают о том, что Артаксеркс II построил храм Анахити (Анаити), стены и столбы которого были позолочены, а крыша покрыта

серебряными и золотыми листами, и что этот же царь велел поставить во всех больших городах своего царства человекоподобных кумиров (Полибий, V, 44; X, 27).

Алтари с негасимым огнем существовали уже во времена Дария (Гистаспа) — доказательством этому служит приведенное выше описание гробничного фасада. Расположенный на нем алтарь имеет вид четырехугольной тумбы, поставленной на трехступенчатое подножие и оканчивающейся уступчатым, расширяющимся кверху карнизом. Остатки таких алтарей, высеченных в скале, находятся неподалеку от Нахчи-Руджиб; около 5 футов в высоту, они стоят на возвышающейся на 14 футов площадке со ступенями.

К наиболее сохранившимся остаткам старинных, обнесенных стеной капищ (время основания которых с точностью определить нельзя) принадлежат развалины капища в нынешнем Азербиджане и развалины другого, по всей вероятности, более древнего капища близ персепольских царских гробниц.

В азербиджанских развалинах видны остатки четырехугольного здания в 55 футов длиной с каждой стороны, сложенного из превосходно выжженного кирпича, связанного цементом. Стены здания, толщиной в 15 футов, сходятся наверху плоским куполообразным сводом. Внутри здания вдоль его стен идет узкий и высокий крытый ход, открывающийся на каждой стороне широкой аркой на четырехугольное пространство в 10 шагов с каждой стороны, огороженное каменной стеной в 15 футов толщиной.

Эта ограда занимает середину здания, и в ней, вероятно, стоял алтарь, на котором горело негасимое пламя. По разбросанным вокруг здания обломкам можно заключить, что первоначально над ним возвышалась массивная надстройка.

Довольно хорошо сохранившиеся развалины капища близ Персеполя представляют собой остатки четырехугольного здания, занимавшего площадь в 440 кв. футов. Стены его, сложенные из мраморных плит, возвышаются в настоящее время на 35 футов над окружающим их мусором. Снаружи они гладкие, кроме углублений в швах между плитами, и лишь по краям окаймлены слегка выдающимися валиками.

Между валиками, по верхнему краю стен непосредственно под плоской крышей здания тянется карниз, который на северном фасаде состоит из монолита почти в 23 фута длиной, расчлененного небольшими вертикальными желобками.

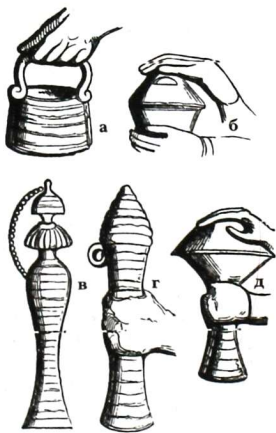

Рис. 109

Рис. 110

Посредине фасада, в 11 футах от земли, видно четырехугольное отверстие высотой 6 футов и шириной 5 футов — по всей вероятности, вход внутрь капища. Он также обрамлен валиками и завершен простой притолокой с небольшими возвышениями по концам. Вход запирался дверью, висевшей, судя по углублениям в косяках, на массивных крючьях.

В тесной связи с религией у персов с древнейших времен находились земледелие, садоводство и скотоводство — как занятия, которые священный закон признавал благочестивыми и которым считали своим долгом предаваться даже цари более позднего периода.

Персидским сатрапам было строго предписано заботиться об успешном ходе земледелия в управляемых ими областях, в противном случае они лишались сана и заменялись другими. Разделение реки Гинда на 360 каналов для орошения полей приписывали Киру (Геродот, V, 52).

Садоводство персов сводилось преимущественно к разведению плодовых деревьев и кустарников. В силу древнего религиозного отношения к деревьям, как к воплощению творящей силы природы, их считали священными, и только самая крайняя необходимость могла заставить перса срубить дерево. Рассказывают, что Ксеркс, увидев случайно красивый платан, не мог удержаться, чтобы не украсить его золотом (Геродот, VII, 31; Плутарх, Артаксеркс, 25).

Утварь

Если допустить, что священные книги персов были развитием культурных воззрений народов, населяющих благословенные страны Маргианы, Бактрии и Согдианы, и что дошедшие до нас отрывки этих книг были соединены вместе не ранее первых Сасанидов, то становится понятным, что вместе с описанием простейших первобытных занятий в них нашло себе место и описание различных ремесел, которые уже в ту раннюю пору были знакомы народу.

Сравнивая эти данные со свидетельствами древнейших авторов о простой, даже примитивной жизни первобытных персов, нельзя не прийти к заключению, что, по крайней мере до времен Кира, ремесленная деятельность персов ограничивалась производством самого необходимого (Геродот, I, 71). Исходя из дальнейшей истории персов можно даже предположить, что у них никогда не было и не могло быть своего, самостоятельно развивавшегося ремесленного производства.

Огонь и вода являлись для них предметами слишком священными, чтобы использовать их для низменных, житейских потребностей. Их воинственные устремления были далеки от промышленных и ремесленных занятий, а потому их, как и торговлю, персы представили народам западных окраин Персидского царства, снисходительно позволяя им работать вместо себя.

По уставу, которым определялся весь порядок жизни царя, персидский монарх мог употреблять в пищу только самые редкие и дорогие яства и напитки. Даже соль доставлялась ему из оазиса Сива, потому что ее считали лучшей, а вода — из Хоаспа. Эту воду, разлитую в серебряные сосуды, возили за царем и в походах, и в его поездках по царству.

Так как все придворные получали пищу из царской кухни, а число их доходило до 1500 и для них убивалось ежедневно до 1000 животных, понятно, что количество кухонной и столовой посуды было огромным, хотя в то время не употребляли за едой ни тарелок, ни ножей.

Если прибавить к этому, что, например, на пиру, который Артаксеркс давал своим вельможам и народу, сосуды для питья были золотые, а в продолжение пира их несколько раз меняли, и, наконец, каждый, кого царь производил в свои застольники, получал в подарок золотой кубок, то без дальнейших свидетельств можно составить себе представление не только о роскоши персидского двора, но и о тех страшных поборах, которым подвергались покоренные народы.

Дополнением к сказанному может послужить и то, что мы знаем о внутреннем убранстве жилищ персидских вельмож, и в особенности царских дворцов.

Не останавливаясь на перечислении заимствованных персами у западно- и среднеазиатских народов музыкальных инструментов, игральных приспособлений и т. п., перейдем к описанию их военного снаряжения, которое тоже было заимствовано ими у соседних народов.

Введение в персидское войско нового снаряжения приписывается Кирю Старшему. По свидетельству Ксенофонта (Киропед., VI, 1), он заменил старинные боевые колесницы новыми, более прочными и более пригодными для заведенных им же тяжеловооруженных ратников.

Первоначально эти колесницы были очень простой отделки, как видно по изображению такой колесницы на одном из уцелевших барельефов

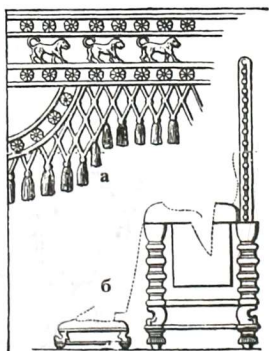

Рис. 111

(рис. 112), но впоследствии, с распространением роскоши, простота заменилась крайней пышностью.

Колесница Дария III в сражении при Иссе была вся убрана золотыми и серебряными украшениями чеканной работы; не менее богато была отделана и сбруя царских лошадей. На помпейской мозаике видно, что боевые колесницы иногда раскрашивали или расписывали разными красками и что у позднейших колесниц колеса делались больше, чем у старинных, так что они доходили до верхнего края кузова.

Как видоизменение боевой колесницы появляется у персов колесница, кузов которой, ось и передний конец дышла были усажены острыми серповидными ножами. При Кире Младшем составлялись отряды, включавшие в себя от 150 до 200 и более таких колесниц. Действие их, однако, оказалось не столь разрушительно, как можно было ожидать.

Кроме усовершенствования боевых колесниц, Киру Старшему приписывают изобретение осадных машин. Рассказывают, что он сам руководил постройкой передвижных башен, сделанных по ассирийскому образцу (рис. 67, а). Высоту нижней части он назначил в 3 локтя, а верхнюю снабдил брустверами и определил ей такие размеры, что каждая башня могла вмещать в себя около 20 воинов.

Башни перевозились на быках, которых запрягали по 4 пары под каждую башню. Кроме этих тяжелых орудий, Кир ввел и легкие тараны, устроенные так же, как ассирийские (рис. 67, б).

Вместе с военным снаряжением персы заимствовали у ассирийцев и орудия для наказания и пытки военнопленных и преступников: цепи, бичи с насаженными на них остриями и др. При отличавшихся жестокостью позднейших царях количество этих орудий увеличилось.

Что касается предметов, предназначенных для культовых церемоний древних персов, то, из-за недостатка изображений сведения наши о них очень скудны. Кроме уже описанного сосуда для освященной воды (ср. рис. 109 и 68), к ним принадлежали золотые чаши для возлияний, пучки прутьев или ветвей для кропления, курильницы и т. д.

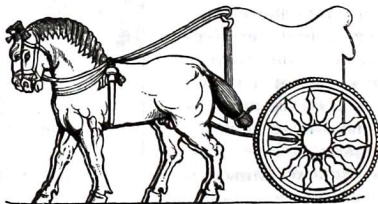

Рис. 112

Глава пятая

ЕВРЕИ И ФИНИКИЙЦЫ

о нас не дошло никаких вещественных памятников, по которым можно было бы наглядно ознакомиться с бытом древних евреев и финикийцев. Только немногие свидетельства финикийской культуры и обычаев были найдены в самой стране, где некогда жил этот народ, большей же частью они обнаружены вдали от нее, в бывших финикийских колониях.

Что же касается евреев, то, кроме нескольких монет позднейшей эпохи и немногих изображений культовых принадлежностей на арке Тита в Риме, единственным источником сведений об их быте в то время остаются письменные свидетельства.

Одежда

Угнетенное положение, которое занимали евреи в Египте после смерти Иосифа, помешало им приобщиться к существовавшей там цивилизации. Будучи кочевым пастушеским народом, они вызывали враждебность населения Нильской долины, привыкшего к благоустроенной и строгой оседлой жизни. Фараоны видели в них пришельцев, усиление которых могло бы стать опасным для спокойствия в стране, а потому всячески притесняли их и заставляли выполнять тяжелую работу.

Хотя при исходе из Египта евреи и взяли с собой запасы одежды и разной утвари, но в продолжение их сорокалетнего странствования по пустыне им не раз приходилось обновлять эти запасы, притом из материалов, которые оказывались под руками.

Евреи вынуждены были вернуться к своему первоначальному пастушескому образу жизни. Долгое пребывание среди египетского народа научило евреев усовершенствованным приемам в изготовлении необходимых для них предметов. Можно с достаточной вероят-

ностью предположить, что одежда евреев во время их странствования немногим отличалась от одежды кочевых арабских племен, а их оружие и украшения были теми же, что у современных им аравитян.

Поселившись в «земле обетованной», евреи сохранили прежнюю простоту в одежде и если и заимствовали что-нибудь у более развитых сирийских племен, то лишь некоторые усовершенствования в оружии, которое, при постоянных столкновениях с враждебными племенами, было тогда для них гораздо важнее нарядов. Но и впоследствии, во время Судей, когда израильский народ окреп и в результате побед над соседями накопил у себя значительные богатства, он обратил эти богатства не на улучшение своего домашнего быта, а на религиозные нужды.

Рис. 113

Только с той поры, когда начали избирать царей, национальная одежда израильтян стала богаче и полнее. Хотя Саул оставался верен старинным простым обычаям и не любил роскоши, первые ее зачатки появляются уже при нем, что видно по вооружению знати. Его собственное оружие настолько отличалось от обыкновенного, что в доказательство смерти Саула неприятли разослали его по своей земле.

Богатая добыча, приобретенная Саулом в войнах, повлияла и на одежду, и на украшения израильтян. Об этом свидетельствуют слова Давида в песни на смерть Саула: «Дочери Израильские! Плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы» (2 кн. Царств, I, 24).

Отношения, в которые Давид вступил с финикийцами, и та пышность, которой он, по примеру тирских царей, окружал себя, привели к дальнейшему распространению нарядов и украшений среди евреев. Баснословная роскошь Соломона еще более упрочила начавшиеся изменения в быте израильского народа.

Сначала в еврейский костюм вошло многое из ассирийского, а во время вавилонского пленения он совершенно преобразился в вавилонский. Наконец, при Птолемах и римлянах он заимствовал многие особенности греческого и римского нарядов.

Разумеется, все эти изменения касались только одежды богатых и зажиточных людей. Бедное население продолжало одеваться по старинному обычаю в национальную еврейскую одежду. Как отмечалось выше, одежда эта была одинакова и у мужчин, и у женщин. Она состояла из рубашки с короткими рукавами, накидки или плаща и сандалий простейшей формы.

По барельефу из Куюнджикского дворца, представляющему еврейское семейство, видно, что еврейская рубашка была очень похожа на ассирийскую (рис. 113, ср. рис. 22).

Народная одежда евреев оставалась неизменной еще и потому, что ее изготовлением для членов семьи, как правило, занималась хозяйка дома. И позднее, когда это занятие обособилось в отдельную отрасль ремесла, даже знатные женщины сами шили одежду своим мужьям и детям. Еще при Ироде женщины царской крови сами вышивали праздничные одежды.

Бедные сословия носили одежду из овечьей, козьей и верблюжьей шерсти и из грубого посконного холста. Богатые одевались в тонкие шерстяные и хлопчатобумажные ткани, туземные или привозные, и в египетские полотна.

Для нарядных и церемониальных одежд предпочитали ткани яркого белого цвета, но любили также носить и разноцветную одежду, подражая в этом соседним народам. Виссонные и пурпурные одежды покупались богачами по очень высоким ценам в других странах, так как крашением тканей евреи сами, по-видимому, не занимались.

Для обыкновенного платья использовались плотные и прочные ткани, сотканые из какого-нибудь одного материала, так как закон запрещал мирянам носить одежду из шерсти, смешанной с льняной пряжей, позволяя, впрочем, украшать ее.

Со времен Соломона, когда любовь к нарядам стала распространяться в народе, началось изготовление узорчатых тканых одежд сначала по финикийским, а впоследствии и по ассирийским и вавилонским образцам.

Дорогие одежды, особенно белые, требовали частой чистки. А для шерстяных одежд и тканей, которые из-за климатических условий были подвержены так называемой платяной проказе — они покрывались специфической плесенью, — частая чистка была даже необходима как гигиеническая мера.

Это привело к образованию особого разряда ремесленников, занимавшихся исключительно чисткой одежд и тканей. Они жили и держали свои мастерские за чертой города, где (как это было, например, в Иерусалиме) им отводились особые места.

Нижняя мужская одежда, по крайней мере до вавилонского пленения, имела вид рубашки с длинными или короткими рукавами и доходила до колен или до ступней. Как уже говорилось, бедные носили одежду из толстых тканей, причем не шитую и потому неспособную собираться в свободные складки, как тонкая и широкая одежда богатых.

Рис. 114

Того, кто носил только нижнюю одежду, называли голым или полуодетым; носить сразу два нижних одеяния считалось роскошью, хотя так было принято одеваться, отправляясь в дорогу.

Первые пророки довольствовались одной нижней одеждой и сандалиями, а еще чаще носили только передник из звериных шкур и волосяной плащ, как, например, пророк Илия. Знатные евреи уже во время Судей и особенно в позднейшее время надевали под нижнюю шерстяную одежду еще одну, полотняную, которая была либо короче, либо длиннее первой (рис. 116, 117; ср. рис. 7, г).

Во время вавилонского пленения евреи заимствовали у халдеев широкую нижнюю одежду, а впоследствии, у персов — рубашку с длинными рукавами (рис. 75, а, б).

Рис. 115

Пояс, которым подпоясывали нижнюю одежду, был одной из важнейших принадлежностей еврейского костюма. У бедняков пояса были кожаные или войлочные, у знати — из шерстяной или льняной материи, протканые золотом, иногда даже украшенные драгоценными камнями и золотыми пряжками.

Знатные иудеи носили на поясе кинжал и нож, писцы и книжники — письменный прибор; пояс служил также вместо кармана.

Верхняя одежда в своей древнейшей форме состояла из простого четырехугольного куска материи, который набрасывали на плечи.

Такого рода накидки, но из более дорогих тканей, у зажиточных людей оставались в употреблении и в последующее время, когда евреи переняли у западноазиатских народов их широкие плащи, а у своих восточных соседей — распашную верхнюю одежду наподобие кафтана.

У жителей Дамаска, с которыми евреи завязали отношения при Иеровоаме II, были заимствованы и те богато отделанные одежды, которые мы видим на фигурах еврейских пленных, представленных на некоторых ассирийских барельефах (рис. 114, 115; рис. 190, в).

Но и эти одежды, и заимствованные позднее у ассирийцев дорогие мантии (см. выше рис. 25 и 136), а еще позже — мидийско-персидские широкие кафтаны (рис. 75 и сл.) носили у евреев только высшие сановники.

Верхняя одежда зажиточных людей была двух видов: распашная с рукавами, как кафтан, который издавна носили жители побережья (рис. 190, в, б), и широкая безрукавная одежда — одиночный и двойной нарамник.

Кафтаны, как и вообще вся дорогая одежда, привозились из чужих земель. Они были преимущественно зимним платьем евреев, чаще ярко-красного цвета, на подкладке, иногда оторочены мехом.

Нарамник покроем походил на старинное верхнее платье кабилских женщин (рис. 113, а).

Двойной еврейский нарамник состоял из двух совершенно одинаковых продолговатых кусков материи, сшитых вместе одной стороной так, что у надетого нарамника шов приходился вдоль плеч, а передняя и задняя лопасти свободно спускались на грудь и спину (рис. 117).

Такой же нарамник, но с завязками на боках, был главной одеждой жрецов и назывался эфодом. Только к этой четырехконечной одежде и к широкой четырехугольной мантии, или накидке, а не к надевавшемуся в рукава кафтану, могло относиться предписание закона — делать кисти из голубой шерсти на краях одежд в напоминание о заповедях.

Этим предписанием пользовались впоследствии фарисеи и книжники, чтобы в глазах толпы выглядеть особенно набожными, для чего они даже увеличивали размер кистей на своих одеждах. Изображения таких нарамников, украшенных кистями, встречаются на ассирийских (рис. 117) и древнеперсидских барельефах (рис. 191).

К описанным верхним одеждам евреев в греческую эпоху добавился легкий плащ (хламида) греческих всадников, а во времена римлян — снабженная капюшоном, плотно обхватывавшая тело пелула — дорожное и зимнее платье римлян.

У своих восточных соседей — ассирийцев и вавилонян — евреи заимствовали вместе с другими частями одежды штаны, но они никогда не пользовались у них популярностью. Даже во время вавилонского пленения их, как и любой халдейский наряд, носили лишь евреи, занимавшие в Вавилоне значительные должности.

На голове евреи носили повязки, гладкие или свернутые тюрбаном (рис. 116, 117; рис. 118, 120). Но как эти повязки, так и плотно обхватывавшие голову капюшоны (рис. 114, 115) носила только знать; бедные просто связывали себе волосы шнурком, как нынешние арабы (рис. 112), или накрывали их толстым шерстяным платком.

То же было и с обувью. Только знатные, и то вне дома, носили красивые сандалии и финикийские, ассирийские и персидские башмаки; а беднота ходила босиком или в грубых башмаках из кожи или дерева (рис. 112, в—д). Даже в более поздние времена знатные евреи нередко ходили босыми, а обувь свою заставляли нести за собой.

Сходство мужской и женской одежды, встречаемое у всех древнеазиатских народов, существовало и у евреев, что видно по изображениям на древнейших барельефах (рис. 113—115).

Поэтому если еврейский закон (возможно, под влиянием начинавшего распространяться среди евреев тиро-сирийского культа) запрещал женщинам надевать мужскую одежду, а мужчинам жен-

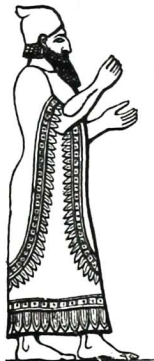

Рис. 116

скую, то имелся в виду не столько покрой одежды, сколько ткани, из которых она изготовлялась и которые были различны для мужчин и женщин.

Еврейские женщины, как египетские и ассирийские, носили ожерелья, кольца, серьги в носу и ушах, браслеты и пр. Какова была форма этих украшений и чем она отличалась от украшений египетских и ассирийских, мы не знаем.

Известно только, что к числу украшений принадлежали небольшие цепочки со звенящими подвесками. Эти цепочки прикреплялись к ножным и ручным браслетам и были особенностью еврейского убранства. Мужчины у евреев не носили никаких дорогих вещей, кроме золотых перстней, служивших печатями.

О причёске мужчины и женщины заботились одинаково тщательно. Длинные и густые женские волосы ценились особенно высоко. Знатные женщины, преимущественно молодые девушки, носили локоны или заплетали волосы в длинные косы, которые опускали вдоль спины либо обвивали вокруг головы. Чтобы придать волосам больший блеск, их умащали драгоценными мазями и маслами.

Одежда знатных евреек состояла из нескольких нижних и верхних одежд, головного убора, покрывала и богато украшенной обуви. Но такой полноты и богатства женский костюм достиг только в эпоху наибольшего распространения роскоши.

Еще при Давиде еврейские женщины, даже знатные, ходили, в основном, в простой старинной одежде, которую бедное население продолжало носить до самого последнего времени (рис. 113—115). Лишь со времен Давида, а в особенности при Соломоне появляются одежды из тонких и прозрачных индийских, египетских, пурпуровых финикийских, золототканых и узорчатых ассирийских тканей.

Несмотря на дороговизну этих тканей, одежды из них были очень широкими и иногда такой длины, что волочились по земле. Поэтому можно предположить, что и сорочка, которую женщины носили непосредственно на теле, тоже была широкой и длинной, поскольку еврейские женщины ходили у себя дома только в ней, а ложась спать, снимали ее и спали раздетыми.

Эта простая и вместе с тем изящная одежда обшивалась по подолу и рукавам красивой узорчатой каймой, а талию охватывал дорогой пояс. Когда поверх нее надевали другую, более богатую одежду, то пояс заменяли простой опояской.

Эта одежда, обычно ослепительно белая, была самой роскошной из всего наряда. Ее широкие, собранные в складки рукава доходили до земли и по краям были обшиты каймой из золотых фигур, жемчуга и разноцветных камней; такая же кайма украшала и ворот одежды. Схваченная у талии широким металлическим поясом или вы-

Рис. 117

шитым кушаком, она мягко обрисовывала формы бюста и ниспадала длинными складками.

Металлические пояса убирались золотыми цепочками, чеканными бляшками, драгоценными камнями и т. п. Кушаки были очень длинными и широкими: ими подпоясывались в несколько оборотов прямо под грудью или вокруг бедер. К кушкам подвешивались на золотых цепочках небольшие мешочки из тонкой кожи или материи, вышитые золотом.

Поверх такой нижней одежды надевали или накидывали не менее богатую верхнюю — распашную с рукавами или безрукавную вроде плаща. Эта одежда отличалась своим цветом от белой нижней и была чаще всего пурпурная или узорчатая.

Наконец, головной убор с прозрачным покрывалом и дорогая обувь довершали наряд знатной еврейки. Голову покрывали сетчатыми шапочками, унизанными жемчугом, камнями и золотыми пластинками, или пурпурными и вышитыми золотом повязками; иногда просто вплетали в волосы нитки жемчуга, низки разноцветных камней, кораллов и золотых пластинок.

В горе евреи были чрезвычайно эмоциональны. Заламывая руки и колотя себя в грудь, они бросались на землю, посыпали голову пылью, даже царапали себе ногтями лицо и тело.

Против таких проявлений печали был направлен закон, запрещающий делать порезы на коже и выстригать брови в знак траура по умершим. А вот носить траурные одежды не только разрешалось, но было общепринято.

Родственники и близкие умершего одевались в самое простое платье, не носили на себе никаких украшений, даже снимали обувь; вообще не заботились о внешности или надевали власяницу — мешкообразную одежду из грубой волосяной ткани темного цвета, подпоясанную веревкой, закрывая себе голову и лицо. Платок, повязанный вокруг подбородка и шеи и закрывавший их, был принадлежностью вдовьей одежды.

Особенно невзрачную одежду предписывалось носить женщинам, обвиняемым в нарушении супружеской верности, когда они являлись на суд перед священником. По позднейшим постановлениям они должны были носить простое черное платье и подпоясываться веревкой.

Хотя и у евреев брак нередко бывал сделкой, которую заключали между собой родители жениха и невесты, богатые люди, особенно в более поздние времена, свадьбы праздновали очень пышно.

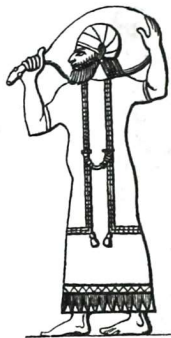

Рис. 118

Рис. 119

Рис. 120

Жених и невеста являлись в этот день в богатом праздничном наряде: он в узорчатых одеждах, она в длинном платье со шлейфом и надетом поверх платья дорогим кафтане.

Одной из главных принадлежностей наряда невесты было покрывало пурпурного цвета. При свете факелов, под музыку и пляску новобрачная, закутанная в это покрывало, отправлялась в сопровождении своих подруг в дом своего мужа, где устраивалось пиршество, на время которого новобрачный носил на голове венок.

Лысына считалась позором не только для женщины, но и для мужчины. По старинному обычаю мужчинам, по крайней мере средних лет, не разрешалось носить длинных волос, зато их часто носили юноши: «Во всем Израиле не было юноши краше длиннокудрого Авессалома».

Подстригать бороду было запрещено законом. Она была также почетным знаком отличия свободного человека. Отрезать кому-нибудь бороду значило нанести ему жесточайшее оскорбление, а поцеловать ее и облить благовониями было выражением глубокого уважения. Особое значение, которое евреи придавали бороде, обнаруживается и в существовавшем у них обычае по случаю смерти кого-нибудь из родных рвать на себе бороду, или совсем отрезать ее, или же надолго оставлять без ухода.

Изменения в политическом устройстве Израиля и Иудеи, закончившие правление, отразились и на развитии еврейского костюма.

Заменившие судей цари, как правило, тоже избирались народом. Хотя они и пользовались правом вести войну и заключать мир, власть их все же не была неограниченной и стояла ниже закона Иеговы, по отношению к которому царь был только высшим судьей израильского народа, наместником Иеговы и вместе с высшими чинами жреческой иерархии хранителем и блюстителем национальной религии.

При таком мирском воззрении на царский сан внешние атрибуты власти были скромными. Главными требованиями, предъявлявшимися к царю у евреев так же, как и у финикийцев, были крепкое телосложение и отсутствие телесных недостатков.

Давид первым начал подражать в устройстве своего двора тирским царям, а Соломон перенял всю пышность их обстановки. Не только мантии и шитые одежды «князей язык морских» заимствовал он, но и пурпурную одежду царей Тира, украшенную драгоценными камнями и напоенную благоуханиями, а также их золотой скипетр и венец — знаки царского сана.

Приближенные царя и придворные чины: главный смотритель дворца, начальник работ, казначей, постельничие, кравчий, хранитель одежд — получали от царей, по всеобщему древневосточному обычаю, подарки дорогими одеждами, украшениями и оружием. Подобным образом награждали и государственных чиновников — советников, писцов и ученых.

Судьи и представители низших городских властей носили обыкновенную светскую одежду, но первые, как представители полицейской и местной судебной власти, сохранили за собой право старинных судей носить особый посох. Суд свой они чинили на площадях или под городскими воротами, куда конфликтующие стороны являлись в траурном одеянии.

Закон постановлял (возможно, это была единственная дань египетской традиции), чтобы священническое одеяние было изготовлено из чистого белого полотна. Это одеяние состояло — в противоположность египетскому — из нижнего платья, закрывавшего наготу «от чресл до голеней», цельной тканой одежды — хитона, пояса и головной повязки.

Носить обувь при священнодействии священникам воспрещалось. Они не могли также выстригать себе волосы на голове в знак печали и вообще предаваться неумеренному выражению скорби, но им позволялось вне служения носить обыкновенную мирскую одежду.

Головной убор состоял из плотной сетки (маснаемфес), закрывавшей почти две трети головы, и повязки, которую оборачивали вокруг всей головы и прикрепляли шнурком для того, чтобы она не могла свалиться во время священнодействия.

Вместо повязки, как у простых священников, первосвященник носил на голове тюрбан, на котором спереди была привязана пурпуровыми шнурами золотая диадема. На ней были вырезаны слова: «святыня Господня».

По описанию Иосифа (Иуд. война, V, 5 (7)), в некоторых подробностях отличающемуся от библейского, головной убор первосвященника состоял из тиары с тремя венцами, усаженными золотыми цветочками, как у простых священников, а эфод представлял собой одежду из дорогой ткани с рукавами и вырезом на груди.

Это разногласие объясняется изменениями, которым подверглась с течением времени как одежда левитов вообще, так и облачение первосвященника в особенности. Обувь первосвященник во время служения не носил, по крайней мере, он не мог входить в святая святых иначе, как разутым.

В дни больших праздников, во время торжественных процессий и жертвоприношений миряне тоже одевались в лучшее платье. Если же праздновалось какое-нибудь особенно радостное событие, они надевали на голову венки из плюща.

По обычаю, становясь на молитву, миряне привязывали себе на руки, на лоб и на левое предплечье так называемые хранилища — пергаментные полоски со словами из закона — для того чтобы живее держать в памяти заповеди Иеговы. Впоследствии этот обычай превратился в такое же ханжество, как и ношение больших кистей на одежде (см. выше).

Рис. 121

Вооружение

Вооружение евреев мало отличалось от вооружения прибрежных народов, причем нужно заметить, что и у них так же, как и у филистимлян, одни лишь военачальники носили его полный набор. Организованное вооружение войска началось скорее всего при Давиде, а отделка орудия только при Соломоне.

Щит был трех видов: ручной (рис. 192), поставной, закрывавший всего воина (ср. рис. 34, з; 38, г), и овальный, введенный в позднейшее время, в подражание персидскому щиту (рис. 82, а). Щиты делались плетеные и деревянные с кожаной покрывкой и металлическими бляхами или, реже, цельные металлические.

Позолоченные щиты (а может быть, выкованные из золота), как те 200 щитов, которые велел сделать Соломон, изготавливались только ради пышности. Доспехи царя Саула состояли из медного шлема и панциря. Они были так тяжелы, что не привыкший еще к ратному делу Давид был не в состоянии свободно в них двигаться.

Шлемы не всегда делались из меди, были также шлемы из твердого войлока или кожи, наподобие египетских.

Украшали ли евреи свои шлемы, подобно ассирийцам (рис. 35, б—г), пучками перьев и т. п. или нет — достоверно неизвестно. Зато вполне вероятно, что панцири израильских воинов, по крайней мере знатных, были очень похожи на ассирийские. Они полностью закрывали грудь и спину от шеи до бедер и делались из меди или покрывались медными чешуйками.

Во времена Маккавеев появились настоящие кольчуги. Как те, так и другие подпоясывались широким ремнем, вероятно украшенным бляхами.

Ноги защищали металлическими поножами — частью вооружения, которую израильтяне могли заимствовать у приморских племен. Обувью служили крепкие ботинки на шнуровке, которые сначала были похожи на ассирийские полусапоги, а потом приняли форму римских солдатских башмаков (рис. 29, д; рис. 38, д.).

Рис. 122

Главным оружием нападения служили меч, копье и лук со стрелами. Мечи были различной длины, часто обоюдоострый с острым концом (рис. 123). Их носили в ножнах, которые висели на левом боку на особой перевязи. Впоследствии вошли в употребление римские кривые кинжалы — сика (ср. рис. 37, к).

Рис. 123

Копья, по всей вероятности подобные ассирийским и персидским (рис. 36, з—л; рис. 83), были приспособлены для удара рукой и для метания. Луки также ничем не отличались от ассирийских и персидских и изготавливались из твердого дерева, рога, жил или металла. Стрелы делали из тростника; их носили в колчанах, а лук в налучье (см. рис. 36, а—в, д—ж; рис. 82, в; ср. рис. 83, а, б).

Кроме описанного оружия израильтяне сражались пращей, которая была у них любимым метательным оружием, а топоров, палиц, молотов и другого ударного оружия они не использовали.

Знамена были известны евреям уже в самую раннюю пору, когда, по библейскому сказанию, каждое колено собиралось под своим знаменем. Но были ли у них собственно войсковые знамена, как, например, у египтян, ассирийцев (рис. 64, в) или персов, неизвестно. Вероятно, что для сбора ратников и у них поднимались сигналы на шестах, зажигались огни на возвышенностях. Во время сражения трубили в рога или в трубы.

Постройки

Первым самостоятельно воздвигнутым зданием израильтян, сооруженным после их ухода из Египта, было подвижное святилище — скиния. Этот храм был устроен по типу переносного шатра, который можно было ставить и снимать, достаточно просторного для того, чтобы отправлять в нем богослужения и хранить переданную Моисеем народу святыню.

Завоевав Ханаан, израильтяне не сразу стали жить в постоянных жилищах, а долгое время пользовались такими же переносными палатками или тростниковыми хижинами, как во время своего странствования по пустыне. С одной стороны, это обуславливалось тем, что в ходе завоевания страны они сами разрушили большую часть ее городов и превратили их «в вечные развалины»; а с другой — тем, что оседлой жизни мешали непрекращающиеся нападения со стороны враждебных племен.

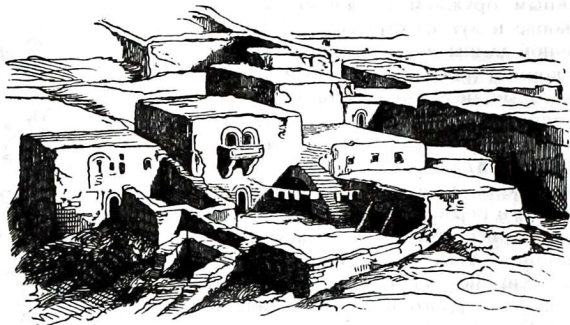

Рис. 124

Таким набегам подвергались преимущественно восточные области Ханаана, от чего у населяющих их жителей полукочевой образ жизни сохранялся гораздо дольше, чем во внутренних и в западных областях, находившихся в более благоприятных условиях. Однако, хотя население этих областей уже давно занималось земледелием и жило в городах, которые были или построены, или восстановлены и укреплены еще при Иисусе Навине, оно предпочитало постоянным жилищам легкую палатку или шатер, разбитый в пределах городских стен или за ними.

Потребность в постоянных жилищах стала появляться только со времен Давида, но и то лишь в среде знатных и богатых, которые селились вокруг царских чертогов, народ же продолжал жить по-прежнему.

Городские жилища богатых израильтян достались им вместе с завоеванными городами, а часть была построена по образцу существовавших домов. Устройство их, как позволяют судить библейские указания, ничем не отличалось от устройства более поздних и даже современных восточных городских жилищ.

Климатические и бытовые условия, которые влияли тогда на постройку частных жилищ, остались такими же до сих пор, и если мы взглянем на рисунок группы домов в нынешнем городке Назарете (рис. 124), то увидим, что эти дома похожи на изображенные на древнейших египетских и ассирийских (рис. 42, б) барельефах. И здесь, и там к дому примыкает открытый, обнесенный стеной двор, с которого на плоскую крышу жилого строения поднимается лестница.

Дома, как правило, строили из обожженного или высушенного на солнце кирпича, реже из камня, используя известковый или гипсовый цемент. Деревянные части строений, перекладины, столбы и прочее, делали из сикаморовых и пальмовых бревен, а иногда из маслины, сандалового и кипарисового дерева. Жилые покои выходили на четырехугольный некрытый двор, который в больших домах был

обнесен колончатой галереей, иногда усажен деревьями и вымощен. Посередине двора располагалась цистерна.

У больших городских домов, кроме внутреннего, был еще один двор, располагавшийся перед домом. Он тоже был окружен стенами и обнесен галереей, откуда лестницы вели на галерею вокруг крыши. Он заменял сени и переднюю и соединялся с центральным (внутренним) двором проходом или воротами. Двери в домах были, как правило, невелики; деревянные створы навешивались на вертикальные веревки и запирались.

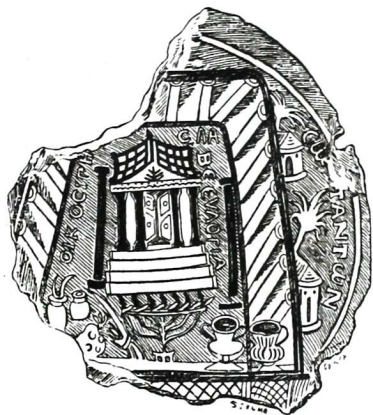

Рис. 125

Окружавшие внутренний двор жилые покои разделялись на переднюю и заднюю половины. В последней жили женщины, вход в нее был запрещен всем, кроме главы семейства. Женщинам, по-видимому, разрешалось входить в мужскую половину. Стены в комнатах небогатых людей были просто выбелены, у богатых расписаны или увешаны коврами, обложены панелями из дорогого дерева или мрамором. Полы обычно делались из кирпича или специального гипсового раствора.

Царские чертоги

Дворцы израильских царей отличались от ассирийских и вавилонских главным образом тем, что не имели отношения к общественному культу и, в отличие от египетских храмов-дворцов, были просто роскошным жилищем царя как самого знатного и богатого человека в царстве.

Это отделение религиозного от светского было установлено в Израиле Моисеем. Он истребил распространившееся было в народе во время его пребывания в Египте обоготворение тельца (аписа) и восстановил поклонение единому истинному Богу. Для общественных жертвоприношений он ввел жертвенники из нетесаного камня и без ступеней, по старинному патриархальному обычаю, а для хранения святыни и для богослужения шатрообразное святилище — скинию.

Особенно сильным было влияние сирийского идолослужения во времена Судей. Именно тогда израильяне воздвигали алтари Ваа-

лу (рис. 130) и Астарте и ставили на них идолов, убранных в богатые одежды. Как в народе «каждый делал то, что ему казалось справедливым», так и в священстве не было религиозного единства. Упрочение власти в лице царей остановило дальнейшее политическое и религиозное дробление израильского народа.

Давид первым предпринял попытку восстановить в народе уважение к святыне и вере его отцов. Вместо скинии, сопровождавшей израильский народ в его странствованиях, Давид устроил новую, более богато отделанную, а впоследствии собирался построить постоянный храм, который своим великолепием превзошел бы «кедровый дом, в котором он жил сам» (2 кн. Царств, VII, 2). Но внутренние беспорядки и войны не позволили ему это сделать, и новая скиния оставалась во все время его царствования единственной общественной святыней израильского народа.

Именно эта скиния описывается в библейском повествовании, где очень подробно рассказывается о ее устройстве. Как и старинная скиния, которая была, возможно, подражанием египетским храмовым постройкам, новая имела вид продолговатого четырехугольника в 100 локтей длины и 50 ширины, окруженного столбами, между которыми вешались ковры.

Вход закрывался завесой в 20 локтей ширины. Этот четырехугольник был преддверием, ведущим в святая святых — четырехуголь-

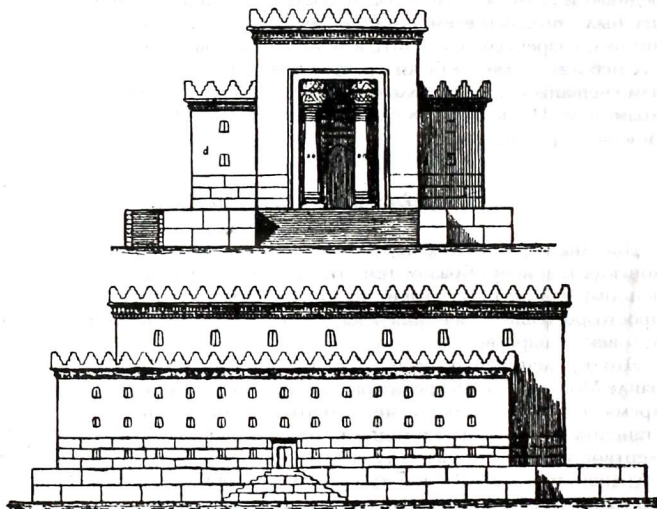

Рис. 126

ную постройку длиной 30 локтей, шириной 10 локтей и высотой 10 локтей. Стены этой постройки были сделаны из позолоченных брусьев дерева ситтим и акации, поставленных вертикально. Каждый брус стоял на двух серебряных подножиях и крепился к остальным двумя шестами, пропущенными в золотые кольца.

Стены скинии были завешены покрывалами. Внутреннее покрывало было из голубой, пурпурной и червлёной шерсти и крученого виссона (льна); на нем были вытканы херувимы. Второе покрывало, на треть длиннее первого, было соткано из тонкой козьей шерсти.

Затем следовал слой из красной бараньей кожи и, наконец, внешний слой из синей кожи. Первые два покрывала были скреплены петлями и золотыми крючьями. Вход в скинию закрывался завесой из узорчатого крученого виссона.

Завеса была повешена на обитых золотом столбах из дерева ситтим, поставленных на серебряные подножия. Другая завеса с вытканными херувимами, повешенная на четырех столбах из дерева ситтим, обитых золотом, отделяла святилище от помещения, где стоял ковчег завета.

С северной стороны святилища помещался стол хлебов предложения и сосуды, а напротив стола, к югу, светильник с шестью ветвями. Между столом и светильником стоял жертвенник курений, на дворе скинии, у входа, жертвенник всесожжения, а между ними и входом — умывальник для священников.

Намерение Давида построить в Иерусалиме постоянный храм Иегове было суждено исполнить его сыну Соломону. Место для храма было выбрано Давидом на горе Мориа, напротив Сиона. Он же подготовил часть материалов для постройки храма.

После семи лет непрерывных работ храм был окончен (рис. 126, 128). Много времени и труда потрачено было на закладку его фундамента, так как пришлось увеличить насыпью холм, на котором он строился, и с восточной стороны укрепить его стеной в 400 локтей высотой. Она была сложена из правильно обтесанных и искусно пригнанных четырехугольных камней. Остатки стены видны до сих пор.

За образец при постройке храма была взята скиния. Храм единого Бога, которому поклонялся израильский народ, мог вмещать в своих стенах только одно святилище, которое и составляло главную часть всего здания.

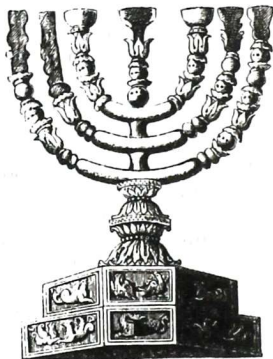

Рис. 127

По библейскому сказанию (3 кн. Царств, VI и VII), храм, построенный Иегове Соломоном, имел 60 локтей в длину, 20 локтей в ширину и 30 локтей в высоту. Внутри он был разделен (так же, как и скиния) на две неравные части.

Передняя, святилище, занимала две трети всей длины, или 40 локтей; задняя — остальную треть, образуя квадрат в 20 локтей по стороне. Перед восточным фасадом храма был устроен притвор длиной в двадцать локтей, т. е. во всю ширину храма, и 10 локтей глубиной.

Высота притвора составляла 120 локтей и была непропорциональна остальным частям, хотя подобная башнеобразная пристройка к храму встречается в изображении Пафосского храма на кипрских монетах. Так как два столба, установленные перед притвором (или подпиравшие его плоскую кровлю), были 23 локтя высотой, то можно предположить, что такой же высоты был и сам притвор.

Вокруг храма были устроены ходы в три яруса различной ширины: нижний в пять, средний в шесть, а верхний в семь локтей. Эти ходы вели к покоям, которые соединялись между собой дверьми. Так как давир имел в высоту только 20 локтей, т. е. был на 10 локтей ниже святилища (30 локтей), то над потолком или на его крыше могли быть устроены покои (в 10 локтей высоты) или вышки, имевшие какое-нибудь особое назначение.

На верхние ярусы поднимались по крутой лестнице с южной стороны храма. Свет в святилище попадал через окна, которые были прорезаны в верхней части помещения, выступавшей над боковыми пристройками.

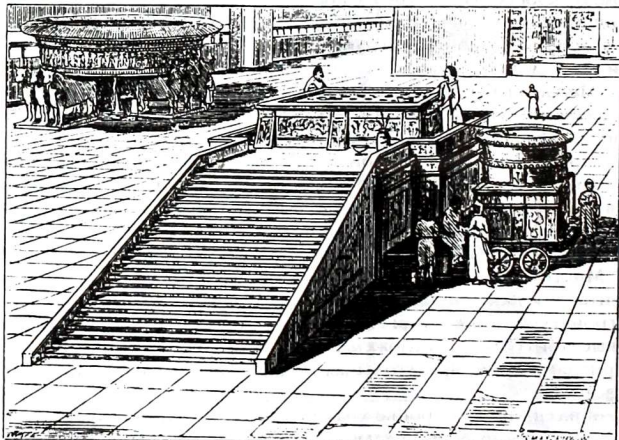

Рис. 128

Стены храма были сложены из камней, которые доставлялись на место постройки обтесанными, так что «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 кн. Царств, VI, 7). О толщине стены не имеется определенных сведений.

Крыша храма была настлана из кедровых досок, такими же досками были обложены и стены внутри храма. Пол был покрыт кипарисовыми досками, а весь храм внутри был обложен чистым золотом. «На кедрах внутри храма были вырезаны подобия огурцов и распускающихся цветов; все было покрыто кедром, камня не было видно» (3 кн. Царств, VI, 15, 18, 21, 22, 30).

Святынище отделялось от давира перегородкой из кедра, в которой были сделаны «двери из масличного дерева с пятиугольными косяками». На дверях были вырезаны херувимы, пальмовые ветви и распускающиеся цветы; все было обито золотом. У входа в храм (в святилище) были четырехугольные косяки, вели в него две двустворчатые двери из кипарисового дерева. Эти двери тоже были украшены резьбой и обиты золотом. Над дверьми находилось резное позолоченное украшение в форме плетенки или цепочки.

Разделение израильского царства после смерти Соломона повлекло за собой религиозное дробление народа. Сам Соломон под конец своей жизни поддался влиянию сирийского культа: «Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая перед Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые ходили и приносили жертвы своим богам» (3 кн. Царств, XI, 7, 8).

Капища, о которых говорится в библейском тексте, были, без сомнения, подражанием сиро-финикийским, об устройстве которых мы не имеем никаких данных, кроме упомянутого выше изображения капища или храма на кипрской монете (рис. 129, а).

Финикийцы представляли своих идолов, как правило, в виде столбов (священных камней), и эти столбы, как видно из описания Лукиана, были колоссальных размеров, то можно принять за таких же идолов и найденные на острове Араде в развалинах высеченных в скале капищ закругленные кверху каменные столбы 50 футов высотой и 14 футов в поперечнике с изваянными на них простыми украшениями (рис. 129, б).

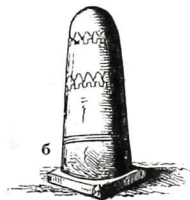

Рис. 129

Рис. 130

Это изображение, как полагают, храма Астарты, представляет собой башнеобразное здание со стоящим под ним грубым идолом, с галереями или портиками по бокам.

По возвращении иудеев из вавилонского плена был заложен под руководством Зоровавеля новый храм, вероятно, по образцу старого. Хотя для его постройки были также призваны финикийские мастера и что ее поощрял сам царь персидский, он был далеко не так великолепен, как прежний. К тому же его дамир был пуст, так как ковчег завета погиб при разрушении старого храма; его святилище заключало в себе только те предметы, которые были

унесены в Вавилон и возвращены Киrom. Новый храм был тоже обнесен притвором; по крайней мере, такое предположение оправдывается изображениями храма на маккавейских монетах (рис. 129, в).

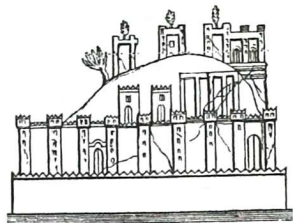
Новый храм постигла та же участь, что и прежний. Со времени завоевания Иудеи Александром он неоднократно превращался в языческое капище и затем снова восстанавливался. Благодаря своему центральному расположению в городе он служил даже цитаделью, пока, наконец, при взятии Иерусалима Иродом не был почти полностью разрушен.

На его месте по инициативе Ирода был построен другой храм. Сооружение его продолжалось десять с половиной лет, причем на постройку одних только дворов, окружавших храм, было потрачено около восьми лет.

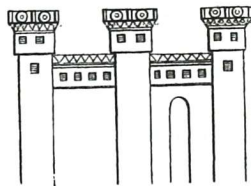
Площадь, занимаемая храмом, составляла одну квадратную стадию и включала в себя два квадратных двора — внешний и лежащий выше него внутренний, посередине которого, на возвышении, стоял храм. Внешний двор, в который вели несколько ворот, был вымощен узорной мостовой из разноцветных камней и обстроен галереями, крыши которых, сделанные из кедрового дерева, опирались на мраморные колонны в 25 футов высоты.

Внутренний двор отделялся стеной в 40 локтей высотой. К нему вели 14 ступеней, оканчивавшихся платформой шириной в 10 локтей, служившей основанием стен. Пять ступеней вели к воротам, из

которых восточные открывали отделение для женщин. Ворота запирались вызолоченными двойными створами в 30 локтей высотой и 15 локтей шириной. С каждой стороны ворот стояло по колонне в 12 локтей окружности. Главные ворота отличались от других большей высотой и более богатой отделкой.

Над воротами были надстроены различные помещения, возвышавшиеся башнеобразно на 40 локтей. Внутри двора, вдоль стен, тянулись высокие крытые галереи на колоннах. Каменная ограда в локоть высотой отделяла этот двор от двора священников, непосредственно окружавшего храм и заключавшего в себе помещения для склада припасов. Эти дворы были вымощены так же, как и наружный двор, каменными плитами.

б

Это великолепное здание представляло собой такое же, если не более ярко выраженное смешение восточных, позднегреческих и римских архитектурных форм и орнаментов, как это можно наблюдать в уцелевших остатках позднейших сооружений в Палестине, называемых гробницами царей, — Авессалома, Захарии и др. Оно просуществовало в своем первоначальном виде до самого падения Иерусалима. При взятии города Титом храм сгорел, несмотря на все старания императора спасти его. Из всех сокровищ уцелели только золотой светильник (рис. 127) и стол хлебов предложения; они и были увезены победителем в Рим.

Рис. 131

Храм был соединен с укреплениями — с одной стороны с крепостью Антония, построенной Иродом у северо-восточного склона горы Мории, а с другой — с крепостью Сион, которая, кроме того, соединялась с храмом еще и мостом.

К древнейшим упоминаемым в Библии крепостным постройкам евреев принадлежала крепость или город Фамнаф-Сараи на Ефремовой горе. При разделении земли он достался в наследие Иисусу Навину, который избрал его своим местопребыванием и окружил укреплениями.

Постройка настоящих укреплений вокруг городов началась у евреев только со времени царей.

Когда израильское войско располагалось станом в открытом поле, оно окапывалось валом или рвом или же устраивало защиту из обозных повозок. Ставки или шатры расставляли кругом, как это и теперь делают бедуины. Вокруг стана ставили стражу (форпосты). Ох-

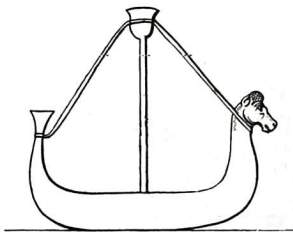

Рис. 132

рану обоза во время сражения поручали оставленным при нем воинам. В случае победы водружали на поле сражения трофеи — шесты, к которым привязывали что-нибудь из захваченной добычи.

Так как до Соломона израильтяне не пускались в дальние плавания, то и судостроение их ограничивалось постройкой речных судов.

До этого лишь прибрежные жители были знакомы с морем, но они плавали только вдоль берега, перевозя финикийские товары морем в Яффу, откуда их отправляли по суше в Иерусалим и далее.

Учителями евреев в кораблестроении были финикийцы, лучшие мореходы древности, которым предание приписывает даже изобретение мореходства, парусов и военных кораблей и которым остров Кипр издавна давал отличный материал для постройки кораблей.

Корабли, которые Соломон по соглашению с Хирамом отправлял для открытия Индии, были построены и оснащены тирскими судовщиками, даже часть их экипажа состояла из финикийцев, поэтому устройством своим они почти не отличались от финикийских. Тирские же купеческие корабли славились своим великолепием: их называли плавающими дворцами.

Морские торговые пути финикийцев были определены с незапамятных времен. На некоторых прибрежных пунктах между колони-

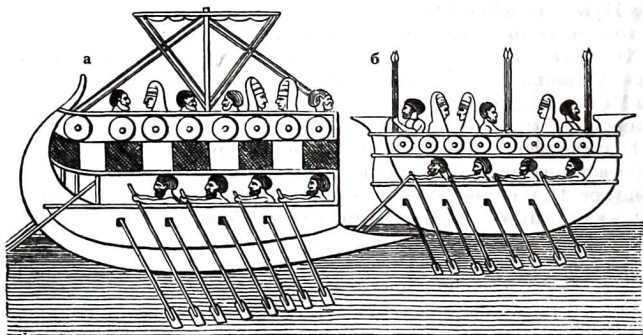

Рис. 133

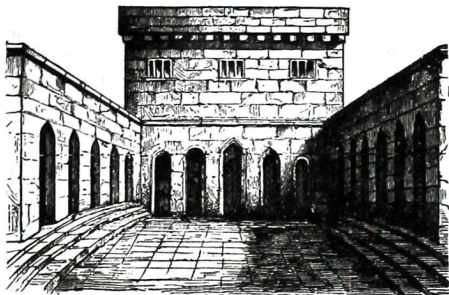

Рис. 134

альными городами строились особые станции, которые нередко превращали в склады для товаров и даже в настоящие колонии.

Финикийские корабли снабжались всеми нужными снастями для подъема и опускания парусов, рулем, якорями. Главным их украшением были резные изображения трех главных божеств страны. Эти изображения на военных кораблях крепились на носу и на корме (рис. 132), как и подобные фигуры на ассирийских кораблях.

Сухопутные торговые дороги внутри страны были тоже снабжены постройками для отдыха караванов, часть которых была укреплена. Эти караван-сарай строились по одному образцу в подражание обширным дворам сирийских храмов и состояли из продолговатого или четырехугольного большого двора, окруженного крытыми галереями, разделенными внутри на отдельные помещения (рис. 134). Рядом были сделаны колодцы и насажены деревья.

Подобный караван-сарай был построен Соломоном в одном из плодородных оазисов сирийской пустыни. Скоро вокруг здания поселились купцы, были выстроены помещения для складов, великолепные дома, и торговая станция превратилась в богатый купеческий город Тадмор (Пальмира). Развалины великолепных храмов, остатки длинных колоннад и водопроводов, покрывающие равнину Пальмиры, до сих пор свидетельствуют о былом богатстве этого города.

Разведение садов при городских домах и вблизи их было также очень распространено в Палестине. Сады засаживали виноградом, фруктовыми и тенистыми деревьями.

В садах были также бассейны для купания, а на грядках среди фруктовых деревьев росли различные декоративные растения. Финикийцы, городские сады которых пользовались особенной известностью, были и в этом деле учителями евреев. Подобно персам и другим восточным народам, евреи очень любили большие красивые деревья. Они украшали ими места народных сходок, под их сенью погребали умерших.

Гробницы

Мертвых (кроме царей и пророков) всегда хоронили за городом, как правило, в гротах или пещерах, которых так много в палестинских горах. Пещеру, выбранную для погребения, или оставляли в естественном ее виде, или вытесывали в погребальную камеру с ходами и боковыми покоем (рис. 135).

В первом случае вход просто заваливали большим камнем, а в последнем — закрывали плотно притесанной каменной плитой. Из таких гробниц впоследствии развились те архитектурно законченные гробницы, остатки которых сохранились и до сих пор: «И почил Аса с отцами своими, и умер на сорок первом году царствования своего. И похоронили его в гробнице, которую он устроил для себя в городе Давидовом; и положили его на одре, который наполнили благовоениями и разными искусственными мастилами, и сожгли их для него великое множество» (2 Парал., XVI, 13, 14).

Утварь

Принимая во внимание политические условия жизни израильтян до избрания царей, можно предположить, что только после правления Судей у них начали появляться различные ремесла. Все они постоянно находились в руках чужеземцев, сами же евреи ограничивались производством только самого необходимого и практически полезного.

Поэтому ремесла не достигли у них такого совершенства и разнообразия, как у соседних народов.

Большая часть ремесленников, которых завоеватели Палестины переселяли из нее в свои города, была, по всей вероятности, ханнаанского (филистимского) и финикийского происхождения.

Из-за недостатка в Палестине дерева оно привозилось из чужих земель. Со времен Соломона из Офира стали вывозить дорогое красное сандаловое дерево, слоновую кость и пр. Главными инструментами этих ремесленников были топор, пила, рубанок и бурав.

Кожевники селились за пределами городов из-за дурного запаха, исходившего при обработке кож. Инструменты их, вероятно, ничем не отличались от инструментов египетских кожевников.

Рис. 135

Горшечники составляли особый цех — по ним даже были названы в Иерусалиме одни из городских ворот. Они были знакомы с гончарным колесом. Готовая посуда покрывалась поливой и обжигалась в печах.

Простые глиняные сосуды были похожи на такие же сосуды других древневосточных народов и были довольно однообразными. Для варения мяса применяли котлы или кастрюли. Сварившееся мясо вынимали из горшка вилкой. Котлы и сковороды делались и из металла, их ставили на металлические треножки. Часто упоминаются в Библии глиняные и медные горшки, а также глиняные сосуды для черпания и перевозки воды.

Приготовленную пищу подавали в глиняной посуде, в плоских чашах и на блюдах (рис. 136, б—в); для хранения напитков и вообще жидкостей использовали большие глиняные кувшины (рис. 136, а).

Жидкости перевозили в мехах, больших глиняных кувшинах, и изредка — в деревянных бочках.

Мебель богатых людей состояла из кресел, лож или диванов, столов, стульев и приборов для освещения покоев. Последние в царских домах заменялись металлическими жаровнями. Они ставились посередине покоя и, во избежание чада, накрывалась завешенным коврами деревянным колпаком.

Светильники и лампы представляли собой металлические и каменные чашки на подставках и без них. Они ничем не отличались от найденных при раскопках развалин Ниневии ламповых чашек (см. рис. 59).

Евреи, как и другие древневосточные народы, только в позднейшее время ввели у себя обычай лежать за столом, а до тех пор ели сидя, поэтому стулья и кресла оставались у них в употреблении вместе с ложами. Те и другие были деревянные, с металлическими украшениями и покрывались дорогими коврами и вышитыми подушками. Особенно роскошны были ложа богачей, устланные узорчатыми покрывалами, египетскими коврами и опрысканные благовониями. Возлежавшие опирались левой рукой на мягкие подушки и такие же подушки подкладывали себе под голову и за спину.

Рис. 136

Рис. 137

Столы, которые ставили перед этими ложами (служившими и постелями), были сравнительно невысокими и, как и в наше время на Востоке, обыкновенно круглыми, на четырехугольном подножии.

Часто упоминаемые «одры» больших были, вероятно, обыкновенными носилками.

Великолепный Соломонов престол, изготовленный тирскими мастерами, может служить примером той пышности, которая господствовала в убранстве царских покоев при этом царе. Престол этот, как говорится в Библии (3 кн. Царств, X, 18; Пар., IX, 17), был сделан из слоновой кости и обложен чистым золотом. Формой своей он походил на египетские и ассирийские тронные кресла.

Проще были престолы, на которых сидели цари израильские, когда творили суд публично перед народом на городской площади или под воротами города. В этих случаях перед престолом расстилали дорогие ковры (обычай, и теперь еще существующий на Востоке).

Военное снаряжение евреев было заимствовано ими в сравнительно позднее время у соседних народов: сначала у ханаанских племен, с которыми они постоянно воевали, а потом у финикийцев и ассирийцев.

При первых же столкновениях с ханаанскими племенами израильтяне поплатились за несовершенство своего вооружения. Хотя Иуда и «овладел горой, но жителей долины не мог прогнать; потому что у них были железные колесницы». Давид первым ввел боевые колесницы, захватив значительное их количество в числе трофеев после победы, одержанной им над сирийским войском (рис. 137). При его наследниках в израильском войске был учрежден особый отряд воинов, сражавшихся с колесниц.

Колесницы по устройству были похожи на египетские (египтяне добывали себе колесницы в Западной Азии или делали их сами по образцу азиатских) и в позднейшее время на ассирийские, с тем различием, что у еврейских колесниц колеса были железными или же обитыми железом — каменистая почва страны требовала особой их прочности.

Так же были устроены и простые повозки, которые применяли для перевозки грузов (рис. 138, а, б). Они были двухколесными и четырехколесными, с более или менее удобно прилаженными сиденьями. В них запрягали обыкновенно коров, быков или мулов и очень редко — лошадей. Осадные машины евреев — тараны и подвижные

башни — также были заимствованы ими у соседей. Царь Осия придумал особого рода метательные машины, которые поставил на угловых башнях столицы.

Умывальница, в которой священники перед вступлением в святилище омывали себе руки и ноги, была сделана из меди, как и ее подножие. Она имела вид плоской круглой чаши, наподобие тех больших медных чаш, которые были найдены в Куюнджикских развалинах.

Жертвенные принадлежности состояли из чаш, вилок и угольниц и, кроме того, из упомянутых выше блюд и различных ножей. Ножи сначала делались из камня, как и у древних египтян; впоследствии стали делать железные или медные жертвенные ножи с красивыми (золотыми) рукоятями, которыми они отличались от обыкновенных ножей.

Хранение, установка и уборка утвари, принадлежащей к скинии, составляли одну из главных обязанностей священников, переноска же была возложена на служащих левитов.

Гораздо драгоценнее была утварь, сделанная Соломоном для построенного им храма и заменившая прежнюю, без сомнения, сильно пострадавшую от времени. Из древней утвари сохранен был один ковчег, занявший место в давире храма. За ковчегом, в глубине давира, были поставлены два вырезанных из дерева херувима, подобные украшавшим крышку ковчега, но большего размера.

Новая утварь по форме мало отличалась от древней, но значительно превосходила ее размерами, так как не предназначалась для переноски. Вместо одного стола хлебов предложения и одного светильника, бывших в скинии, в святилище храма были поставлены десять таких столов и десять светильников — те и другие золотые или серебряные. На столах, кроме определенного числа хлебов, ставились еще сто золотых чаш с вином. Светильники были расставлены по пять справа и слева от святилища перед давиром. Лампады, щипцы, лотки к светильникам и вся остальная утварь — чаши, угольницы, курильницы, ножи — все было сделано из чистого золо-

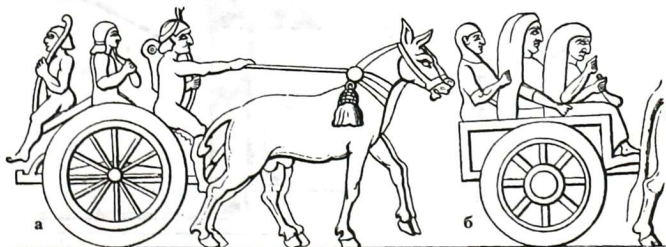

Рис. 138

та. Жертвенник курений, также стоявший в святилище, был сделан из кедрового дерева и обложен чистым золотом.

Самой искусной работой призванных Соломоном тирских мастеров, в частности Хирама, была утварь, изготовленная ими для внутреннего двора храма: жертвенник всесожжения и умывальницы для священников (особенно последние). Жертвенник всесожжения отличался от древнего только величиной и материалом. Он был медный, в 20 локтей длиной и шириной и в 10 локтей высотой.

Лучшим произведением Хирама была колоссальная медная умывальница, называвшаяся медным морем.

Для внутреннего двора Хирам сделал тазы, лопатки, чаши, кадельницы и все жертвенные сосуды из чистого золота и полированной меди (рис. 139, б).

Относительно формы и устройства струнных инструментов тоже нет достаточно определенных указаний. Упоминается одна гитара или цитра. Поскольку на ней можно было играть на ходу, то можно предполагать, что она была скорее похожа на лютню. Евреям были известны также различные лиры и арфы, к которым следует причислить наблий, псалтырь и самвику. Несомненно также то, что все эти инструменты были уже в глубокой древности в употреблении у египтян.

Игрой на флейте вторили плачевным и жалобным песням, которые, по обычаю евреев, пелись в доме умершего после его погребения. Тело умершего сначала омывали, потом завертывали в полотно и переносили на место погребения на носилках или в гробу. Воинам клали в гроб их оружие; знатым — их украшения, драгоценности и пр. Следуя финикийскому обычаю, тела царей погребали иногда в каменных саркофагах, на которых вырезали изображения и надписи, как это делалось в Египте.

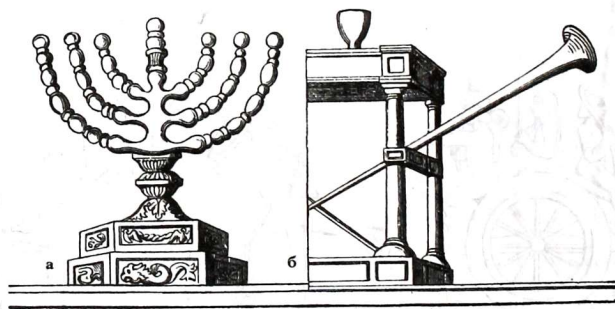

Рис. 139

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ АЗИИ	3
Народы Западной Азии во втором тысячелетии	
до нашей эры	3
Предварительные замечания	3
Одежда	6
Постройки	12
Утварь	14
Ассирийцы и вавилоняне	16
Предварительные замечания	16
Одежда	25
Вооружение	38
Вооружение отдельных частей войска	43
Постройки	45
Царские дворцы	51
Общественные сооружения	58
Укрепления и военные постройки	59
Утварь	61
Сосуды	61
Мебель	64
Мидяне и персы	73
Предварительные замечания	73
Одежда	78
Вооружение	86
Состав и деление персидского войска	90
Постройки	98
Жилища	99
Царские гробницы	107
Капища и другие культовые сооружения	112
Утварь	114
Евреи и финикийцы	117
Одежда	117
Вооружение	126
Постройки	127
Царские чертоги	129
Гробницы	138
Утварь	138

В этом уникальном издании представлены костюм, оружие, мебель, предметы быта и архитектурные сооружения народов нашей планеты. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры, профессор Берлинской академии художеств Герман Вейс (1822—1897). Особую ценность многочисленным иллюстрациям придает то, что они выполнены самим автором с оригиналов, большинство из которых сегодня утрачены. По широте и объему материала, сведенного в единое целое, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

В серии также выходят:

«Зарождение мировой цивилизации.
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ»

«Истоки европейской цивилизации.
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ»

«Возвышение и упадок империи.
ДРЕВНИЙ РИМ»

«Великое переселение народов.
ГОТЫ, ГУННЫ, СЛАВЯНЕ, ГЕРМАНЦЫ»

«Арабские завоевания.
РАСЦВЕТ ВИЗАНТИИ»

«Европейское средневековье.
ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ГОТИКА»

«Великие христианские государства.
АНГИЯ. ФРАНЦИЯ. ГЕРМАНИЯ»

«Высокое Возрождение.
ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС»

«Торжествующая монархия.
ЕВРОПА. XVIII—XIX вв.»

«Загадка великой культуры.
РОССИЯ. X—XX вв.»

«Прекрасная эпоха. ЕВРОПА. XX в.»

ISBN 5-699-13544-8

9 785699 135448 >

АССИРИЯ. ВАВИЛОН. ПЕРСИЯ. Первые сверхдержавы